Наблюдение за смертью

Обложка книги

Никто

Теги: Тайна, Детектив и детективно - публицистический роман, Детектив и детективный детектив, Художественная литература - Мистерия, Английский роман и рассказ 20-го века, Детектив, Общий, Саспенс, Художественная литература, Мистические и детективные истории

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ: В темном коридоре часовой мастерской найден мертвым полицейский с тонким позолоченным предметом, воткнутым в его шею, — минутной стрелкой часов. У доктора Фелла есть информация о преступлении, но, чтобы доказать свою невероятную теорию, он должен использовать сумасшедшего для поимки убийцы.

Глава “Караул смерти”

Джон Диксон Карр

ПОСТОЯННАЯ БИБЛИОТЕКА

Издательство “Харпер энд Роу”, Нью-Йорк, Гранд-Рапидс, Филадельфия, Сент-Луис, Сан-Франциско, Лондон, Сингапур, Сидней, Токио, Торонто.

Издание этой книги в твердом переплете было опубликовано в 1935 году издательством Harper & Row.

“ЧАСЫ СМЕРТИ”. Авторские права © 1935, 1963 Джон Диксон Карр.

Содержание

Открытая дверь в Линкольнс-Инн-Филдс 1

Смерть на часах 10

Разбитое окно 20

Человек на пороге 30

Двое на крыше 42

Рапорты инспектора Эймса 56

Звон цепи 69

Вид через окно в крыше 83

Неоконченное преступление 97

Позолоченная краска 112

Самозванец 127

Пять загадок 138

Часы-череп 154

Последнее алиби 166

Летающая перчатка 180

Доказательство за панелью 197

Доводы обвинения 210

Доводы защиты 226

Продолжение в таверне 242

Письмо под полом 256

Невозможный лунный свет 272

Правда 287

Перекинутый через порог мужчина лежал частично на правом боку, частично на спине. Желтый свет ясно освещал его, играя тенями на мускулах лица и рук, которые все еще подергивались. Его веки все еще подрагивали, и под ними виднелись белки. Его рот был приоткрыт, спина, казалось, слегка выгнулась, словно от боли….

Прямо над первым позвонком, от которого, очевидно, что-то тонкое и острое наискось направлялось вниз, через горло в грудь, торчал металлический предмет толщиной с ладонь. Это был не тот нож, подобного которому кто-либо из них когда-либо видел раньше. То, что они могли разглядеть сквозь кровь, было выкрашено яркой позолотой; головка была шириной около

полутора дюймов, сделана из тонкой стали, и в ней было проделано странное прямоугольное отверстие, похожее на автомобильный гаечный ключ.

Элеонора Карвер закричала.

“Да”, - сказал доктор Фелл. “Кто-то схватил его сзади как раз перед тем, как он достиг вершины лестницы. И эта штука”

Он проследил за указующим пальцем девушки.

“Да, я буду очень удивлен, если это окажется не минутная стрелка часов. Больших уличных часов”.

— из главы 2 “Часы смерти”.

Караул смерти

Глава 1

Открытая дверь в Линкольнс-Инн-Филдс

“Странные преступления?” - спросил доктор Фелл, когда мы обсуждали тот случай со шляпами и арбалетами, а затем еще более любопытную проблему перевернутой комнаты в Уотерфолл-Мэнор. - Вовсе нет. Эти вещи кажутся странными только потому, что факт излагается вне надлежащего контекста. Например.” он прогрохотал, аргументированно хрипя: “Подумай об этом. Вор проникает в мастерскую часовщика и крадет стрелки с часов. Больше ничего не взято и даже не тронуто; только стрелки от часов, не представляющих особой ценности… . Ну? Что бы вы сказали об этом, если бы были полицейским, которому сообщили об этом? На самом деле, каким преступлением вы бы это сочли?”

Я подумал, что он просто предается фантазиям, как это обычно бывает у врачей, когда кружки наполнены, а стулья удобны. Поэтому я слабым голосом сказал, что, вероятно, мне следует подумать о том, чтобы убить время, и подождал, пока он фыркнет. Но ответа не последовало. Доктор Фелл затянулся сигарой; сияющее выражение его широкого красного лица с множеством подбородков стало настолько задумчивым, насколько это вообще возможно, а маленькие глазки за стеклами очков на широкой черной ленте сузились. Некоторое время он молча сопел, поглаживая свои бандитские усы. Затем он неожиданно кивнул.

“Вы попали в точку!” - заявил он. “Хм, да. Вы попали в точку”. Он указал сигарой. “Вот почему убийство было таким ужасным, когда оно произошло — это было убийство, понимаете. Сама мысль о том, что Боскомб намеревался нажать на курок просто для того, чтобы убить время!..”

“Боскомб? Убийца?”

“Всего лишь человек, который признался, что намеревался совершить убийство. Что касается настоящего убийцы — это было довольно неприятное дело. Я не очень-то подвержен нервозности, - сказал доктор Фелл, шумно втягивая носом воздух. — Хех. Нет. Здесь слишком много набивки. Но я даю вам слово, что это проклятое дело напугало меня, и, кажется, я припоминаю, что оно было единственным в моей жизни. Напомните мне как-нибудь рассказать вам об этом.”

Я так и не узнала об этом от него, потому что в тот вечер мы с ним и миссис Фелл пошли в театр, а я уже договорилась уехать из Лондона на следующий день. Но сомнительно, чтобы он когда-либо подробно рассказывал о том, как он спас репутацию ЦРУ самым необычным способом из всех известных. Однако любой, кто знает доктора Фелла, был бы настороже, узнав факты по делу, которые могли бы вызвать у него беспокойство. В конце концов я узнал эту историю от профессора Мелсона, который следил за ним на протяжении всего процесса. Это произошло осенью того года, когда доктор Фелл переехал в Лондон в качестве консультанта Скотленд-Ярда (причины этого переезда станут понятны в конце этого повествования), и было последним официальным делом, которым занимался старший инспектор Дэвид Хэдли перед его запланированной отставкой. Он не ушел на пенсию; теперь он суперинтендант Хэдли, и это тоже будет понятно. Поскольку всего четыре месяца назад умер известный в этой истории человек, теперь нет причин для молчания. Итак, вот факты. Когда Мелсон закончил рассказывать свою историю, я понял, почему Мелсон, который сам по себе не был нервным человеком, всегда будет испытывать отвращение к потолочным окнам и позолоченной краске; почему мотив был таким дьявольским, а оружие уникальным; почему Хэдли говорит, что это можно назвать “Делом о летающей перчатке”; почему в короче говоря, многие из нас всегда будут считать проблему циферблата величайшим случаем доктора Фелла.

Это было вечером 4 сентября, как хорошо помнит Мелсон, потому что ровно через неделю он должен был отплыть домой на

открытие осеннего семестра 15-го. Он устал. Это не каникулы, когда вы пытаетесь выполнить ту неопределенную внекафедральную обязанность, известную как “опубликовать что-нибудь”, чтобы поддержать свой академический статус. Краткое изложение Истории своего времени епископа Бернета, отредактированное и дополненное доктором философии Уолтером С. Мелсоном, тянулось так долго, и он так яростно не соглашался со старым сплетником по всем пунктам, что даже частое удовольствие поймать его на лжи не могло стимулировать его к этому. теперь уже с энтузиазмом. Но, тем не менее, он поймал себя на том, что улыбается. Рядом с ним ковылял его старый друг в своей обычной широкополой шляпе, его массивная фигура и развевающийся черный плащ вырисовывались силуэтом на фоне уличных фонарей; он, как обычно, яростно спорил, подчеркнуто постукивая двумя тростями по пустынному тротуару.

Около двенадцати ночи, прохладной и ветреной, они возвращались по Холборну. Блумсбери оказался неожиданно переполнен, и лучшим жильем, которое Мелсон смог найти, оказалась неудобная комната-гостиная на четыре пролета выше по лестнице в Линкольнс-Инн-Филдс. Они поздно вернулись из театра; доктор Фелл, поддавшийся чарам мисс Мириам Хопкинс, настоял на том, чтобы досмотреть картину дважды. Но в тот день Мелсон приобрел у Фойла настоящую находку - словарь средневековой латиницы, и доктор наотрез отказался уходить домой, не просмотрев его.

- Кроме того, - прогрохотал он, - ты же не хочешь сказать, что на самом деле хочешь лечь спать в такой час? Эй? Чувак, это обескураживает. Если бы я был таким же молодым и энергичным, как ты.

- Мне сорок два, - сказал Мелсон.

- Мужчина, - яростно произнес доктор Фелл, - мужчина за тридцать, который вообще упоминает о своем возрасте, уже начинает обрастать мхом. Я смотрю на вас, — он прищурился сквозь очки, — и как вы выглядите? Вы похожи на этакого нелюбопытного Шерлока Холмса. Где ваша жажда приключений и жадное человеческое любопытство?

- “Большой турникет”, - сказал Мелсон, увидев знакомую вывеску. - Здесь направо. Я намеревался, - продолжал он, вынимая трубку и постукивая ею по ладони, - спросить вас о вашем чувстве

человеческого любопытства.— Есть какие-нибудь новые уголовные дела?”

Доктор Фелл хмыкнул. - Возможно, я пока не знаю. Они могут что-то сделать с убийством этого лавочника, но я в этом сомневаюсь.

“что случилось?”

- Ну, вчера вечером я ужинал с Хэдли, но он, похоже, сам не в курсе деталей. Сказал, что не читал отчет; у него есть хороший специалист по этому делу. Похоже, это началось с эпидемии магазинных краж в крупных универмагах, совершенных одной женщиной, которую они не могут опознать “

“Магазинные кражи, похоже, не очень…”

“Да, я знаю. Но, похоже, в этих ограблениях было что-то дьявольски странное. И продолжение было плохим. Черт возьми! Мелсон, это меня беспокоит! Он хрипел и грохотал, очки съехали набок у него на носу. Продолжение произошло около недели назад в магазине “Гэмридж”. Вы что, никогда не читаете газет? В ювелирном отделе была специальная распродажа или что-то в этом роде, и там было многолюдно. Мимо прошел продавец, безобидный парень в обычном утреннем халате и с прилизанными волосами. Лавочник внезапно хватает кого-то за руку; суматоха, толкотня, крики, поднос с драгоценностями рассыпался по полу; затем, в разгар суматохи и прежде, чем кто-либо успел понять, что произошло, лавочник падает ничком. Крики. Кто-то заметил под ним кровь. Они перевернули его и обнаружили, что его живот был широко вспорот каким-то ножом. Вскоре после этого он скончался.”

В узком проходе под названием Грейт-Турникет было неуютно холодно и сыро. Их шаги гулко отдавались по каменным плитам между рядами магазинов с закрытыми ставнями. Вывески беспокойно поскрипывали, и кое-где в тусклом газовом фонаре поблескивали позолоченные буквы. Что-то в рассказе лысого или в ночных звуках, заглушавших бормотание Лондона, заставило Мелсона оглянуться через плечо.

- Боже милостивый! он сказал. - Вы хотите сказать, что кто-то совершил убийство только для того, чтобы избежать ареста за кражу в магазине?

“да. И именно таким образом, мой мальчик. Хм. Я же говорил

тебе, что это было отвратительно. Никаких подсказок, никакого описания, ничего, кроме того, что это была женщина. Ее видели, должно быть, пять десятков человек, и все описывали по-разному. Она исчезла, вот и все. Это самое худшее, понимаете ли. Работать не над чем.

“Было ли украдено что-нибудь ценное?”

“Часы. Это было сделано на лотке с редкостями, который они использовали для демонстрации; модели демонстрировали прогресс часового дела, начиная с Питера Хеле”. В голосе доктора Фелла послышались любопытные нотки. - Послушай, Мелсон, какой номер у того дома на Линкольнс-Инн-Филдс, где ты остановился?

Мелсон остановился, сам того не сознавая, отчасти для того, чтобы раскурить трубку, но также и из-за какого-то воспоминания, которое всколыхнуло его, как прикосновение к плечу. Спичка чиркнула по наждачной бумаге на коробке. Возможно, воспоминание вернулось к нему из-за выражения маленьких блестящих глаз доктора Фелла, которые, не мигая, смотрели на него, когда пламя спички взметнулось вверх; или, возможно, из-за того, что приглушенный бой часов со стороны Линкольнс-Инн начал отбивать полночь. Мелсону, обладавшему довольно причудливым воображением, показалось, что в крупной фигуре доктора в плаще, с развевающейся на ветру лентой на очках, смотрящего на него сверху вниз в узком коридоре, было что-то почти гоблинское. Бой часов — предвестие…. Он погасил спичку. Их шаги продолжали отдаваться эхом в темноте.

- Номер пятнадцать, - сказал он. “почему?”

- Тогда взгляните сюда. Вы, должно быть, живете по соседству с человеком, который меня весьма интересует. Странный старикан, судя по всему, его зовут Карвер. Он часовщик, и очень известный. Хм, да. Кстати, вы что-нибудь знаете о часовом деле? Это увлекательная тема. Карвер одолжил универмагу несколько своих менее ценных экспонатов — одним из них были украденные часы — и, по-моему, они даже выманили несколько из музея Гилдхолла. Я просто хотел спросить…

- Ты проклятый шарлатан! - взорвался Мелсон. Затем он улыбнулся, и улыбка широким лучом отразилась на лунообразном лице доктора Фелла. - Я полагаю, вы вообще не хотели видеть этот словарь? Но я… — Он заколебался. - По

правде говоря, я и забыл об этом, но сегодня там произошла странная вещь. - Что за странная вещь?

Мелсон уставился вперед, между темными стенами, туда, где уличные фонари высвечивали бледную зелень деревьев на Линкольнс-Инн-Филдс.

- Шутка, - медленно ответил он. - В некотором роде шутка. Я не все понял. Это было сегодня утром. После завтрака я вышел покурить и принять душ; в любом случае, еще не было девяти часов. У всех этих домов высокое крыльцо, с тесным крылечком под парой белых колонн и скамейками вдоль каждой стороны. Вокруг было очень мало людей, но по нашей стороне улицы шел полицейский. Я сидел там, курил и чувствовал себя ленивым… Ну да, я смотрел на соседний дом. Это заинтересовало меня, потому что в витрине вашего часовщика висит табличка с надписью “Йоханнус Карвер”. “Мне было любопытно, у кого в наше время хватило бы наглости переделать свое имя в “Йоханнус””.

“Ну?”

“Ну, вот тут—то все и становится смешным”, - неловко сказал Мелсон. “Внезапно дверь распахнулась, и оттуда вышла пожилая женщина с суровым лицом, которая, пригнувшись, сбежала по ступенькам и побежала за констеблем. Сначала я понял, что она хотела сообщить о краже со взломом, а потом, что она хотела отправить нескольких детей по соседству в исправительную школу; она была в ужасном состоянии и кричала. Затем вслед за ней вышла другая женщина, моложавая, совсем девочка, симпатичная блондинка….”

(“Очень симпатичная”, - подумал он, - “С волосами, блестящими от солнца, и не слишком тщательно одетая”.)

“Естественно, мне не хотелось, чтобы меня видели сидящим на крыльце и глазеющим на них, но я притворился, что не слушаю, и просто сидел там. Насколько я мог понять, дама с суровым лицом была экономкой Йоханнуса Карвера. Йоханнус Карвер потратил несколько недель на изготовление больших часов, которые должны были стоять на башне загородного дома сэра Такого-то; и это была не его работа, и он делал это только для того, чтобы угодить сэру Такому-то, который был его личным другом… вот как она жила дальше. Так что часы были закончены только вчера вечером, и Йоханнус покрасил их и оставил сохнуть в задней

комнате. Потом кто—то проник внутрь, изуродовал часы и снял с них стрелки. - Шутка?”

“Мне это не нравится”, - сказал доктор Фелл после паузы. “Мне это не нравится”. Он взмахнул тростью. “Что сделал представитель закона?”

“Выглядел довольно взволнованным и сделал много заметок, но ничего особенного не произошло. Блондинка пыталась успокоить другую женщину. Она сказала, что это, вероятно, была просто шутка, хотя и довольно злая, потому что часы были разбиты. Затем они вошли внутрь. Я не успел разглядеть Йоханнуса.

“Хм. Девушка принадлежит к семье Йоханнуса?”

“Я так и думал”.

Доктор Фелл проворчал: “Черт возьми, Мелсон, жаль, что я не расспросил Хэдли повнимательнее. В доме живет кто-нибудь еще, или вы не наблюдали?”

- Не очень близко, но это большое заведение, и, кажется, там живет несколько человек. Я также заметил табличку адвоката на двери. Взгляните сюда. Как вы думаете, это как-то связано с…?

Они выехали на северную сторону Линкольнс-Инн-Филдс. Сама площадь казалась более обширной, чем при дневном свете; фасады домов были выметены и спокойны, лишь редкие лучики света пробивались сквозь задернутые шторы, и даже деревья казались чем-то вроде упорядоченного леса. Светила водянистая луна, такая же бледная, как уличные фонари.

- Мы повернем направо, - сказал Мелсон. - Это музей Соуна.

Вон там. Через два дома отсюда…. - Он провел рукой по влажному железу ограды, глядя на дома с плоской крышей. - Вот здесь я живу. По соседству живет Йоханнус. Я точно не знаю, что хорошего мы можем сделать, стоя и разглядывая дом….”

“Я не уверен”, - сказал доктор Фелл. “Входная дверь открыта”.

Они оба остановились. Эти слова вызвали у Мелсона своего рода шок, особенно потому, что у дома № 16 не было огней. Луна и уличный фонарь освещали его смутно, как размытый рисунок — тяжелый, высокий, узкий дом из красного кирпича, казавшийся почти черным, с белыми оконными рамами и каменными

ступенями, поднимающимися к круглым каменным столбам, которые поддерживали крышу крыльца, почти такого же маленького, как капот о часах. Большая дверь была распахнута настежь. Мелсону показалось, что она скрипнула.

— Как ты думаешь, что…? - спросил он и услышал, как его шепот стал громче.

Он остановился, потому что заметил темную тень под деревом прямо перед домом, откуда кто-то наблюдал. Но в доме уже не было полной тишины. Чей-то голос начал стонать и плакать, и были слышны неразличимые обрывки слов, которые звучали как обвинение. Затем тень под деревом отделилась. Пересекая тротуар, Мелсон с облегчением заметил силуэт полицейского в шлеме; он услышал размеренные шаги и увидел, как впереди блеснул луч фонаря - это полицейский поднимался по ступенькам к дому номер 16.

Глава 2

Смерть не за горами

Доктор Фелл уже тяжело дышал, когда неуклюже брел по тротуару. Он поднял трость и коснулся руки полицейского. Луч фонаря упал вниз.

- Что-то не так? - спросил доктор Фелл. “Уберите этот свет от моих глаз, не могли бы вы?”

“Ну-ка, ну-ка!” - проворчал представитель закона уклончиво и со смутным раздражением. “Ну—ка, сэр!”

“Ну-ка, подержите его у меня в глазах секунду. В чем дело, Пирс? Ты что, не узнаешь меня? Я узнаю тебя. Раньше ты служил у них на станции. Хех. Гул. Вы были возле офиса Хэдли”

Представители закона допустили ошибку, предположив, что присутствие доктора Фелла здесь было преднамеренным. Он сказал: “Я не знаю, сэр, но пройдемте”. Поманив за собой упирающегося Мелсона, доктор Фелл последовал за Пирсом вверх по ступенькам.

Как только вы оказывались за дверью, в длинном коридоре становилось не совсем темно. В глубине был лестничный пролет, и с верхнего этажа на него падал свет. Жуткий голос смолк, как будто кто-то ждал и прислушивался. Откуда-то слева, из-за одной

из закрытых дверей, Мелсон услышал то, что сначала принял за нервный, настойчивый шепот, но затем определил это как беспорядочное тиканье множества часов. В то же время сверху донесся женский голос::

“Кто там?” Какое-то шевеление и шорох; затем голос закричал: “Я не могу пройти мимо него. Я не могу пройти мимо него, говорю вам! Он весь в крови”. И он заскулил.

После этих слов Пирс издал резкий звук, прежде чем бросился вперед. Драка довела его до лестницы, двое его товарищей следовали за ним по пятам. Это была чопорная лестница с тяжелыми перилами, ковром в неярких цветах под ногами и медными перекладинами; она была символом солидных английских домов, где не может быть насилия, и не скрипела, когда они поднимались по ней. В задней части верхнего холла, обращенной к его вершине, были открыты двойные двери. Тусклый свет исходил из—за них - из комнаты, где два человека смотрели на порог, а третий сидел на стуле, обхватив голову руками.

Перекинутый через порог мужчина лежал частично на правом боку, частично на спине. Желтый свет ясно освещал его, играя тенями на мускулах лица и рук, которые все еще подергивались. Его веки все еще подрагивали, и под ними виднелись белки. Его рот был открыт, спина, казалось, слегка выгнулась, словно от боли, и Мелсон мог бы поклясться, что его ногти скребли по ковру; но это, должно быть, были нервные рефлексы после смерти, потому что кровь уже перестала течь у него изо рта. Его каблуки в последний раз дернулись и застучали по полу; веки застыли открытыми.

Мелсона слегка затошнило. Внезапно он сделал шаг назад и чуть не оступился на лестнице.

Вдобавок к виду мертвого человека, этот незначительный промах чуть не лишил его присутствия духа.

В дверном проеме стояла та самая женщина, которая кричала. Он мог видеть только ее силуэт и отблеск на ее желтых волосах. Но теперь она метнулась вокруг мертвеца, уронив тапочку, которая нелепо покатилась по полу, и схватила констебля за руку.

“Он мертв”, - сказала она. “Посмотрите на него”, - истерично повысила голос. “Ну? Хорошо? Вы не собираетесь арестовать его?

Она указала на мужчину, стоявшего в дверях и тупо смотревшего вниз. “Он застрелил его. Посмотрите на пистолет в его руке”.

Тот встрепенулся. Он осознал, что держит одним пальцем на спусковой скобе автоматический пистолет, ствол которого казался длинным и громоздким. Едва не выронив его, он сунул его в карман, когда констебль шагнул вперед; затем он повернулся, и они увидели, что его голова трясется от ужаса, как у паралитика. Если смотреть сбоку, на свету, это был аккуратный, чопорный, чисто выбритый человечек невысокого роста, в пенсне, золотая цепочка которого свисала с одного уха и трепетала в такт его дрожи. У него была заостренная челюсть, которую обычно можно было бы определить так же, как и его острый рот; темные пучки бровей, длинный нос и волосы неопределенного мышиного цвета, причесанные в стиле помпадур. Но теперь на его морщинистом лице застыло выражение, которое могло быть выражением ужаса, трусости или просто испуга. Когда он попытался напустить на себя достойный вид, оно стало гротескным — семейный адвокат?— когда он осуждающе поднял руку и даже изобразил подобие улыбки.

- Моя дорогая Элинор, - сказал он, и у него перехватило дыхание…

- Держите его подальше от меня, - сказала девушка. - Разве вы не собираетесь его арестовать? Он застрелил того человека. Разве вы не видите его пистолет?

Сквозь истерику донесся рокочущий, исполненный здравого смысла, почти добродушный голос. Доктор Фелл, со шляпой-лопатой в руке и густой копной волос, падающих на лоб, благожелательно возвышался над ней.

- Хм, - сказал доктор Фелл, почесывая нос. - Теперь вы в этом уверены? А как насчет выстрела? Мы трое были снаружи дома, знаете ли, и не слышали выстрела”.

“Но разве вы этого не видели? Там, когда он держал это в руке? На конце у него такая штука с глушителем….”

Она быстро отвернулась, потому что полицейский склонился над телом. Он решительно встал и подошел к очарованному маленькому человечку, стоявшему в дверях.

“Хорошо, сэр”, - сказал он без эмоций. “Этот пистолет. Отдайте его”.

Его собеседник опустил руки. Он быстро заговорил. “Вы не можете этого сделать, офицер. Ты не должен. Да поможет мне Бог, я не имею к этому абсолютно никакого отношения. - Теперь его руки подергивались.

- Спокойно, сэр. Пистолет, сейчас же. Спокойно, вы не будете дергаться — просто дайте мне его прикладом вперед, пожалуйста. Да. Теперь ваше имя?”

“Это п-действительно необычная ошибка. Кэлвин Боз Комб. Я…”

“А кто этот покойник?”

“Я не знаю”.

- Ну же! - сказал Пирс, устало щелкая по своему блокноту.

- Говорю вам, я не знаю. Боском застыл на месте. Он скрестил руки на груди и прислонился к двери, словно в оборонительной позе. На нем был аккуратный серый шерстяной халат, шнурок которого был аккуратно завязан бантом. Пирс тяжело повернулся к девушке.

- Кто это, мисс?

— Я тоже не знаю. Я никогда его раньше не видел.

Мелсон взглянул на нее сверху вниз. Теперь она стояла лицом к свету, и он сравнил впечатление, которое сложилось у него в то утро, когда она выбежала на улицу, с этой Элинор (Карвер?) с близкого расстояния. Возраст, скажем, двадцать семь или восемь лет. Определенно хорошенькая в общепринятом смысле, который, тем не менее, является лучшим в кино. Среднего роста, стройная, но с оттенком чувственности в фигуре, что отражалось также в разрезе глаз, ноздрей и слегка приподнятой верхней губе. Что-то в ее внешности показалось Мелсону одновременно таким загадочным и таким очевидным, что прошло несколько мгновений, прежде чем он понял, что именно. Вероятно, ее подняли с постели, потому что ее длинные коротко подстриженные волосы были взъерошены, одна потерянная туфля валялась в нескольких футах от убитого, а на ней была красно-черная пижама, поверх которой была накинута довольно пыльная синяя кожаная куртка для автомобилистов с поднятым воротником. Но на ее лице были свежие румяна и губная помада, которые выделялись на фоне ее бледности. Когда она посмотрела на Пирса, в голубых глазах появился испуг. Она плотнее

запахнула пальто.

- Говорю вам, я никогда его раньше не видела! - повторила она. - Не смотрите на меня так! Быстрый взгляд, сменившийся недоумением. — Он… он похож на бродягу, не так ли? И я не знаю, как он проник внутрь, если только он, - кивок в сторону Боскомба, - не впустил его. Дверь запирается на ночь.

Пирс хмыкнул и сделал пометку. - Хм. Именно так. А вас как зовут, мисс?

“Это Элеонора”. Она заколебалась. “То есть Элеонора Карвер”.

“Проходите, мисс, пожалуйста! Вы, конечно, уверены в своем собственном имени?”

“ой. Хорошо. Почему ты такой нервный? - раздраженно спросила она, а затем сменила тон. - Ужасно извиняюсь, просто я потрясена. На самом деле меня зовут Элинор Смит, только мистер Карвер - мой опекун, вроде как, и он хочет, чтобы я называлась его именем

“И вы говорите, этот джентльмен стрелял?”

“О, я не знаю, что я сказал!”

“Спасибо, Элинор”, - сказал Боском неожиданно и довольно умоляюще. Его худая грудь тяжело вздымалась. “Не могли бы вы — все вы — пройти, пожалуйста, в мои комнаты, сесть и закрыть дверь перед этой ужасной штукой?”

“Это пока невозможно, сэр. А теперь, мисс, - продолжал констебль с терпеливым раздражением, - не могли бы вы рассказать нам, что произошло?

- Но я не знаю!.. Я просто спал, вот и все. Я сплю на первом этаже, в задней части дома. Именно там находится магазин моего опекуна. Так вот, сквозняк то открывал, то закрывал мою дверь. Мне стало интересно, в чем причина, и я встал, чтобы закрыть дверь; затем я выглянул и увидел, что входная дверь в холл широко распахнута. Это меня немного напугало. Я отошел немного в сторону, а потом увидел свет наверху и услышал голоса. Я слышала его, - она кивнула на Боскомба; в ее взгляде было что-то от затухающего ужаса и потрясения, больше ужаса, чем казалось возможным, а также вспышка злобы. Она тяжело вздохнула. - Я слышала, как он сказал: “Боже мой! он мертв.

— Если вы позволите мне объяснить… - в отчаянии вмешался Боском.

Доктор Фелл, моргая, смотрел на нее с каким-то смутным беспокойством и собирался что-то сказать, но она продолжила::

- Я был ужасно напуган. Я прокрался наверх — по этому ковру не слышно, как кто—то ходит, - и заглянул. Я увидел, что он стоит в дверном проеме, склонившись над ним, а тот, другой мужчина, стоял в глубине комнаты, отвернувшись.”

По ее кивку они впервые обратили внимание на третьего наблюдателя за мертвыми. Этот человек сидел в комнате Боскомба у стола, на котором стояла лампа с абажуром, положив локоть на стол и потирая пальцами лоб. Словно собравшись с духом, он чопорно поднялся и подошел, держа руки в карманах. Крупный мужчина с несколько оттопыренными ушами, чье лицо было в тени, несколько раз кивнул, ни к кому конкретно не обращаясь. Он не смотрел на тело.

- И это абсолютно все, что я знаю, - заявила Элинор Карвер. — За исключением того, что он, — она уставилась на мертвеца, - имел в виду, когда пришел сюда и— и напугал… Послушайте, он действительно похож на бродягу, не так ли? Или, если подумать, если бы его вымыли и одели в приличную одежду, он мог бы выглядеть немного как…

Ее взгляд переместился с тела на Боскомба. Но она сдержалась, пока они изучали предмет на полу. Это не могло быть приятным зрелищем даже при жизни, как мог убедиться Мелсон, когда отдельные детали проступили сквозь единую гипнотическую картину убийства. Поверх изодранного в клочья костюма мужчины, потертого до неопределенного цвета и заколотого английскими булавками так, что из него торчали руки и ноги, виднелась жирная масса, похожая на холодный суп. Неизвестный был мужчиной лет пятидесяти, одновременно тощим и обрюзгшим. Медная запонка на воротничке выпирала на шее, красной и морщинистой, как у индюка, а в трехдневной щетине, там, где ее не скрыла кровь, виднелись пеньки зубов. И все же (по крайней мере, после смерти) он не был совсем похож на бродягу. Когда Мелсон почувствовал это и попытался разгадать причину сходства, он заметил одну странную деталь — на мужчине были почти новые белые теннисные туфли.

Внезапно Пирс повернулся к Боскомбу.

“Этот покойный, - спросил он, - он случайно не ваш родственник, сэр?”

Боском был искренне поражен. Он был даже немного шокирован.

“Боже правый, нет! Мой родственник? Что, скажите на милость, навело вас на эту мысль? Он колебался, и Мелсон почувствовал, что эта мысль расстроит мистера Кэлвина Боскомба почти так же сильно, как подозрение в убийстве. - Констебль, это дело приобретает фантастические масштабы! Говорю вам, я не знаю, кто он такой. Хотите знать, что произошло? Ничего! То есть, если быть точным, мы с моим другом, — он кивнул в сторону крупного мужчины, который стоял неподвижно, — мы с моим другом сидели в моей гостиной и разговаривали. Мы выпили по стаканчику на ночь, и он как раз надевал шляпу…

“Одну минуту, сэр”. Внимание привлек блокнот. “Ваше имя?”

“Питер Стэнли”, - ответил крупный мужчина. Он говорил тяжелым, глухим голосом, как будто в его голове только что всплыло какое-то любопытное воспоминание. “Питер И. Стэнли”. Белки его глаз вспыхнули, как будто он повторял урок, в котором сквозила нотка кислого веселья. - Из дома 211 по Вэлли-Эдж-роуд, Хэмпстед. Я… э—э—э… я здесь не живу. И я тоже не знал покойного.

- Продолжайте, сэр.

Боском довольно нервно взглянул на своего собеседника, прежде чем продолжить: — Повторяю, мы просто сидели как… как два законопослушных гражданина. Что-то в этой речи показалось даже Боскомбу неуместным и абсурдным, и он выдавил из себя бледную улыбку. - То есть мы сидели здесь. Эти двойные двери были закрыты. Мой пистолет, кажется, показался вам подозрительным. Нисколько. Я не стрелял из него. Я всего лишь показывал мистеру Стэнли, на что похож глушитель Гротта. Он никогда раньше его не видел. …”

Стэнли расхохотался.

Казалось, он ничего не мог с собой поделать. Он прижал руку к груди, потому что смех, казалось, поразил его, как пуля, и причинил боль. Наклонившись набок и держась одной жилистой рукой за дверной косяк, он смотрел на них с мертвенно-бледного лица, тяжелая мясистость и замазочный цвет которого создавали впечатление глиняной маски. В нем слышался сдавленный смех,

который, когда он сглотнул и подмигнул, произвел ужасный эффект. И его эхо было еще страшнее. Элинор Карвер отпрянула, вскрикнув.

- Извини, старина, - крикнул Стэнли, и рев сменился дрожью, когда он хлопнул Боскомба по спине. - П-прости, констебль. Все. Прошу прощения. Это так чертовски забавно, вот и все. Хо-хо! Но это чистая правда. Он показывал мне.

Он нелепо вытер глаза. Пирс шагнул вперед, но доктор Фелл положил ладонь ему на плечо.

- Полегче, - очень тихо сказал доктор. - Итак, мистер Боскомб?

- Я не знаю, кто вы, сэр, - ответил Боскомб тем же спокойным тоном, - и почему вы здесь. Но вы, кажется, редкий человек, разумный человек. Я повторяю, что мы с мистером Стэнли сидели здесь и рассматривали пистолет, когда — без всякого предупреждения — раздался стук и царапанье в эти двери". Он положил руку на одну из них, быстро отдернул ее и посмотрел вниз. "Этот человек выбил их, поскользнулся и упал на спину, как вы его сейчас видите. Клянусь вам, это абсолютно все, что я знаю об этом. Я не знаю, что он здесь делает и как он попал внутрь. Мы его не трогали".

- Нет, - сказал доктор Фелл, - но вы должны были это сделать. После паузы он кивнул Пирсу и указал на тело тростью. - Вы видели этот пистолет и, вероятно, видели, что из него не стреляли. Теперь переверните его.

- Не могу этого сделать, сэр, - отрезал Пирс. - Я должен позвонить в участок и вызвать сюда участкового хирурга, прежде чем мы сможем…

- Перевезите его, - резко сказал доктор Фелл. - Я возьму ответственность на себя.

Пирс сунул пистолет и записную книжку в карман. Он осторожно наклонился и потянул. Левая рука мертвеца со стуком упала на ковер; колени и подбородок подогнулись, когда он пришел в себя. Вытирая руки, констебль отступил назад.

Прямо над первым позвонком, из которого, очевидно, что-то тонкое и острое направлялось наискось вниз, через горло в грудь, торчал кусок металла толщиной с ладонь. Это был не нож, подобного которому никто из них никогда раньше не видел. То,

что они могли разглядеть сквозь кровь, было выкрашено яркой позолотой; головка была шириной около полутора дюймов, сделана из тонкой стали, и в ней было проделано странное прямоугольное отверстие, похожее на автомобильный ключ.

Элеонора Карвер закричала.

- Да, - сказал доктор Фелл. - Кто-то схватил его сзади как раз перед тем, как он поднялся по лестнице. И эта штука…

Он проследил за указующим пальцем девушки.

— - да. Я был бы очень удивлен, если бы это оказалась не минутная стрелка часов. Большие уличные часы, стационарные часы с открытой стальной рамой, скажем, такие, какие Карвер делал для сэра Такого-то.

Глава 3

Разбитое окно

- Видите ли, - продолжал доктор Фелл, как бы извиняясь, - я боялся, что все обернется гораздо более дьявольски, чем казалось. И, как бы я ни ненавидел официальные приемы, боюсь, что до приезда Хэдли мне придется взять руководство на себя".

Стэнли, который в каком-то оцепенении проводил рукавом по глазам, резко обернулся. Унылую маску прорезали морщины вокруг его опущенного рта.

- Ты? - прорычал он и выпрямился. - Ты возьмешь командование на себя, не так ли? И что, черт возьми, ты знаешь об этом, мой друг?

- Понял! - вдохновенно пробормотал доктор Фелл. - Наконец-то понял! У вас был такой особенный тон. Я все думал о вас, мистер Стэнли. Хм, да. Кстати, мистер Боскомб, у вас здесь есть телефон? Хорошо! Пирс, не могли бы вы зайти и позвонить прямо на добавочный номер 27? Я знаю, что вам нужно отправить рапорт с вашего участка, но не забудьте сначала связаться с Ярдом. Это дойдет до старшего инспектора Хэдли. Я знаю, что он все еще там, потому что сегодня работает допоздна. Он придет вместе с полицейским хирургом, хотя бы для того, чтобы поспорить со мной. Не возражайте, если он будет проклинать вас на чем свет стоит. Хм. Остановитесь немного! Спроси Хэдли, кто у него работает над делом об ограблении универмага "Гэмридж", и

попроси этого человека прийти. Я думаю, он найдет что-нибудь интересное. … Мисс Карвер?”

Она отступила на несколько ступенек вниз, в тень, и вытирала лицо носовым платком. Когда она сунула платок в карман и поднялась, чтобы присоединиться к ним, Мелсон увидел, что свежий макияж исчез. Это придало ей еще большую бледность, а голубые глаза стали почти черными, когда она взглянула на Боскомба, но она была абсолютно спокойна.

“Я не бросила тебя”, - заметила она. — Тебе не кажется, что мне лучше разбудить тетушку и Джея? - моего опекуна, знаешь ли. Она крепко ухватилась за перила и добавила: - Я не знаю, откуда ты это знаешь, но это стрелка часов. Вы не могли бы накинуть на него что-нибудь? Это хуже, чем смотреть ему в лицо. Она вздрогнула.

Боском с интересом уловил выражение его лица; он поспешно вышел за дверь и вернулся с пыльным диванным покрывалом. По знаку доктора Фелла он накрыл им тело. - Что, - внезапно воскликнула девушка, - это значит? Вы знаете? Вы не знаете, не так ли? Я полагаю, бедняга был грабителем?

- Вы же знаете, что это не так, - мягко сказал доктор Фелл. Он оглядел прихожую, сгорбившись над своими тростями; он посмотрел на бледное лицо Боскомба, а затем на очень подавленного Стэнли. Но он не предложил им заговорить. - Я могу предположить, что он мог здесь делать. И я только надеюсь, что ошибаюсь.

— Кто-то, - пробормотал Стэнли, обращаясь к углу двери, - последовал за ним снаружи, поднялся по ступенькам и…

- Не обязательно снаружи. Послушайте, мисс Карвер, можно нам включить здесь свет?

Боском подошел и нажал на центральный выключатель рядом с двойными дверями. Люстра на потолке освещала просторный коридор верхнего этажа, шестьдесят футов в длину и двадцать в ширину, покрытый ковром с таким же красноватым узором в цветочек. Лестница шириной около восьми футов тянулась вдоль правой стены, если смотреть спереди. В передней стене, выходящей на улицу, было два высоких окна с плотно задернутыми коричневыми шторами с рисунком. Вдоль правой стены, между этими окнами и лестницей, были две двери; еще

одна закрытая дверь находилась на лестничной площадке, почти напротив угла задней стены, где двойные двери вели в комнаты Боскомба. В левой стене были еще три двери, все закрытые. Они были выкрашены в белый цвет, как и простые белые панели на стенах, а потолок казался тускло-коричневым. Единственным украшением были деревянные часы в длинном корпусе, на циферблате которых висела единственная стрелка (на взгляд Мелсона, довольно тусклый предмет), висевшие между двумя окнами. Доктор Фелл рассеянно оглядел зал, что-то бормоча себе под нос.

- Хех, - сказал он. - Да, конечно. Большой дом. Замечательный. Сколько человек здесь живет, мисс Карвер?"

Она осторожно подошла и подняла свою потерянную туфельку, прежде чем Боскомб успел ее поднять. - Ну… конечно, дом принадлежит Джею. Есть еще Джей и тетя — миссис Стефбнс; на самом деле она мне не тетя. Еще есть мистер Боскомб, и мистер Полл, и миссис Горсон, которая обычно присматривает за домом. Мистер Полл сейчас в отъезде. Ее короткие губы слегка приподнялись. - И, конечно, есть наш адвокат. …"

"Кто он?"

"Это она", - ответила Элинор и равнодушно посмотрела вниз. "Я не имею в виду, что она наша, вы понимаете, но мы очень гордимся ею".

"Очень выдающаяся женщина", - заявил Боском с сомнительной властностью.

"Да. Л. М. Хандрет. Полагаю, вы видели черепицу внизу? Буква "Л" означает "Люсия". И я открою вам секрет". Несмотря на нервозность, с которой она быстро говорила, в ее бледно-голубых глазах мелькнула усмешка. "М" - это Мици. Удивительно, как она умудрилась проспать весь этот скандал. У нее целая половина первого этажа".

"Удивительно, как у всех это получилось", - согласился доктор Фелл с непринужденной приветливостью. "Боюсь, скоро нам придется их разбудить, иначе мой друг Хэдли сделает зловещие выводы из того простого факта, что у людей здоровая совесть. Хм, да….Итак, где все эти люди спят, мисс Карвер?"

"Я говорила вам, что Лючия занимает одну половину первого этажа". Она махнула рукой влево, повернувшись лицом к фасаду.

— Напротив, в двух передних комнатах, находятся демонстрационные залы Джея - вы знаете, что он делает часы? За ними гостиная, а за ней комната тетушки и моя в глубине. Миссис Корсон и горничная находятся в подвале. Здесь, наверху —

- Дверь справа от входа ведет в спальню Джея. Рядом с ней что-то вроде кладовой с часами; он работает там в холодную погоду, но обычно в сарае на заднем дворе, потому что иногда там бывает шумно. Прямо напротив по коридору находятся комнаты мистера Пола; я сказал вам, что его не было дома. Вот и все."

"да. Да, я понимаю. Подождите немного, я чуть не забыл, - сказал доктор Фелл, снова оглядываясь по сторонам. Он указал на дверь наверху лестницы, в той же стене, что и лестница, и рядом с углом задней стены. "А вон та? Еще одна кладовая?"

"Ах, это? Это ведет только на крышу, я имею в виду, - быстро объяснила она, - в коридор, еще одну дверь и лестничный пролет с маленькой кладовкой; затем крыша. ..Доктор Фелл рассеянно шагнул вперед, и она, улыбаясь, повернулась к нему спиной. - Она заперта. Я имею в виду, мы всегда держим ее запертой.

- А? О, я как-то не подумал об этом, - сказал он, поворачиваясь и рассеянно глядя вниз. - Это было что-то другое. Не могли бы вы, просто для проформы, показать мне, где вы стояли на лестнице, когда выглянули наверх и увидели нашего позднего посетителя, лежащего на полу? Спасибо».— Не могли бы вы снова выключить центральное освещение, мистер Боскомб? Да. Не торопитесь, мисс Карвер. Вы спустились на шестую — пятую ступеньку, уверены в этом? — пятую ступеньку сверху, если смотреть сверху, как сейчас, а?

Только странный желтый свет из гостиной Боскомба рассеивал темноту, и Мелсон снова почувствовал, как его охватывает беспокойство. Он посмотрел вниз, на широкую лестницу, откуда на него смотрело бледное лицо девушки, державшейся руками за ступеньку. В темноте нижнего этажа ее голова и плечи вырисовывались на фоне света уличного фонаря, падавшего через узкое окно сбоку от входной двери. Силуэт на секунду задрожал, когда доктор Фелл наклонился вперед.

Голос позади вскрикнул так резко, что она споткнулась.

- Что, черт возьми, означает вся эта чушь? - потребовал ответа

Стэнли. Он вышел в холл. Доктор Фелл медленно повернулся к нему лицом. Мелсон не мог видеть лица доктора, но Стэнли и Боском остановились.

- Кто из вас, - спросил доктор Фелл, - двигал правую сторону этих двойных дверей? — Прошу прощения? - спросил Боском. - Вот эту. Он неуклюже подошел и дотронулся до дверной створки прямо за головой мертвеца, которая была откинута назад, почти вплотную к стене. Он отодвинул ее так, что широкая полоса тени легла на скрюченную фигуру под покрывалом дивана. “Ее передвинули, не так ли? Так оно и было, когда вы впервые обнаружили тело?”

“Ну, я к нему не прикасался”, - сказал ему Стэнли. “Я был не так уж стар — я вообще не подходил к этой штуке. Спросите Боскомба, делал ли я это”.

Рука Боскомба метнулась к пенсне и поправила его.

- Я передвинул его, сэр, - ответил он с некоторым достоинством. - Я, с вашего позволения, не осознавал, что делаю что-то не так. Естественно, я передвинул его, чтобы в комнате было больше света.

- О, вы не делали ничего плохого, - дружелюбно согласился доктор Фелл. Он слегка усмехнулся. - А теперь, если вы не возражаете, мы воспользуемся гостеприимством вашей комнаты, мистер Боскомб, чтобы задать еще несколько любопытных вопросов. Мисс Карвер, не могли бы вы разбудить вашего опекуна и тетю и сказать им, чтобы они были наготове?

Когда Боскомб суетливо впустил их, извиняясь за беспорядок, царивший в его квартире, как будто никакого мертвеца на пороге не было и как будто в доме действительно царил беспорядок, Мелсон почувствовал себя еще более озадаченным и встревоженным. Озадаченный, потому что Боском был не похож на человека, который интересовался бы пистолетными глушителями. Проницательный маленький человечек, Боском; проницательный, возможно, жесткий под своей внешней мягкостью; начитанный — если судить по стенам комнаты — и с манерой разговаривать, как у дворецкого в комедийном сериале. Многие нервные и застенчивые люди говорили именно так, что было еще одним признаком. Очень опрятный, в черной пижаме, сером шерстяном халате и тапочках на толстой флисовой подкладке.;

что, черт возьми, это было за предположение? Нечто среднее между Дживсом и Сомсом Форсайтом.

И Мелсон был встревожен, потому что оба эти человека лгали о том, что им было известно. Мелсон чувствовал это; он мог бы поклясться в этом; это была ощутимая атмосфера в комнате, а также враждебность мистера Питера Стэнли. Ему стало еще более неуютно, когда он посмотрел на Стэнли при ярком свете. Стэнли был не просто настроен враждебно: он был болен, и заболел задолго до этой ночи. Крупный мужчина, с нервами, натянутыми, как провода, в уголках его глаз, он двигал своей тяжелой челюстью, жуя вяло. Его мешковатая одежда была в хорошем состоянии, но рукава обтрепались, а галстук съехал под угол высокого старомодного воротничка. Он сел в кресло фирмы “Моррис” по одну сторону стола и достал сигарету.

- Ну что? он сказал. Его налитые кровью глаза следили за доктором Феллом, пока тот медленно осматривал комнату. — Да, я полагаю, место достаточно удобное для убийства. Вам это о чем-нибудь говорит?

На данный момент Мелсону это ничего не сказало. Это была большая комната с высоким потолком, слегка наклоненным к задней части, и с застекленной крышей. Все окно в крыше, кроме небольшой его части, где две створки были открыты для проветривания, было закрыто черной бархатной шторой, удерживаемой на скользящих проволоках. Занавешены были также два окна в задней части комнаты. В левой стене была дверь, которая, по-видимому, вела в спальню. Остальную часть стены, на высоту человеческого плеча, занимали книжные полки; над ними в беспорядке висели картины, которые, как с некоторым удивлением отметил Мелсон, были “Похождениями повесы” Хогарта в искусных копиях. Вы заметили нарушения в чистоте этой комнаты — или некоторые другие вещи могли остаться незамеченными. Ровно посередине круглого центрального стола стояла ученическая лампа; с одной стороны стояли песочные часы, а с другой - старинная медная шкатулка, в филигранный узор которой были вплетены причудливые зеленоватые кресты. Слева от стола, напротив стула, в котором сидел Стэнли, стояло большое мягкое кресло, что-то вроде трона с большими крыльями и высокой спинкой. Хотя в комнате стоял запах табачного дыма, Мелсон отметил любопытный факт, что все пепельницы были чисто вымыты, а бокалы не были расставлены, несмотря на множество бутылок и рюмок на серванте. …

Черт возьми, вся картина была какой-то неправильной; или, размышлял Мелсон, он просто вел себя как дурак, проявляя излишнюю деликатность? Со стороны спальни доносился голос Пирса, предположительно говорившего по телефону. Когда он огляделся, на выцветшей латуни ящика снова отразились странные зеленоватые кресты. Напротив дверей, через которые они вошли, стояла гигантская ширма из тисненой испанской кожи, загнутая так, что она почти полностью закрывала помещение. Панели, обрамленные медными вставками, были то черными с нарисованными на них позолоченными языками пламени, то желтыми с красными или шафрановыми крестами.

В мозгу Мелсона шевельнулось сомнительное воспоминание: слово “санбенито”. Итак, что такое санбенито? Этот экран заинтересовал доктора Фелла. Секунды шли; неловкое молчание стало нарастать, а доктор Фелл по-совиному уставился на экран. Они слышали его астматическое сопение и необъяснимый сквозняк, колыхавший занавеску на окне. Он неуклюже прошел вперед, ткнул в ширму тростью и заглянул за нее….

— Простите, сэр, - довольно резко произнес Боском и шагнул вперед, словно желая разрядить обстановку, - но у вас наверняка есть интересы поважнее, чем…

- Чем? - спросил доктор Фелл, наморщив лоб.

- Мои кулинарные приготовления. Это газовая плита, на которой я иногда готовлю себе завтраки. Боюсь, что это неприглядная вещь….

“Хм, да. Послушайте, мистер Боскомб, боюсь, вы чертовски беспечны. Вы пролили банку кофе, и молоко разлилось по всему полу. Он обернулся и махнул рукой, когда Боском невольно шагнул вперед в порыве внутреннего волнения. - Нет, нет, пожалуйста, не занимайтесь этим сейчас. Послушайте, мы поймем друг друга, если я скажу, что сейчас не время плакать из-за пролитого молока? А?

- Не думаю, что я вас понимаю.

- И еще, вон там на ковре мел, - проворчал доктор Фелл, внезапно указывая на тронное кресло. “Почему на ковре должны быть следы мела? Джентльмены, я обеспокоен, это не имеет никакого смысла”.

Боском, словно опасаясь, что доктор Фелл займет его кресло,

опустился на него. Он скрестил свои худые руки на груди и сардонически посмотрел на доктора.

Он сказал: “Кем бы вы ни были, сэр, и какую бы официальную должность ни занимали, я ждал возможности ответить на ваши вопросы. Признаюсь, я ожидал, что это будет… э—э—э… тяжелое испытание. Это приятно неформальная встреча. Я не понимаю, почему я не должен проливать кувшин с молоком. Или даже рассыпать по ковру обломки мела. Видите этот плоский предмет за диваном? Это складной бильярдный стол. … Не хочу вас торопить, сэр, но, может быть, вы скажете мне то, что хотите знать?

- Извините, сэр, - раздался голос в дверях спальни. Пирс, выглядевший невозмутимым, но встревоженным, отдал честь доктору Феллу. - Я думаю, вы можете задать им несколько вопросов, если не сочтете мои слова неуместными.

Боском выпрямился.

- Я зашел сюда позвонить, - торопливо продолжал Пирс, расправляя плечи, словно собирался пересечь футбольное поле (в конце которого виднелись сержантские нашивки), - прежде чем этот джентльмен пришел за чехлом для дивана. Это был тот самый диван. Сэр, на диване были какие-то вещи. Он запихнул их за спину. Вот так.

Когда Боском быстро поднялся, Пирс протиснулся мимо него, подошел к дивану и пошарил за ним. Он достал пару потрепанных ботинок с оторванными носками и провисшими подошвами, шнурки завязаны узлом поверх нескольких оставшихся зазубрин и залеплены еще мягкой грязью. В один ботинок была засунута пара грязных хлопчатобумажных перчаток.

- Я подумал, что лучше сказать вам, сэр, - настаивал он, покачивая ботинками. — Эти перчатки… они порезаны на костяшках пальцев, и в них застряли маленькие кусочки стекла. Хорошо! А потом это окно, — он подошел к окну, на котором колыхалась от сквозняка занавеска. — Я посмотрел на него первым, потому что… ну, сэр, я подумал, что за этой занавеской может кто-то прятаться. Там никого не было. Но под ней осколки стекла. И я приподнял занавеску, вот так….”

Она была закрыта неплотно. Одно из стекол, как раз под

защелкой, которая должна была ее запирать, было выбито. И даже на расстоянии они могли разглядеть следы на белом подоконнике, где кто-то скользил ногой по грязи.

“А, сэр?” спросил Пирс. “Это больше похоже на ботинки, которые носил бы покойник”. Не правда ли, теперь это вместо белой одежды, которая на нем надета? Хорошо, сэр, тогда вам лучше спросить этих людей, не через окно ли он все-таки проник… Особенно если учесть, что — взгляни—ка - прямо за этим окном растет дерево, на которое мог бы забраться спящий ребенок. Сейчас!

После долгой паузы Мелсон резко обернулся.

Стэнли снова разразился жутким смехом и принялся колотить ладонью по спинке стула,

Глава 4

Мужчина за порогом

- Мой друг болен, - очень тихо заметил Боском. В глубине его глаз, глаз, которые непроницаемость острого сухого лица не могла скрыть, он выглядел напуганным до полусмерти; не из-за чувства вины, а из-за чего-то страшного и непредвиденного.

Что, по мнению Мелсона, только усугубляло ситуацию. Человек, который не замечает разбитого окна и пятен грязи на подоконнике, - это не преступник, совершивший оплошность; он, должно быть, совершенно безумен.

- Мой друг болен, - повторил Боском, откашлявшись. - Позволь, я принесу ему бренди.. .. Соберись с духом, ладно? - рявкнул он.

- Боже мой! ты извиняешься за меня? - спросил его собеседник, и его веселье тут же оборвалось. - Я болен, да? И, конечно, я не могу о себе позаботиться. Послушайте, я, пожалуй, сорвусь. Он широко улыбнулся. — Хэдли будет здесь через минуту, и он оценит это…. Роберт, дружище, — сказал он констеблю с напускной бравадой, которую не подкрепляли его подергивающиеся веки, - черт бы побрал вас - вас и всех вам подобных - всю эту мерзкую компанию и мешок с дерьмом. они… все эти грязные… — Его голос повысился, и он сглотнул. “Вы знаете, кто я? Вы знаете, с кем разговариваете?”

“Мне было интересно, - сказал доктор Фелл, - сколько времени

пройдет, прежде чем вы нам скажете". Если я правильно помню, вы когда-то были старшим инспектором департамента уголовных расследований".

Стэнли медленно огляделся. "Ушел в отставку, - сказал он, - с честью".

"Но, сэр, - запротестовал констебль, - разве вы не собираетесь спросить их?"

Доктор Фелл, казалось, не слушал.

"Дерево!" - внезапно взревел он. - Дерево! О Господи! О Бахус! О моя древняя шляпа! конечно. Это ужасно. Скажи мне, — он осекся и повернулся к Пирсу. - Мой мальчик, - доброжелательно продолжил он, - это была отличная работа. Я обязательно их спрошу. Но сейчас у меня есть для вас поручение. - Он достал блокнот и карандаш и что-то быстро записывал, пока говорил. "Кстати, вы позвонили Хэдли?"

"Да, сэр. Он сейчас приедет".

"А тот парень, который ведет дело об ограблении универмага?"

"Да, сэр. Мистер Хэдли сказал, что это инспектор Эймс. Он сказал, что приведет его, если сможет найти".

"Хорошо. Возьмите это, - доктор Фелл вырвал листок с записями, - и не задавайте вопросов. Это шаг к повышению по службе. А теперь давайте выпьем. Он мрачно посмотрел на Стэнли, пока Боском подносил ему стакан, наполовину наполненный бренди. - Итак, джентльмены, я не хочу вас торопить, но не могу отделаться от ощущения, что моему другу старшему инспектору придется несладко, когда он найдет эти ботинки. Вам не кажется, что требуется объяснение? И на вашем месте я бы не стал пить этот бренди.

- Иди ты к черту! - крикнул Стэнли и залпом осушил стакан.

- …Спокойно, - сказал доктор Фелл. - Лучше отправь его в ванную. Мне не нравится неизбежность… Вот и все. — Он подождал, пока Боскомб втолкнет колеблющегося Стэнли в дверь. Боскомб, потирая руки, вернулся так же нетвердо, как и его спутник. - Этот человек, - продолжал доктор Фелл, - настолько близок к нервному срыву, насколько это вообще возможно. Может быть, вы расскажете мне, что здесь произошло сегодня вечером?

- Предположим, - ответил Боском, слегка скривившись, - вы сами во всем разберетесь. Он тихо подошел к буфету, лицо его неприятно вытянулось, он вытащил пробку из графина и повернулся. - Я дам тебе только один совет. Я не хочу, чтобы этот псих придушил меня, когда поймет, что я пытался пошутить…. Признай, если хочешь, что факт разбитого окна любопытен…

- В некотором роде. За это тебя могут повесить.

Рука Боскомба дернулась. “Это, конечно, чепуха. Совершенно незнакомый человек, грабитель, влезает в это окно. Мы протыкаем его стрелкой часов; мы берем на себя все хлопоты, чтобы обуть его в новые ботинки и выставить за дверь. Действительно, это необычная процедура, не так ли? Зачем мы это делаем? В грабителей стреляют.

“Я, кажется, припоминаю, что у вас был пистолет”.

- Насколько мне известно, - задумчиво произнес Боском, склонив голову набок, - нет ничего противозаконного в том, чтобы разбивать собственные окна и иметь старую обувь. Обувь моя. Я разбил окно. Почему я это сделал, не имеет значения. Я разбил окно”.

“Я знаю, что это сделали вы”, - тихо сказал доктор Фелл.

Мелсон подумал: “Неужели все сошли с ума?” Он уставился сначала на доктора, а затем на маленького человечка, который, казалось, внезапно пришел в большее замешательство от этих слов, чем от всего, что было сказано до этого. Доктор Фелл повысил голос.

- Я хочу знать, почему и для чего существует множество других вещей. Я хочу знать, почему Стэнли прятался вон за той ширмой, а вы сидели в большом кресле, когда мистер Икс поднимался по лестнице сегодня вечером. Я хочу знать, зачем вы приготовили эти перчатки и обувь; почему вы так тщательно вычистили пепельницы и вымыли стаканы. Я хочу знать, кто, как боялась Элеонора Карвер, пострадал, когда увидела мистера Икс, лежащего у вас на пороге. … Короче говоря, - сказал доктор Фелл, небрежно взмахнув рукой и с любопытством покосившись на испанский экран, - я хочу знать правду. И в этом доме, где все шиворот-навыворот, это кажется необычайно трудным процессом. Хех. Хе-хе-хе. Я совсем не удивлюсь, если обнаружу, что кто-то ходит по потолку. На самом деле, казалось бы, совершенно

очевидно, что кто—то…

“Прошу прощения?”

“Что кто-то уже ходил по потолку”, - сказал доктор Фелл. “Я ясно выражаюсь? Нет. Я понимаю, что это не так. О, черт возьми, - любезно добавил он, - позвольте старику побыть немного шарлатаном… Добрый вечер, сэр. Вы мистер Йоханнус Карвер?

Мелсон резко повернулся. Он не слышал, чтобы кто-то приближался; из-за плотного ковра все выглядели неожиданно и тревожно. Человек, стоявший в дверях, не был похож на Йоханнуса Карвера, каким его представлял Мелсон. Он представлял себе что-то маленькое, похожее на дедушку и пыльное. Йоханнус отличался развитой мускулатурой и был выше шести футов, хотя сутулость во многом уменьшала его рост. Когда они впервые увидели его, он смотрел на тело под покрывалом дивана, вытирая лоб рукавом с выражением не столько ужаса, сколько озабоченности и недоумения; как будто он смотрел на порезанный палец ребенка. У него был куполообразный череп с короткой порослью волос, которые кажутся светлыми, даже когда они седеют; пара кротких светло-голубых глаз, окруженных морщинками; тяжелая челюсть, нерешительный рот и морщинистая шея. На нем была полосатая пижама, штанины заправлены в старые ботинки на резинках.

— Это, - сказал он и, казалось, попытался вспомнить ускользающее слово, - это… Боже милостивый! Я полагаю, нет никаких сомнений, что он…?

“Достаточно мертв”, - сказал доктор Фелл. “Мисс Карвер рассказала вам, как это произошло?” — Итак. Не могли бы вы приподнять край обложки и посмотреть, знакомы ли вы с ним?”

Карвер поспешно закрыл обложку. “Да, да. Конечно. То есть, нет, я его не знаю. Хотя, постойте-ка… С усилием он снова приподнял крышку. “Да, это тот самый парень, или мне так кажется. Я не очень хорошо разбираюсь в лицах”. Он рассеянно нахмурился, в то время как его взгляд, казалось, блуждал по комнате. Его квадратные, похожие на лопатки пальцы постукивали по щеке. - Я не знаю, как его зовут, но я его видел. Пабы, конечно! Он завсегдатай местных пабов. Выпрашивал выпивку, знаете ли. Я очень люблю пабы. Миссис… Стеффинс этого не одобряет. - Карвер очнулся. - Но посмотрите сюда! Надо что-то делать, - объявил он с какой-то неопределенной твердостью и снова

взглянул на часы. - Так оно и есть, так оно и есть! Элеонора сказала мне, что его ударили рукояткой “циферблата Пола”. Но почему? Я знаю, что он не получил ничего из моей коллекции. Как только Элеонор разбудила меня, я посмотрел на охранную сигнализацию. Все в порядке. Ха! Да. Ну и что дальше?”

Он прервался, чтобы прокашляться, а затем его глаза расширились.

- Подожди немного! Босомбе! Этот Маурер. Он у тебя в безопасности?

Боском постучал по медной шкатулке на столе. - Вполне. Здесь все в целости и сохранности. Э—э-э… Вы имели удовольствие познакомиться с нашим инквизитором, Карвер? Признаюсь, я бы с удовольствием встретился с ним сам. У нас был очень интересный разговор.

Карвер снова проснулся. - Но, черт возьми, это же доктор Фелл! Доктор Гидеон Фелл! Здравствуйте, сэр! Элинор узнала его по фотографии в газете. Разве вы не помните, как обсуждали его книгу об истории сверхъестественного в английской художественной литературе? Вы не согласились с некоторыми пунктами….“Мысли Карвера снова разбежались, и ему пришлось приложить немало усилий, чтобы собрать их воедино. “Покажите ему Маурера, Боском. Ему будет интересно”.

Боскомб был слишком сдержан, чтобы заметно вздрогнуть теперь, когда на него надели маленький серый панцирь. Но он моргнул.

— Это… это прискорбно, - сказал он, и у него перехватило дыхание. - Я должен попросить у вас прощения, сэр. Я понятия не имел… Могу я предложить вам что-нибудь выпить? Бренди?

- Хех, - сказал доктор Фелл. - Хе-хе-хе. Позвольте представить вам профессора Мелсона, на которого возложена неблагодарная задача редактировать Гилберта Берн. Бренди? Что ж, я не против. Только, пожалуйста, не добавляйте в него “микс вомика”.

“Нукс вомика”?

- Разве не так это было? - любезно осведомился доктор Фелл. - Знаете, я видел, как вы добавляли его в напиток Стэнли. Я даже удивился, что даже извращенное пристрастие к коктейлям может зайти так далеко.

- Боюсь, вы все видите, - холодно сказал Боском. “да. Я подумал, что будет лучше, если Стэнли, хм, ненадолго удалится.— Выпьете бренди, доктор Мелсон?

Собеседник покачал головой. Самым отвратительным во всей этой истории был контраст между этими двумя, кротким часовщиком и кроткой студенткой, и их отношением к смерти.

“Спасибо”, - сказал он. “Как-нибудь в другой раз”. Он попытался выдавить улыбку. - Боюсь, привычки моих предков недостаточно сильны. Я так и не смог привыкнуть к выпивке на поминках.

- Значит, вас это беспокоит? И все же почему это должно беспокоить? - спросил Боском, слегка приподнимая верхнюю губу. - Возьмем, к примеру, мой собственный случай. Доктор Фелл уверяет меня, что я в очень тяжелом положении. И все же…

Карвер прервал его хриплым голосом, в котором внезапно послышался испуг: “Вы серьезно хотите сказать, что кто—то в этом доме подозревается в убийстве этого… этого бедняги?”

- Он не был беднягой, - сказал доктор Фелл. - Он не был бродягой и не был грабителем. Вы видели его руки? Он вошел тихо и в обуви, которая не производила шума, но не для того, чтобы украсть. Он должен был войти. Вот почему входная дверь была для него открыта и не заперта на цепочку”.

“Говорю вам, это невозможно”, - заявил Карвер. “Входная дверь? Нет. Я отчетливо помню, что сам запер и запер на цепочку эту дверь перед тем, как лечь спать…

Доктор Фелл кивнул. “да. А теперь давайте приступим к расспросам. Вы обычно запираете двери на ночь?”

- Нет. миссис Горсон работает. Но, видите ли, по четвергам у нее выходной. Обычно она закрывает магазин в половине двенадцатого, но… э—э— не по четвергам. Очевидно. Она отправляется навестить каких-то друзей, по-моему, в пригороде, - нерешительно объяснил Карвер, как будто описывал какое-то отдаленное таинственное место. “А когда она возвращается, довольно поздно, то входит через служебную дверь внизу. Да. Я заперла дверь, насколько я помню, потому что миссис Стеф Финс сказала, что устала и хотела бы лечь пораньше, не могла бы я запереть ее?”

“И вы заперли дверь… когда?”

“В десять часов. Я помню, потому что крикнул: “Все дома?” Но я вспомнил, что видел свет в комнате мисс Хэндрет и мистера Боскомба, поднимавшегося по лестнице раньше; я знал, что Элинор была дома, а мистер Полл в отъезде”.

Доктор Фелл нахмурился. - Но вы сказали, что обычно заведение закрывается в половине двенадцатого. А что, если кто-нибудь вернется домой позже? Здесь нет каких-нибудь ключей?

- Ключи от квартиры? Нет. миссис Стеффинс говорит, что они постоянно теряются и их подбирают нечестные люди. Кроме того, — он легонько постучал себя по лбу, и в его кротких глазах промелькнуло веселье, — у нее сложилось впечатление, что все виды порока возникают, когда людям дают ключ от входной двери. “Орудие дьявола”, как она его называет. Это доставляет мисс Хэндрет немало удовольствия. Мисс Хэндрет переезжает в конце квартала… Что это было? О да. Если кто-то опаздывает, он звонит в колокольчик миссис Корсон. У нас есть ряд колокольчиков рядом с дверью. И миссис Корсон встает и открывает дверь. Это очень просто”.

“Очень”, - сказал доктор Фелл. - Значит, вы не знали, что мистер Стэнли был в доме сегодня вечером, когда вы запирали дверь?

Карвер нахмурился, а затем посмотрел на Боскомба.

- Ха! Странно! Я совсем забыл о бедном Стэнли. Должно быть, он пришел поздно… Да! Разве ты не помнишь, Боском? Я поднялась, постучала в твою дверь и попросила что-нибудь почитать в постели. Ты сидел вон там, читал и курил. И, кроме тебя, здесь никого не было. На самом деле, вы показали мне снотворный порошок и сказали, что собираетесь принять его и сразу лечь спать. Ха! - воскликнул Карвер с шумным вздохом облегчения. Он указал большим пальцем на доктора Фелла. - Вот вам и объяснение, мой дорогой сэр. Конечно. Стэнли пришел поздно, позвонил в дверь Боскомба — да ведь это же ясно как божий день! — Боском спустился, чтобы впустить его, забыл запереть дверь, и этот грабитель проник внутрь… А? А?”

Доктор Фелл, казалось, собирался сделать замечание, от которого взорвется крыша, но сдержался, посмотрел на Боскомба и кисло произнес::

“Ну что?”

“Это совершенно верно, доктор”, - хладнокровно согласился

Боскомб. - Прости, что это вылетело у меня из головы, ха-ха. Робкое ехидство немного поутихло. - Непростительная оплошность, но это правда. Я не ждала Стэнли. Когда он приехал, я, к сожалению, оставила входную дверь приоткрытой….”

Он замолчал, когда в ночной тишине отчетливо послышалось гудение автомобиля на улице, сменившееся визгом тормозов. Послышались голоса и топот ног на парадной лестнице. Некоторое время, показавшееся очень долгим в этой тихой, холодной комнате, доктор Фелл, моргая, смотрел на Боскомба и Карвера. Он ничего не сказал. Он только поставил на стол бокал бренди, к которому так и не притронулся, медленно кивнул и, тяжело ступая, вышел из комнаты.

В нижнем холле происходил какой-то переполох. Мелсон, спустившись вслед за доктором Феллом по лестнице, увидел, что там ярко освещено. На фоне белых панелей выделялась группа людей в мрачных одеждах, а среди штативов фотографов и зеленых ранцев дактилоскопистов, сдвинув котелок на затылок и безуспешно покусывая кончик своих подстриженных седых усов, как раздраженный бригадир, стоял старший инспектор Дэвид Хэдли.

Мелсон познакомился с Хэдли, и тот ему понравился. Доктор Фелл всегда говорил, что он предпочел бы поспорить с Хэдли, чем с кем-либо другим, потому что каждый из них по разным вопросам обладал здравым смыслом, которого не хватало другому. Они сильно расходились во всем, что нравилось каждому из них, и сходились только в том, что им не нравилось, что и является основой дружбы. Хэдли обладал манерами и осанкой бригадира, но более спокойной (почти сдержанной) речью. Он пытался, иногда с трудом, исполнять свой долг и делал это сейчас.

Рядом с ним стояла женщина, что-то горячо говорившая тихим, быстрым голосом. В то утро Мелсону не удалось как следует разглядеть решительную миссис Стеффинс, и в его воображении снова все пошло наперекосяк. Она являла собой контраст: невысокая женщина, плотная, с крепким телом, словно набитая мускулами. И все же (по крайней мере, при искусственном освещении) ее маленькое личико было нежного дрезденского фарфора. Фиалковые глаза и прекрасные белые зубы — она часто ими сверкала — были как у молодой девушки. Только в моменты гнева или волнения можно было заметить, как огрубевает кожа под слоем пудры, как по щекам пробегают едва заметные

морщинки, как на смуглой коже появляются мешки. Она остановилась, чтобы полностью одеться; и Мелсону показалось, что она была хорошо одета, чего не было на ней в то утро. Ее волосы стали более каштановыми. Он чувствовал, что она может наводить ужас. Но она не стала бы прибегать к терроризму, пока ее очарование не ослабнет.

- …Да, конечно, мадам. Да, я вполне понимаю, - говорил Хэдли, делая едва заметный жест, как будто его беспокоила муха. Он довольно сердито посмотрел вверх по лестнице. - Куда, кстати, запропастился этот старый хрыч? Беттс! Посмотрим, сможете ли вы его найти…. А!"

Доктор Фелл прогрохотал приветствие с лестницы, отсалютовав тростью. Миссис Стеффинс прервала свою речь на середине механической улыбки, с которой она двигала головой из стороны в сторону и говорила несколько громким голосом. — И у меня есть кое-что, - настаивала она, - чрезвычайно важное… - Хэдли рассеянно приподнял шляпу, снова надел ее на голову и шагнул вперед. За его спиной виднелась маленькая мрачная фигурка доктора Ватсона, полицейского хирурга. Хэдли хмуро посмотрел на доктора Фелла.

- Очень хорошо, мой замечательный болтун, - сказал он, мрачно сжав челюсти. - О, добрый вечер, профессор! Я не знаю, во что он тебя втравил, Мелсон, но, по-моему, я здорово напутал. Послушайте, с чего вы взяли, что убийство грабителя в Линкольнс-Инн-Филдс как-то связано с Джейн Потрошительницей?

- Джейн Потрошительница?

- Газетные сплетни, - раздраженно сказал Хэдли. - В любом случае, это проще, чем говорить о неизвестной женщине, которая вспорола живот продавщице в магазине "Гэмридж". Ну?

- Только то, - ответил доктор Фелл, тяжело дыша, - что я волнуюсь больше, чем когда-либо прежде. И мне нужны кое-какие факты. Вы привезли с собой человека, который ведет это дело — как его зовут?— инспектора Эймса?

"нет. Я не смог найти его. Он где-то работает над этим. Но у меня есть его последний отчет. Я его еще не читал, но он здесь, в моем портфеле. Хорошо! Где тело?"

Доктор Фелл глубоко вздохнул и первым начал подниматься по

лестнице. Он поднимался медленно, постукивая палкой по перилам. Наверху в дверях стояли Карвер и Боскомб, но Хэдли удостоил их лишь мимолетного взгляда. Натянув перчатки, он прислонил свой портфель к стене и прикрыл тело крышкой. Что-то зловещее, что-то яростное и сдержанное было в манере доктора Фелла, и от этого по телу Мелсона пробежали мурашки в наступившей тишине, когда Хэдли склонился над ним… .

Хэдли что-то пробормотал, отрывисто, из глубины своего горла. Он распахнул дверь, чтобы было светлее.

- Уотсон! - позвал он. - Уотсон!

Когда он снова выпрямился, на лице Хэдли не дрогнул ни один мускул, но оно было спокойным от ярости и ненависти.

“Нет, - сказал он, - я не взял с собой Эймса”. Он ткнул напряженным пальцем в фигуру под покрывалом дивана и добавил: “Это Эймс”.

Глава 5

Двое на крыше

В картотеке бывших сотрудников Уголовного розыска теперь есть карточка с надписью:

Эймс, Джордж Финли, старший детектив-инспектор. Родился Бермондси Э. 10 марта 1879 года. Констебль, подразделение “К”, 1900 год. Произведен в сержанты, подразделение “К”, 1906 год. Переведен в подразделение “Д”, в штатском, 1914 год. Повышение по службе, дело Хоуп-Хастингс, знаменательное упоминание судьи Гейла, детектива-инспектора центрального бюро при реорганизации в 1919 году. Рост 5 футов 9 дюймов. Общий список. Никаких опознавательных знаков или особенностей. Л. Рествейл, Вэлли-роуд, Хэмпстед. Женатый. Двое детей. Способности: Специалист по маскировке, слежке, извлечению информации. Особо отмечу умение маскироваться. Терпелив, сдержан, хорошо образован собственными усилиями.

Внизу карточки красными чернилами написано: “Погиб при исполнении служебных обязанностей 4 сентября 1932 года”.

Это самая полная информация, которую мы когда-либо могли получить о детективе-инспекторе Джордже Финли Эймсе. Во всем деле Клокхэнда наименее заметной фигурой была жертва.

Возможно, его звали Смит, или Джонс, или Робинсон; возможно, он никогда не был живым человеком, который любил бы выпить стакан горького и гордился своим домом; возможно, у него были те, кто ненавидел его как Джорджа Эймса, а возможно, и нет; он был убит по другой причине.

Хотя срок его службы был таким же долгим, как и у Хэдли, Хэдли не очень хорошо его знал. Он сказал, что даже после стольких лет Эймс по-прежнему оставался амбициозным и любил рассказывать об отпуске, который он проведет в Швейцарии, когда получит очередное повышение. Но он был не из тех, кто уходит далеко вперед; по словам Хэдли, он нравился Скотленд-Ярду, но не отличался высоким интеллектом и был чересчур доверчив. Объясните это своего рода интуитивной сообразительностью животного; он был бульдогом, чье упорство в трудных условиях Лаймхауса впервые принесло ему продвижение по службе в те дни, когда Лаймхаус действительно был крутым, несмотря на то, что его рост был минимально возможным для поступления в столичную полицию. Но он был доверчив, и он умер.

Всего этого, конечно, Хэдли не сказал, когда смотрел на мертвого Эймса. Он не стал комментировать или даже ругаться. Он только сказал доктору Ватсону, который что-то бормотал себе под нос, чтобы тот продолжал молча выполнять свою работу; он взял свой портфель и медленно направился к лестнице.

“Обычная рутина”, - сказал он своим последователям. - Вы, вероятно, узнаете, кто это, но не сплетничайте. Я подойду к вам снова, когда вы уберете его с дороги. А пока… — он поманил доктора Фелла и Мелсона. - Я хотел бы поговорить с вами.

В нижнем холле миссис Стеффинс вытягивала шею из стороны в сторону, чтобы разглядеть лестницу. Вытянутой рукой она удерживала Элинор, которая выглядела угрюмой; она машинально и очаровательно улыбалась Элинор через плечо, чтобы произвести впечатление на публику. Но когда она увидела лицо Хэдли, сквозь фарфоровую красоту проступили морщинки. Она выкрикнула глупое, необузданное замечание. “Это, - спросила она, - очень плохо?”

“Очень плохо”, - резко сказал он ей. Выражение его лица говорило о том, что он не хочет, чтобы его беспокоили дураки в этот конкретный момент. - Я должен попросить вас о некоторой помощи. Возможно, это займет всю ночь. В ближайшее время я намерен занять комнату наверху. На данный момент мне нужна

комната — где угодно, — где мы с друзьями могли бы поговорить".

"Ну, конечно!" - согласилась она с некоторой готовностью. Но в ее глазах был расчет, и она, казалось, размышляла, как обернуть это в свою пользу. — И для нас большая честь принимать доктора Фелла в нашем доме, хотя все так ужасно и… и все такое. Не так ли? Элинор, дорогая моя, интересно, а вот и наша гостиная, но у Йоханнуса такой беспорядок, и она так загромождена его колесиками, приборами и прочим. Там была бы гостиная мисс Хандрет, ее кабинет, знаете ли; она адвокат, и это, конечно, вас устроило бы, если бы она не возражала; а она, конечно, не стала бы…

На середине своей запыхавшейся речи, прежде чем они поняли, что она имеет в виду, она перебежала на другую сторону и постучала во вторую из ряда дверей слева.

"Мисс Хандрет!" - заискивающе позвала она, приложив к уху крепкие костяшки пальцев. "Лючия, дорогая!"

Дверь распахнулась с такой внезапностью, что миссис Стеффинс едва не потеряла равновесие. В комнате за дверью было темно. В дверном проеме стояла женщина, которая была не старше Элеоноры (скорее, моложе). Ее темные волосы были распущены по плечам, и она откинула их назад, холодно глядя на них.

— Э-э-э! - сказала миссис Стеффинс. - Простите. Я подумала, Лючия, вы не спите?..

"Вы прекрасно знали, что я была такой", - сказала другая. Она говорила ясным голосом, как будто все были настроены враждебно, и как будто она была в неудобном положении, которое она демонстрировала, чтобы заставить их чувствовать себя так же неуютно. Карие глаза блестели из-под длинных, слегка опущенных ресниц. Она посмотрела на Хэдли, плотнее запахивая свой голубой халат. - Я полагаю, у вас здесь должен быть врач. Вам лучше пригласить его, пожалуйста. Здесь человек, который, возможно, серьезно ранен.

"Лючия!" — произнесла миссис Стеффинс одним голосом, а затем с совершенно другим выражением лица посмотрела через плечо на Элеонору, приподняв одну бровь.

Лючия Хандрет тоже посмотрела на Элеонору. "Мне очень жаль", - тихо сказала она ей. "Я бы скрыла это, но он ранен. И они все

равно бы узнали. Это Дональд".

"О, боже мой!" - сказала миссис Стеффинс. - А теперь ты развлекаешь Дональда, моя дорогая?

Ее торжествующие "ха-ха" были почти пародийными, они странно булькали, когда она покачивала головой и хлопала в ладоши. Элеонора, очень бледная, пристально смотрела на нее, а Люсия тяжело дышала. С усилием она добавила:

— Похоже, он сильно упал — ударился головой или что-то в этом роде, - и я никак не могу привести его в чувство. Я слышал, как он стонал на заднем дворе и волочился за ним. Я втащил его внутрь. Естественно, я не хотел будить. . О, неужели никто ничего не может сделать?"

- Это важно, Хэдли, - пробормотал доктор Фелл. "Получить

Ватсон. Сразу. Остальное может подождать. Вы примете нас, мисс Хэндрет?

Он сделал энергичный жест Хэдли, которая кивнула и поспешила к лестнице. Включив свет, Люсия Хандрет провела их через маленькую гостиную в спальню, расположенную позади. С яркой электрической лампы у кровати был снят абажур, и она светила совершенно открыто. На желтом шелковом покрывале лицом вниз, слегка подергиваясь, лежала фигура. Полотенце, мокрое, с красными прожилками, соскользнуло с уголка его головы и наполовину сдвинуло коричневатую повязку, заклеенную лейкопластырем; на стуле у кровати стояли еще полотенца, пузырек с йодом и миска с водой, окрашенной кровью.

Элинор Карвер подбежала к нему. Он что-то пробормотал хриплым голосом, когда она попыталась поднять его, и вдруг начал сопротивляться.

- Спокойно, - сказал доктор Фелл, положив руку ей на плечо. - Уотсон будет здесь через пару секунд. Он приведет его в чувство…

- У него все время текла кровь из носа, - задыхаясь, обратилась к нему Люсия Хандрет. - Я не знала, что делать. Я—

Фигура на кровати перестала сопротивляться. Только слабый скрип пружин нарушал тишину в этой плохо освещенной комнате; шуршание одежды, словно кто-то полз по желтому

шелку, иначе они могли бы подумать, что жизнь ушла. Одежда была грязной и порванной на плече, а на запястье виднелись синеватые точки красных ссадин. Затем даже скрип прекратился, и они услышали тиканье часов. Элинор Карвер закричала, а миссис Стеффинс подошла и ударила ее по губам.

Затем человек на кровати заговорил.

“Оно выглянуло из-за угла камина”, - отчетливо произнес он, словно повинуясь подсказке. Эти слова поразили их, как будто их произнес мертвец. “У него были позолоченные ладони”.

В этих бесстрастных словах был неподдельный ужас, который, казалось, затронул даже мужчину на кровати. Одна из его ног выпрямилась и ударилась о стул. Чаша с окрашенной водой разбилась об пол, как пролитая кровь.

- Раздался от двери здравомыслящий и очень раздраженный голос, и Элинор резко повернулась к миссис Стеффинс.

- Ладно, ладно, - пропищал доктор Ватсон. - Убирайтесь все отсюда, немедленно. Это не мое дело, но если ты будешь мне приказывать насчет… Кхм… Теплой воды.”

Затем Мелсон обнаружил, что стоит в прохладном вестибюле. Полицейский врач, естественно, не стал избавляться от женщин. Элинор и миссис Стеффинс поспешили в ванную Люсии Хандрет за теплой водой; началась безумная суматоха, до смешного похожая на драку; миссис Стеффинс улыбалась через плечо невидящему доктору Ватсону. Лючия Хандрет начала тихо собирать осколки миски и вытирать полотенцем пролитую воду. И в коридоре, за дверью которого хлопнула дверь, доктор Фелл столкнулся с раздраженной Хэдли.

- А теперь, не могли бы вы объяснить мне, - сказал тот, - из-за чего весь этот скандал?

Доктор Фелл достал ярко раскрашенный платок и вытер лоб. - Итак, - проворчал он, - вы находите, что атмосфера становится все более напряженной, а? Что ж, мне это надоело больше, чем тебе. Я не знаю, как фамилия Донны спд, мой мальчик, но подозреваю, что он будет нашим главным свидетелем. Пункт первый: Дональд, по всей вероятности, является доверенным лицом Элеоноры Карвер.-—

- Будьте добры, рассуждайте здраво, - резко перебил его Хэдли. -

Не знаю почему, но само зрелище убийства, кажется, пробуждает в вас все худшие склонности к учености. Что, черт возьми, такое причина?

Прохрипел доктор Фелл. - Я использую это слово, - сказал он, - предпочитая его тошнотворному современному термину “бойфренд”. Помолчи, ладно? В любом случае, я абсолютно уверена, что он не ее жених, поскольку она, по—видимому, вынуждена встречаться с ним на крыше посреди ночи.

- Чушь собачья, - сказала Хэдли. - Никто не встречается на крышах. Кто такая Элеонор, блондинка?

“да. И в этом случае вы недооцениваете либо чей-то романтический настрой, либо чью-то крайнюю практичность. Я пока не уверен, но. .. Ага! Ну что, Пирс?

Констебль, человек чрезвычайно дотошный, выглядел виноватым и немного нервным, когда увидел Хэдли. Он отдал честь. Радость от успеха, связанного с ботинками и разбитым окном, воодушевила его, но вид у него был чумазый и несколько потрепанный. Хэдли смерил его взглядом.

- Какого черта, - спросил он, - ты тут делал? Лазали по деревьям?”

“Да, сэр”, - ответил констебль. “Это был приказ доктора Фелла, сэр.— Там никого не было. Но, сэр, такое случалось несколько раз. Повсюду окурки, особенно на большой ровной площадке между дымоходами. В доме есть люк, который ведет вниз, недалеко от слухового окна в комнате мистера Боскомба.”

Хэдли с любопытством посмотрел на доктора Фелла. - Естественно, - заметил он, - вашему изощренному уму не пришло в голову отправить его через люк на крышу, вместо того чтобы карабкаться по дереву?

— Ну, мне пришло в голову, что это дало бы тому, кто мог находиться на крыше, отличный шанс сбежать, если бы он все еще был на крыше. Должно быть, он оступился, упал, и его затащили в дом некоторое время назад… Хм. Кроме того, Хэдли, дверь, ведущая на крышу, заперта. И я подозреваю, что нам потребуется чертовски много времени, чтобы найти ключ.” “почему?”

Раздался голос: “Извините, джентльмены…” — и даже невозмутимый Хэдли, на которого так сильно давила смерть Эймса, так разволновался, что с проклятиями обернулся. Мистер

Йоханнус Карвер с большими кроткими глазами, казалось, был застигнут врасплох. Он натянул брюки поверх пижамы и теребил подтяжки.

- Нет, нет, - настаивал он. - Я не подслушивал. Нисколько. Но я подслушал, как вы просили у миссис Стеффинс комнату. Позвольте мне предоставить в ваше распоряжение нашу гостиную. Сюда. Он заколебался. Из-за большой головы и нависающих бровей под его глазами залегли тени. “Я не очень разбираюсь в таких вещах, но могу я спросить, есть ли у вас какие-нибудь успехи?”

- Очень много, - сказал доктор Фелл. - Мистер Карвер, кто такой Дональд?

- Боже милостивый! - воскликнул Карвер, слегка подпрыгнув. - Он снова здесь? Скажите ему, чтобы он уходил, дорогой сэр! Немедленно! Миссис Стеффинс…

Хэдли смерила его оценивающим взглядом и, похоже, не была впечатлена.

- Спасибо, мы воспользуемся этой комнатой, - сказал он. - И я хотел бы задать всем присутствующим в доме несколько вопросов, если вы соблаговолите их задать… Что касается друга Дональда, я не думаю, что он сможет уйти в течение некоторого времени. Общее мнение, по-видимому, таково, что он свалился с дерева.

— Тогда… - начал Карвер и осекся. Он заколебался, осуждающе глядя на них, как будто собирался сказать, что мальчишки есть мальчишки и иногда падают с деревьев, но только кашлянул.

- Ну? - Резко спросил Хэдли. - У него была привычка проводить вечера на крыше?

У Мелсона внезапно возникло ощущение, что этот загадочный старый часовщик всех их дурачит. Он мог бы поклясться, что под его бровями мелькнула искорка веселья. Йоханнус огляделся, чтобы убедиться, что их никто не подслушивает.

“По правде говоря, я думаю, что так оно и было”, - с сомнением признался он. “Но, поскольку они не беспокоили соседей и не производили шума, они, конечно, не беспокоили и меня”.

- Адское пламя, - пробормотал Хэдли себе под нос. - И это все, что

вы можете сказать?

- У миссис… Стеффинс есть свои причины, - пояснил Карвер, глубокомысленно кивая. “Дональд - очень приятный молодой человек, проявляющий разумный интерес к моей профессии, но (если быть откровенным) он на мели. Так говорит миссис Стеффинс; и он изучает юриспруденцию, так что у меня нет причин сомневаться в этом. Однако я взяла за правило никогда не вмешиваться в споры между женщинами. Независимо от того, чью сторону вы принимаете, каждая убеждена, что вы, должно быть, неправы. Гул. Я за спокойную жизнь… Однако. Какое это имеет отношение к… к печальной кончине?”

“я не знаю. И я, должно быть, очень волнуюсь, - проворчал Хэдли, - когда свидетель вынужден меня поправлять. Мне нужны факты. Ну давай же. Давайте пройдем в эту комнату.

Карвер провел их через холл и выказал готовность задержаться, но Хэдли был краток. Это была просторная комната, отделанная все теми же белыми панелями, с криволинейными стульями с жесткими спинками от Heppelwhite и широким камином, в котором все еще тлели угли. Над каминной полкой висела выцветшая гравюра в рамке, изображавшая мужчину с длинными волосами, вьющимися до широкого льняного воротника, с тем сероватым, неземным видом, который художники семнадцатого века умели придавать самым толстым мужчинам, и надписью по краям: “Wm. Бауэр, эсквайр, благодаря усилиям которого в 1631 году была основана Королевская часовая компания. “В стеклянных витринах вдоль витрин были выставлены любопытные предметы. Один представлял собой бесцветную металлическую оболочку, похожую на чашу, с отверстием посередине; другой представлял собой высокий кронштейн, на котором крепилась лампа с плавающим фитилем, как раз напротив цилиндрического стакана, по вертикали от которого вниз шла доска с римскими цифрами от 3 до 12, от 12 до 8; наконец, тяжелые открытые часы, за циферблатом и единственной стрелкой которых на цепочке висел полый латунный цилиндр с надписью: “Джон Бэнкс из Честера, 1682 год”. В то время как Хэдли бросил свой портфель на стол и сел, доктор Фелл подошел поближе, чтобы взглянуть на них. Доктор Фелл присвистнул.

- Послушай, Хэдли, у него здесь есть кое-какие раритеты. Удивительно, что Гильдия еще не прибрала их к рукам. Это вехи в развитии клепсидры, водяных часов. Первые часы с маятником,

как вы знаете, были изготовлены в Англии только в 1640 году. И, если я не ошибаюсь, эта чаша - устройство браминов, которое несколько старше христианской цивилизации. Это сработало. — Он повернулся, черная лента на его очках агрессивно закачалась, и добавил: - О, и не говорите, что я просто читаю лекции. Полагаю, вы заметили, что беднягу Эймса проткнули часовой стрелкой?— Вы этого не сделали?"

Хэдли, который рылся в своем портфеле, бросил на стол два длинных конверта. Он сказал: "Так вот что это было? Я не разобрал…" — и сел, тупо уставившись в камин. - Но это же стрелка часов, чувак! - рявкнул он, делая дикий жест. - Ты уверен в этом? Это фантастика! Во имя всего неразумного,

почему стрелка на часах? кому придет в голову использовать такую штуку, чтобы кого-то убить?"

"Этот убийца сделал бы это", - сказал доктор Фелл. "Вот почему это меня пугает. Вы совершенно правы. Обычный человек, придя в ярость, редко задумывается о том, чтобы вырвать стрелку у часов и превратить ее в оружие, например, в маленький кинжал, который всегда под рукой. Но кто-то в этом доме посмотрел на часы, которые делал Резчик для конюшни… - Он быстро рассказал Хэдли о краже. - Кто-то с блестяще развитым воображением увидел в этом буквальный символ того, что время движется к могиле. Есть что-то порочное в самой мысли о том, что он не мог даже взглянуть на предмет, который, должно быть, видел по дюжине раз за день своей жизни, не искоса взглянув на него. Он не воспринял это как напоминание об ужине, закрытии или визите к дантисту; он даже не заметил стрелку на часах. Что он увидел, так это тонкое стальное древко, длиной около десяти дюймов, с зазубренным наконечником и удобной рукояткой для нанесения колющих ударов. И он воспользовался им".

"Наконец-то ты начинаешь действовать", - сказал Хэдли. Он постучал костяшками пальцев по столу в раздраженном раздумье. - Вы сказали "он". Вот последние отчеты Эймса и вся информация, которую я смог раздобыть о деле в универмаге. Мне было интересно…

- О женщинах? Безусловно. Это наша цель. Я использую "он", потому что это удобно, там, где мне следовало бы сказать "оно". Как это сделал тот молодой человек на крыше — и я еще раз говорю вам, что он будет нашим главным свидетелем, — когда он сказал: "У него на руках была позолота".

“Но это похоже на настоящие часы”, - запротестовал Хэдли. “Я говорю вам, что парень, должно быть, был в бреду и все перепутал. Надеюсь, вы не пытаетесь убедить меня, что часы - это люди и могут вставать и ходить по крыше?”

— Теперь я задаюсь вопросом… - пробормотал доктор Фелл, как будто его осенила идея. - Нет, не фыркайте. Мы пытаемся проследить за работой одного очень здравомыслящего психа, и мы не будем форрейдерами, пока не выясним, что он имел в виду, используя такое оружие. В этом есть смысл, черт возьми! Он должен быть… Человек? Послушайте, вам никогда не приходило в голову, что в художественной литературе и поэзии, да и в повседневной жизни, часы - это единственный неодушевленный предмет, который считается человеком как нечто само собой разумеющееся? У каких вымышленных часов нет “голоса” и даже человеческой речи? В нем звучат детские стишки, он расчищает дорогу призракам и обвиняет в убийстве; это основа всех потрясающих сценических эффектов, а также нотка обреченности и возмездия. Если бы не было часов, что случилось бы с этой ужасной историей?— И я вам это докажу. В кинотеатре есть одна вещь, которая в любое время может вызвать взрыв смеха, — часы с кукушкой. Вам нужно только заставить эту маленькую птичку выпорхнуть и запеть, и зрители сочтут это невероятно забавным. Почему? Потому что это пародия на то, к чему мы относимся серьезно, пародия на торжественность времени и часов. Если вы представите себе, какое впечатление произвели на читателя слова призрака Марли, сказанные Скруджу: “Жди появления первого из трех духов, когда часы с кукушкой пробьют час”, - вы получите некоторое представление о том, что я имею в виду.”

- Очень интересно, - без особого энтузиазма произнес Хэдли. - Но я не могу удержаться от желания, чтобы вы рассказали мне, что здесь произошло сегодня вечером, чтобы я мог сформулировать свои собственные теории. Возможно, все эти метафизические штучки очень хороши…

Доктор Фелл, тяжело дыша, достал свой потрепанный портсигар.

- Вам нужны доказательства, не так ли, - тихо сказал он, - что я говорю не через шляпу? Очень хорошо. Почему у этих часов были украдены обе стрелки?

Пальцы Хэдли сомкнулись на подлокотниках кресла…

- Ну-ну, успокойся. Я не намекаю на новые удары ножом. Но

позволь мне задать еще один вопрос. Вероятно, в вашей жизни нет ничего, на что вы смотрели бы чаще, чем на часы, и все же мне интересно, сможете ли вы с абсолютной уверенностью ответить на один вопрос, прежде чем посмотрите: какая стрелка находится снаружи, а какая внутри, длинная минутная стрелка или короткая часовая стрелка?"

— Ну… - сказал Хэдли. После паузы он что-то проворчал и потянулся за своими часами. - Хм. Длинные часы на улице, во всяком случае, на этих часах. Черт возьми, да! Так и должно быть. Здравый смысл подсказывает вам это. Ему приходится преодолевать большую дугу окружности — я имею в виду большее расстояние. Хорошо? Что с этим?"

"да. Минутная стрелка находится снаружи. И, - продолжал доктор Фелл, нахмурившись, - Эймса ударили минутной стрелкой. Еще один факт: если в детстве вы когда-нибудь проводили радостные беззаботные часы, разбирая лучшие часы в гостиной вашего старика, чтобы посмотреть, сможете ли вы заставить их пробить тринадцать, вы знаете, что каждую стрелку чертовски трудно снять… Убийце Эймса, по-видимому, нужна была только минутная стрелка. Он мог снять ее, не потревожив другую. Зачем же тогда ему понадобилось тратить время и силы — а в этих стальных часах это совсем не простая работа — на то, чтобы переставить другую стрелку? Я не могу поверить, что это был какой-то инстинкт аккуратности. Но почему?"

"Еще одно оружие?"

Доктор Фелл покачал головой. "В том-то и беда, что этого не могло быть, иначе все это было бы понятно. Судя по всему, длина этой минутной стрелки составляет примерно девять дюймов. Таким образом, при обычных измерениях короткая часовая стрелка не может быть достаточно длинной, чтобы служить оружием, и если сжать ее в обычном кулаке, на рабочем конце останется не более полутора дюймов стали. Этим вы не причините серьезного вреда, тем более что у шипа нет режущей кромки. Так зачем, зачем, зачем щипать малыша?"

Он сунул сигару в рот и передал свой футляр Хэдли и Мелсону. Затем он отломил головки от нескольких спичек, пытаясь зажечь их. Хэдли раздраженным жестом вытащил из одного конверта на столе несколько сложенных листов бумаги.

"И это еще не самая худшая головоломка", - сказал доктор Фелл. -

В основном это связано с поведением некоего джентльмена по имени Боскомб и другого джентльмена по имени Стэнли. Я собирался спросить вас об этом. Полагаю, вы помните Питера Стэна… В чем дело?

Хэдли удовлетворенно фыркнул. “Это всего лишь факт, вот и все! В первой строке этого отчета. Три слова Эймса рассказывают больше, чем шесть глав о других людях, которых я мог бы упомянуть. Вы можете это понять?

“Основываясь на моем отчете, датированном 1 сентября, я полагаю, что могу окончательно установить, что женщина, убившая Эвана Томаса Мандерса, продавца магазина “Гэмридж” 27 августа прошлого года, проживает в доме номер 16 на Линкольнс-Инн-Филдс…”

Глава 6

Отчеты инспектора Эймса

“Продолжайте”, - сказал доктор Фелл, когда Хэдли резко замолчал. “Что еще?”

Хэдли пробежал глазами по короткому, старательно исписанному листку. Он снял шляпу и расстегнул пальто, как будто хотел помочь ему. Его раздражение росло.

“Будь проклят этот скрытный маленький негодяй! Он говорит… Хм, м. Во всем этом деле нет определенного слова, если только нет чего-то в более раннем отчете. Он никогда не заговаривал, пока не был готов запросить ордер, с тех самых пор, как Стэнли чуть не лишил его славы в Хоуп-Гастингсе… — Внезапно Хэдли поднял голову. “У меня со слухом так же плохо, как и с мозгами, или я действительно слышал, как вы только что упоминали имя Стэнли?”

“Да, вы упоминали”.

“Но это не—?”

“Это тот самый Питер Стэнли, который занимал вашу должность около двенадцати или тринадцати лет назад. Он сейчас наверху. Именно об этом я и хотела вас спросить. Я смутно припоминала, что он подал в отставку или что-то в этом роде, но не смогла вспомнить детали.

Хэдли уставилась в камин. - Он “подал в отставку” за то, что застрелил безоружного человека, который не оказывал сопротивления при аресте, - мрачно сказал Хэдли. - Более того, за то, что ускорил арест, чтобы присвоить себе заслуги, когда бедняга Эймс не продумал всех деталей. Я должен знать. Я получил повышение в результате реорганизации в 1919 году, когда была создана “Большая четверка”. Это была не только вина Стэнли. Он настоял на том, чтобы пойти на действительную военную службу; нервы у него были на пределе, и он был не в той форме, чтобы ему можно было доверить что-то крупнее пистолета. Вот почему ему позволили “уйти в отставку”. Но он всадил четыре пули в голову Олд Хоупа, который сбежал из банка и был робок, как кролик, - Хэдли неловко поежился. - Мне это не нравится, Фелл. Ни капельки. Почему вы не сказали мне, что он был замешан в этом деле? Это… ну, это дискредитирует полицию, если какая—нибудь газета случайно докопается до этого. Что касается Стэнли… — Его глаза сузились, и он смущенно замолчал.

- У тебя есть более насущные заботы на данный момент, мой мальчик. Что Эймс пишет в отчете?

Хэдли с усилием заставил себя вернуться к своим мыслям.

“да. Я полагаю, что да — нет, конечно, этого не может быть. Будь проклята удача, это должно было случиться, когда мне оставалось меньше месяца до выхода на пенсию!- хорошо . Гул. На чем я остановился? Не так уж много. Он говорит:

“Основываясь на моем отчете, датированном 1 сентября, я теперь полагаю, что могу окончательно установить, что женщина, убившая Эвана Томаса Мандерса, продавца в магазине Gamridge’s 27 августа прошлого года, проживает в доме номер 16 на Линкольнс-Инн-Филдс. В связи с полученной анонимной информацией, как указано в отчете от 1 сентября—”

“У вас это есть?” “да. Но подождите немного:

“…Я снял комнату на Портсмут—стрит, 21, в Линкольнс-Инн-Филдс, рядом с таверной “Герцогиня Портсмутская”, в качестве бывшего часовщика, испытывающего слабость к крепким напиткам. Частный бар в этой таверне посещают все мужчины и одна из женщин, проживающих по адресу Линкольнс-Инн-Филдс, 16, а “джаг энд биоттл” — двое других…’

- Кстати, - вставила Хэдли, - сколько женщин в доме?

- Пять. Троих из них вы уже видели. - Доктор Фелл описал обстановку в доме. - Двое других, по-видимому, миссис Горсон, что-то вроде экономки под руководством Ла Стеффинс, и горничная, имя которой неизвестно. Готов поклясться, что в "кувшин и бутылку" заходят последними. Будет интересно узнать, кто из трех других устроился в частном баре. Я знаю "герцогиню Портсмутскую". Это довольно затхлое заведение, но с атмосферой и довольно шикарное..., Не так ли?"

"Два дня назад (2 сентября) мой до сих пор анонимный информатор навестил меня в моей комнате, рассказав о том, кто я такой и как я там оказался. (Я вынужден попросить разрешения воздержаться от предоставления дальнейших подробностей на данный момент.) Каким бы ни был мотив, информатор предложил дальнейшую помощь. Информатор заявил, что видел у некой женщины два предмета, которые были похищены при ограблениях универмагов (полный список смотрите в отчете от 28 августа). Этими изделиями были: (1) Платиновый браслет с бирюзой стоимостью 15 фунтов стерлингов; и (2) часы начала XVIII века в золотом корпусе с надписью "Томас Книфтон на выставке X Keys в Лотбери, Лондон", выставленные на рекламной выставке Gamridge и одолженные Дж. Карвером. Информатор также показал, что видел, как вечером 27 августа та же женщина сжигала в камине пару коричневых лайковых перчаток, испачканных кровью"

"ОГО!" - сказал доктор Фелл.

"да. В целом довольно неприятное домашнее хозяйство. Кто-то, - проворчал Хэдли, - очень хочет, чтобы еще кого-нибудь повесили, и все же заключает темный и тайный договор с офицером полиции. Нет, не совсем. Позвольте мне читать дальше:

"Как вы увидите, моя позиция до сегодняшнего утра была следующей. Информатор был готов подтвердить вышеуказанные заявления на свидетельском месте, но отказался выдвинуть обвинение, которое дало бы нам ордер на арест в случае, если улики будут уничтожены. В информации говорилось, что эта ответственность должна лежать на нас, поскольку речь идет об аресте—"

- Умная леди, - сказал Хэдли, - или джентльмен. Я знал многих из этих наркоманов-любителей, и они - самые настоящие дьяволы на

двух ногах. Или все это было ловушкой? Сомневаюсь в этом. Хорошо…

“Поэтому я предложил своему информатору, чтобы мы нашли способ (тайно) провести меня в дом, где я мог бы наедине осмотреть имущество обвиняемого и убедить свое начальство в том, что есть основания для объявления войны”

- Проклятый дурак! Ему не следовало помещать это в отчет. Это все равно всплывет, и все придурки будут орать в газетах следующие полгода. Старый добрый, трудолюбивый, серьезный Эймс! А остальное еще хуже:

“—но мой информатор, хотя и поддержал эту идею, отказался оказывать активную помощь на том основании, что он может быть скомпрометирован. Поэтому я решил проникнуть в дом под свою личную ответственность.

“Сегодня днем, как раз перед написанием этого отчета, по счастливой случайности это стало возможным. Другой житель дома 16, Л.И.Ф. (не мой предыдущий информатор), который обещал дать мне какую-нибудь старую одежду, предложил мне зайти за ней вечером. У меня был хороший предлог для того, чтобы завязать с ним знакомство в самом начале, как я поступал с другими жильцами дома; в данном случае, поскольку мы с ним были одного роста, и я сказал, что мне нужен подходящий—”

- Боскомб, конечно, - кивнул доктор Фелл. Он закурил сигару и попыхивал ею, с каким-то озадаченным упрямством слушая отчет. - Лично мне, Хэдли, не нравится, как все это звучит. Это подозрительно. Возможно, это произвело впечатление на Эймса, но потом Эймс умер, потому что это произвело. Вопрос в том, какой чертов трюк Боскомб и Стэнли собирались с ним сыграть? Клянусь, что-то в этом было. И это новый запутанный набор следов, который идет бок о бок со следами Джейн Потрошительницы. … - нет, нет. Боскомб не собирался дарить бродяге новую одежду. Боскомб в пабе только обругал бы такого захудалого попрошайку и выставил его вон. Да, они со Стэнли играли в какую-то игру. Что еще?”

Хэдли пробежал глазами по отчетам.

- Вот, пожалуй, и все. Он говорит, что договорился о позднем визите к мистеру — кем бы он ни был, его благодетелю. Затем он в общих чертах описывает, что собирается делать. Он заедет к

этому Боскомбу, получит одежду, сделает вид, что уходит из дома, спрячется, а затем совершит небольшую кражу со взломом в комнате обвиняемой женщины. Он надеется, что это небольшое нарушение правил встретит одобрение его начальства — Ба! Зачем это писать?" — и заканчивается в 17:00, четверг, 4-го по восточному времени, "Дж. Ф. Эймс… Бедняга!"

Воцарилось молчание. Хэдли бросил отчет на стол; он обнаружил, что раскатывает незажженную сигару, и предпринял безуспешную попытку раскурить ее.

"Вы абсолютно правы, Фелл. Это действительно звучит подозрительно. Чего я не могу сделать, так это указать пальцем на то, что подозрительность этого факта наиболее очевидна. Возможно, это потому, что я не располагаю достаточным количеством фактов. Итак…

Доктор Фелл задумчиво произнес: "Я полагаю, он действительно написал этот отчет?"

"А? О да. Ну, в этом нет сомнений. Даже если не обращать внимания на его почерк, он сам все это придумал. Он написал это достаточно правильно.— Кроме того, я не хочу, чтобы из всего, что я сказал, у вас сложилось впечатление, что Эймс был чьим-то дураком; это далеко не так. У него были веские причины написать то, что он написал. У него было…

"Например, было ли у него чувство юмора?" - спросил доктор Фелл с совиным безразличием. "Был ли он склонен немного подтасовывать факты и позволять себе немного поиздеваться, если

он думал, что делает это ради благого дела?" Хэдли почесал подбородок.

"А если бы он это сделал? Эймсу потребовалось бы незаурядное чувство юмора, чтобы придумать историю о женщине, сжигающей окровавленные перчатки, только для того, чтобы вызвать искренний смех у сотрудников Отдела по расследованию преступлений. Послушайте, - ворчливо сказал Хэдли, - вы же не сомневаетесь, что эта женщина, эта Джейн Потрошительница, действительно в дом, не так ли?"

- У меня нет причин сомневаться в этом. Кроме того, нет необходимости проявлять милосердие в наших подозрениях; здесь определенно есть убийца, и такой мерзкий, какого я когда-

либо думал встретить… Послушайте, а теперь. Я расскажу вам в точности, что произошло, и вы сможете сами сделать выводы.

Доктор Фелл говорил коротко и сонно, но ничего не упустил. В комнате начал сгущаться сигарный дым, и Мелсон почувствовал, что его разум затуманивается вместе с ним. Он попытался выделить основные моменты, которые его озадачивали, чтобы подготовить их к вопросам Хэдли. Задолго до того, как доктор Фелл закончил, Хэдли уже расхаживал по комнате. Когда доктор Фелл взмахнул рукой и издал долгий урчащий звук, показывая, что картина завершена, Хэдли остановился у одного из шкафов с часами.

“Да, - согласился старший инспектор, - это кое-что проясняет, и гораздо больше искажает”. Но теперь совершенно ясно, почему вы подумали, что на крыше был мужчина и что блондинка поднималась наверх, чтобы встретиться с ним.

Доктор Фелл нахмурился. “Первая часть, - признал он, - проста. Она сказала, что дверь ее спальни хлопала на сквозняке; она подумала, что, возможно, хлопает входная дверь, и встала с постели, чтобы проверить, не так ли. Но для этого она тщательно нанесла на лицо свежую косметику. Это казалось необычным, как если бы человек встал с постели и облачился во фрак, чтобы швырнуть ботинок в воющую кошку. Она вообще не включала свет, хотя это было бы вполне естественно; и она поспешно стерла макияж, когда кто-то предложил разбудить остальных в доме. Это, естественно, наводило на мысль о тайном свидании… где?

- Теперь, - энергично сказал доктор Фелл, - начинается самое интересное. Она поднялась по лестнице, услышав, как Боскомб сказал: “Боже мой, он мертв”; она увидела тело, лежащее на полу, и сразу же впала в такую истерику, что продолжала дико обвинять Боскомба в убийстве еще долго после того, как убедилась, что он невиновен. Объясни, Хэдли. Это был не просто шок от вида мертвого грабителя.

Старший инспектор кивнул.

- Да, это очевидно. Она ожидала, что это окажется кто-то другой. Хм. Но из—за того, что свет падал на его лицо, она бы увидела, что Эймс не был тем человеком, которого, как она думала, ранили или убили, если бы одна из дверей не была наполовину закрыта, и тень не скрывала его лица. Отсюда шок и ужас. И вы заставили ее реконструировать сцену.. .. Неплохо, черт бы вас

побрал! - нехотя произнес Хэдли и ударил кулаком по ладони. “Совсем неплохо, на первый взгляд”.

“Угадали?” прорычал доктор Фелл, вынимая сигару. - А кто говорит о догадках? Я руководствовался принципами разумнейшего ло—

- Ладно, ладно. Продолжайте.

- Хм! Ха! Берр! Очень хорошо. Что подводит нас к сути дела. Хотя она была несколько удивлена, обнаружив этого мужчину (предположительно, того, с кем у нее была назначена встреча) в доме, тем не менее, она не удивилась, обнаружив его наверху. Начнем с того, что она поднималась наверх, и сам факт, что она приняла его за мертвеца, доказывает это. Когда я вижу, менее чем в шести футах от мертвеца, дверь, ведущую прямо на крышу, и когда эта девушка предпринимает решительные усилия, чтобы увести меня от нее при первых же проявлениях моего любопытства, у меня возникают серьезные подозрения. Когда я размышляю о том, что девушка, хотя и соблазнительно одетая в косметику и пижаму, тем не менее носит пыльное, потертое кожаное пальто с теплой флисовой подкладкой…”

- Я все это понимаю, - с некоторым достоинством ответила Хэдли. — За исключением того, что вся эта затея по-прежнему далека от здравого смысла, и только сумасшедший мог бы…

Доктор Фелл благожелательно покачал головой.

- Хех, - сказал он. - Хе-хе-хе. Это снова наша старая проблема. Вы же не хотите сказать, что только сумасшедший стал бы проводить часы восторга на продуваемой ветром крыше. Вы только хотите сказать, что не стали бы. Я готов заключить небольшое пари, что даже в те дни, когда ты ухаживал за мной, нынешняя миссис Хэдли была бы немного удивлена, увидев, как ты взбираешься к ней на балкон по ветвям клена. …”

“Она бы подумала, что я слабоумный”, - сказал Хэдли.

“Ну, я бы тоже так подумал, если уж на то пошло. Именно это я терпеливо пытаюсь донести до нее. Но есть молодые люди в возрасте от двадцати до двадцати одного года - я подозреваю, что Элеонора старше и мудрее, но что с того?— кто бы мог подумать. И постарайтесь вбить себе в голову, что эта безумная комедия - самое безнадежно серьезное событие в их жизни. Да что вы, приятель, - прогудел доктор Фелл, и лицо его вспыхнуло от

возмущения, - не стоит того молодой человек, который не хочет похвастаться своими мускулами, лазая по деревьям в романтических ситуациях и отчасти надеясь, что сломает себе дурацкую шею, но очень удивится, если это ему удастся. Ты начиталась слишком много современных романов, Хэдли. … Ирония в том, что в разгар этих сказочных грез и спасений от романтических опасностей вниз упал настоящий труп, и юный галантный человек чуть не сломал себе шею, столкнувшись с реальностью. Но я сказал, что Элеонора была старше и мудрее, и в этом есть что-то показательное. …"

"Как же так? Если у вас нет никаких фактов…"

"Она увидела на полу мертвого человека, которого приняла за этого молодого человека. А над ним она увидела Боскомба с пистолетом в руке. Вот почему с ней случилась истерика. Она ни на секунду не усомнилась, что Боскомб застрелил его.

Хэдли провел рукой по своим тусклым волосам. "Тогда Боскомб —"

- Он влюблен в нее, Хэдли, я чуть было не сказал "горько влюблен", и, по-моему, она его ненавидит. Этот маленький, мягконогий, нервный парень полон решимости, и она, возможно, немного побаивается его. Если она думала, что он убьет или уже убил нашего друга Дональда, то в отношении второго можно сделать любопытный вывод…

Хэдли посмотрела на него из-под опущенных бровей.

- Есть также предположение, - заметил он почти лениво, - что Эймса в темноте этого зала могли принять за Боскомба… Признаю, у нас и так достаточно сложностей, но Боскомб меня интересует.

- Туфли, перчатки, разбитое окно и Стэнли?

- О, я вытяну из них правду, - спокойно сказал Хэдли. В этих банальных словах и в едва заметной улыбке, сопровождавшей их, было что-то такое, что заставило Мелсона вздрогнуть. У него возникло ощущение, что что-то вот-вот разобьется, как будто старший инспектор ударил кулаком в перчатке по одному из стеклянных шкафов и рассыпал его хрупкое содержимое. Хэдли легко подошел и остановился, глядя в свете лампы своими непроницаемыми темными глазами. "У меня есть предположение, что Боском и Стэнли собирались инсценировать "преступление",

чтобы разыграть Эймса. Вы об этом подумали?”

Доктор Фелл издал неразличимый звук.

- И самым важным моментом во всем этом деле, - продолжал Хэдли, - были показания о том, кто знал Эймса, а кто нет. И я обещаю вам, что раскрою всю грязную ложь, которая когда-либо звучала в этом доме, клянусь Богом! пока я не найду свинью, которая подошла и ударила ножом в спину хорошего человека!”

Он ударил кулаком по столу, и, словно в ответ на его слова, раздался стук в дверь. Хэдли был по-прежнему невозмутим, когда появился сержант Беттс, неся что-то завернутое в носовой платок.

— Нож, сэр, - доложил он. Он был бледен как полотно. - В его карманах ничего не было, совсем ничего, кроме пары перчаток. А вот и они. Старина никогда не бывает занят… - Внезапно остановившись, он отдал ненужный салют и стал ждать.

- Успокойся, старина, - сказал Хэдли, стараясь не показать, что ему неловко. - Никому из нас это не нравится. Мы — Закрой эту дверь! Гул. Э—э… вы не разговаривали? Вы никому не позволили узнать, кто он такой? Это важно.”

— Нет, сэр, хотя двое из них задавали много вопросов - полная дама с крашеными волосами и суетливый маленький человечек в сером халате. Беттс посмотрела на него с некоторой резкостью, несмотря на то, что внешне выглядела невозмутимой. “Но всего минуту назад произошла странная вещь. Пока мы искали отпечатки пальцев — кстати, на этой штуке со стрелкой их нет”

- “Нет”, - кисло прокомментировала Хэдли. “Я и не предполагала, что они будут. Я бы хотел найти кого-нибудь в наше время, кто оставил отпечатки пальцев. Ну?”

— …Пока Бенсон этим занимался, а мы стояли в дверях, из другого подъезда вышел крупный мужчина, видите ли, сэр, со странной шаркающей походкой и странным выражением глаз. И Бенсон говорит: “Боже мой”, - вполголоса, а я спрашиваю: “Что?” - и Бенсон говорит (вполголоса, понимаете, сэр, потому что леди смотрела на это и сказала, что она не нервничает и всегда хорошо ведет себя в больничных покоях), Бенсон говорит: “Стэнли. Он должен был бы узнать старину Бьюси.

Хэдли оставался невозмутимым. “Мистер Стэнли, - ответил он, - был бывшим офицером полиции. Ты не позволил ему рассказать

остальным об Эймсе?

— Похоже, он не был знаком со Старым инспектором, сэр. По крайней мере, он не обратил на нас никакого внимания. Он подошел к буфету и налил себе из графина изрядную порцию бренди, а затем повернулся, не глядя на нас, и пошел туда, откуда пришел, с графином в руке. Как цветущее привидение, сэр, если вы понимаете, что я имею в виду.

“да. Где сейчас доктор Ватсон?”

- “Все еще с молодым человеком в спальне леди”, - ответил Беттс, не без любопытства взглянув на старшего инспектора. “Доктор говорит, что он получил сильный удар, но сотрясения мозга нет, и скоро он будет в сносном состоянии. Ребенок—”

“Ребенок?”

“Ему около двадцати одного года, сэр”, - отметил сержант Беттс, судя по строгому виду, лет двадцати шести. “Он все время смеется и говорит что-то о “несбывшейся надежде, несбывшейся надежде”. С ним еще две дамы.— Что дальше?”

- Найдите мистера Карвера, - сказал Хэдли, - и пришлите его сюда. Будьте начеку.

Когда сержант ушел, Хэдли сел за стол, достал блокнот и карандаш. Он осторожно развернул носовой платок, так что в свете лампы заблестела начищенная позолота часовой стрелки. На массивном торце позолота была в разводах, напоминавших следы рук в перчатках, и такие же полосы едва заметны по всей длине.

“Часы были украдены до того, как высохла краска”, - заметил Хэдли. “Или — интересно, хорошо ли материал уже просушен и затвердел? Вещь еще влажная после стирки, но на ощупь липкая. Она должна быть сухой, если краска была нанесена вчера вечером. Возможно, это какой-то водостойкий лак, который долго сохнет. Обратите внимание, - записал он. “Вид этих пятен внизу наводит меня на мысль, что они могли появиться, когда его вытаскивали из шеи Эймса. Следовательно, это могут быть пятна на теле убийцы…”

- И какой же он жизнерадостный, - с восхищением произнес доктор Фелл. Он неуклюже подошел к столу и, прищурившись, сквозь сигарный дым уставился на лезвие. - Хм. Ха. Интересно.

Похоже, что вор намеренно испортил позолоту, Хэдли. Как ты думаешь, он мог бы стащить это лезвие и без особых проблем? Или это просто дьявол коварства снова преследует этот старый мозг? Я все еще удивляюсь".

Хэдли не обратил на это внимания.

"Длина…" — пробормотал он и измерил ее на подошве своего ботинка. "Ты была немного не в себе, упала. В этой штуке самое большее восемь с половиной дюймов, ближе к восьми… А! Входите, мистер Карвер.

Хэдли с угрожающей вежливостью откинулся на спинку стула. Теперь все завертелось, расследование началось, и Мелсон знал, что рано или поздно они допросят убийцу. В комнате старинных часов. Хэдли медленно постучал позолоченной минутной стрелкой по столу, когда Карвер закрыл за собой дверь.

Глава 7

Послышался лязг цепи

Каждый раз, когда они видели Йоханнуса Карвера, Мелсону казалось, что он надел еще один предмет одежды. Теперь поверх пижамы, в дополнение к брюкам цвета перца с солью, был надет смокинг. У Мелсона сохранилась фотография, на которой он часто размышлял, что делать, когда в его дом кто-то вторгается, и каждый раз, чтобы выиграть время, поднимался наверх и переодевался в другую одежду, хотя бы для того, чтобы создать видимость активности. Первым делом он взглянул на стеклянные витрины с часами. Затем он пристально посмотрел на панели в правой части комнаты - взгляд, который они тогда не истолковали и вообще не поняли, пока дело не приняло более ужасный оборот. Его морщинистая шея без воротничка казалась тощей, а голова - слишком большой для него. Кроткие глаза моргали в дыму сигары. Его улыбка внезапно изменилась, когда он, по-видимому, впервые увидел стрелку часов.

- Да, мистер Карвер? - мягко подсказал Хэдли. - Вы узнаете их?

Карвер протянул руку, но тут же отдернул ее.

- Да, конечно. Без сомнения. То есть я так думаю. Это минутная стрелка с циферблата, которую я изготовил для сэра Эдвина Пола. Где вы ее нашли?

“В шею мертвеца, мистер Карвер. Он был убит этим оружием. Вы осмотрели тело. Разве вы этого не видели?”

“Я— Боже правый, нет! Я не ищу таких вещей в… ну, в шеях грабителей, — возразил Карвер с ноткой протеста в голосе. - Это ужасно. И изобретательно, клянусь Джорджем! Он погрузился в размышления и уставился на полку с книгами над письменным столом. “Я не могу припомнить, чтобы за всю историю… было что-то экстраординарное! Чем больше я об этом думаю…”

“Мы можем вернуться к этому позже. Присаживайтесь, мистер Карвер. Есть несколько вопросов…”

На первый из них он ответил несколько рассеянно, сидя, ссутулившись, в кресле и устремив взгляд на полку с книгами. Он прожил в этом доме восемнадцать лет. Он был вдовцом, и дом принадлежал его жене. (Из некоторых неясных отступлений Мелсон понял, что семья Карверов содержалась за счет ежегодной ренты, которая умерла вместе с его женой). Элеонора была дочерью старой подруги покойной миссис Карвер, которая сама была инвалидом, и ее взяли к себе после смерти родителей Элеоноры, потому что у них, казалось, не было никаких перспектив завести собственных детей. Миссис Миллиард Стеффинс также была наследницей, будучи подругой, которая преданно ухаживала за миссис Карвер во время ее болезни. Вы поняли, что покойная миссис Карвер окружала себя людьми, как безделушками.

- А жильцы? - спросил я. преследовал Хэдли. - Что ты о них знаешь? - спросил я.

- Жильцы? - Да? - повторил Карвер, как будто это слово испугало его. Он потер лоб. - Ах да. Миссис Стеффинс сказала, что нужно снять часть дома. Вы хотите что-то узнать о них, не так ли? Гул. Что ж, Боскомб умен. У него, я полагаю, много денег, но, честно говоря, я бы ни за что не подарил ему часы “Маурер”, если бы Миллисент — миссис Стеффинс — не настояла. Он задумался. - А еще есть мистер Кристофер Фаулл. Довольно приятный молодой человек. Иногда он напивается и поет в зале, но у него очень хорошие связи в обществе, и Миллисент он нравится. Хм. - А мисс Хэндрет?

И снова в глазах Карвера промелькнул слабый огонек веселья.

- Ну, - сказал он осуждающе, - мисс Хэндрет и Миллисент не

ладят, поэтому я довольно много о ней слышал. Но я не думаю, что вам будет интересно узнать, что у нее нет постоянных клиентов, она не носит жилеты зимой и, вероятно, ведет аморальный образ жизни; хм, тем более что большинство утверждений - это вопросы, истинность или ложность которых я не могу проверить из-за своего возраста…. Она здесь совсем недавно. Юный Гастингс привез ее сюда и помог распаковать вещи. Они старые друзья, так что, боюсь, Миллисент подозревает худшее…

- Юный Гастингс?

- Разве я вам не говорил? Это тот самый Дональд, о котором вы спрашивали, молодой человек, который падает с деревьев, когда приходит навестить Элеонору. Я должен поговорить с ним об этом. Он может пораниться…. О да, они с мисс Хэндрет старые друзья. Так он познакомился с Элинор."

Тут Карвер, казалось, споткнулся о какое-то воспоминание, как будто пытался что-то вспомнить; но он моргнул, потер щеку и забыл об этом.

- И наконец, мистер Карвер, — продолжала Хэдли, — у вас здесь есть помощница экономки, миссис Горсон, и горничная?

- Да. Миссис Горсон - необыкновенная женщина. Я полагаю, когда-то она была актрисой. Она говорит довольно высокопарно, но с радостью выполняет любую работу, какой бы тяжелой она ни была, и хорошо ладит с Миллисент. Китти Прентис - горничная. …Теперь, сэр, когда вы познакомились с этим домом, не могли бы вы ответить мне на один вопрос?"

Что-то в голосе мужчины привлекло внимание Мелсона. Он не повысил голоса и не пошевелился. Но внезапно он обрел хладнокровие бойца, прикрывшегося щитом.

- Насколько я понимаю, вы полагаете, - резко сказал он, - что один из обитателей этого дома украл стрелку с циферблата и по какой-то фантастической причине убил человека наверху. Несомненно, у вас есть основания так думать, даже если это звучит нелепо. Я хотел бы знать, сэр, кого из нас вы подозреваете?

На этот раз он взглянул на доктора Фелла, который разглядывал окурок своей сигары, опасно развалившись в мягком кресле. Неожиданный вызов не испугал Хэдли.

- Возможно, вы сможете объяснить мне лучше, - предложил он, наклоняясь вперед. - Насколько я понимаю, многие люди в этом доме имеют обыкновение посещать публичный дом на Портсмут-стрит?

Мягкость — но настороженная мягкость - снова овладела Карвером.

“О да. Я сам часто хожу с Боскомбом, а мисс Хэндрет иногда ходит с мистером Поулом, и теперь мне интересно, - сказал он, слегка нахмурившись, - откуда вы это узнали? Я тут подумал и вспомнил, что мужчина наверху предпринимал частые и зачастую болезненные попытки вовлечь всех нас в разговор”.

“И все же вам было трудно узнать его, когда вы увидели его мертвым наверху?” “да. Этот свет…

- Но вы его узнали? Да. Он был часовщиком, мистер Карвер, и представился вам как часовой мастер. Но вы не узнали его наверху или сказали, что не узнали, даже если это человек вашей профессии. Почему вам это не пришло в голову? Почему вы сказали “взломщик”, а не “часовщик”?

- Потому что, видите ли, он не был часовщиком, - мягко объяснил Карвер. Он наморщил лоб. - Хотя, казалось, были веские доказательства того, что он был взломщиком.

Выражение лица Хэдли почти не изменилось, но Мелсон знал, что ему попался один из самых сложных свидетелей в его карьере, и только начинал это осознавать.

“Я знаю, что он представился в этом качестве”, - продолжил Карвер, прочистив горло. - Но я не мог не понять, что это не так, с первых же слов, которые он произнес. Он указал на часы в пабе и назвал их “часами”. Каждый часовой мастер говорит “циферблат”. Это общепринятое слово, единственное слово, которое он употребляет. Затем он попросил у меня работы. У меня в кармане случайно оказались часы, которые я ремонтировал для своего клиента, хм, и я сказал: “Друг мой, ты увидишь, что мне нужно установить в них новую пружинку. “Это ценные часы, - сказал я, - так что не трогайте их, но скажите мне, как бы вы установили пружинку”. Он пробормотал какую-то чушь о том, что нужно вынуть основную пружину”.

Низкий, раскатистый смех Карвера эхом разнесся по прокуренной комнате. Впервые он проявил некоторый энтузиазм.

“Хорошо, - сказал я, - тогда скажите мне, как установить новый цилиндр и балансирное колесо? Да ладно, это достаточно просто”, - сказал я. “Но вы же этого не знаете. Вы, по сути, ни черта не смыслите в часах, не так ли? Затем: “Я сказал, пожалуйста, примите эти полкроны, идите в бар и не мешайте мне”.

Наступила тишина. Хэдли выругался себе под нос. Но Карвер еще не закончил.

“Нет”, - подтвердил он, покачав головой, - “он не был часовщиком. Хм, в то время, сэр, я подозревал, что он мог быть офицером полиции или частным детективом”.

«Понимаю. - Значит, у вас были какие-то основания полагать, - сказал Хэдли, - что офицер полиции может заинтересоваться вашими передвижениями?

- Всеми нашими передвижениями. Нет, нет, вовсе нет. Так точно, сэр! Но я заметил, что, когда Боском заговорил с хозяином о том, чтобы этот парень не выслеживал нас и не докучал нам (особенно потому, что он редко платил за выпивку), — короче говоря, чтобы он вообще не заходил, — парень остался. Карвер задумчиво потер щеку. - Я заметил, гм, что только кошки и полицейские могут оставаться в пабах, не платя за выпивку.

Мышцы на скулах Хэдли напряглись, но он по-прежнему сидел тихо.

- Мистер Боскомб, - сказал он, - хотел, чтобы этого человека вышвырнули из бара, хотя позже он предложил отдать ему костюм и не узнал его, когда увидел мертвым наверху?

- Это правда? - осведомился тот с вежливым интересом. — Ну… э —э… вам действительно нужно спросить Боскомба. Я не знаю.

- И поскольку вы так внимательно наблюдали за происходящим в пабах, вы, наверное, заметили, разговаривал ли кто-нибудь из вашей компании с этим человеком наедине?

Карвер задумался, выглядя слегка обеспокоенным. “Я совершенно уверен, что никто этого не делал. О! За возможным исключением мистера Пола. Но, с другой стороны, мистер Полл, по его словам, выпил бы с архиепископом, если бы под рукой не было никого другого”.

“Понятно. … А это ужасное преследование, которому вы подвергались, кто-нибудь прокомментировал?”

- С чувством. Я… э—э… по—моему, мисс Хэндрет сказала, что однажды он даст себя убить. Казалось, она была очень огорчена этим.

- Он беспокоил ее?

- Карвер бросил любопытный взгляд на старшего инспектора из-под тонких морщинистых век. - Нет. Мне кажется, он скорее избегал ее. Но с другой стороны… это едва ли допустимо…”

“Миссис Стеффинс или мисс Карвер когда-нибудь посещали “герцогиню Портсмутскую”?” “Никогда”.

“Мы подходим к сегодняшнему вечеру. Я думаю, вы сказали доктору Феллу, что заперли и заперли на цепочку входную дверь в десять часов. Затем вы поднялись наверх…

Карвер заерзал. “Я знаю, инспектор — это инспектор?— Я знаю, что полиция требует от людей болезненной точности. Я не сразу поднялся наверх; гул, как от взрыва, знаете ли. Сначала я зашел в свой демонстрационный зал, - он кивнул налево, в сторону передней комнаты, выходящей окнами на улицу, - чтобы проверить, включена ли сигнализация. Затем я зашел сюда, чтобы убедиться, что на моем настенном сейфе установлена сигнализация. Наконец, я зашел в комнату Миллисент, - он кивнул в сторону правой стены, - пожелать ей спокойной ночи. Она была занята росписью фарфора и сказала, что у нее разболелась голова и она собирается немедленно лечь спать; на самом деле, как я и сказал доктору Феллу, она попросила меня запереть дверь….”

“Продолжайте”.

- Я поехала в Боскомб, чтобы кое-что почитать. У нас общие увлечения, и … ах! Это могло бы вас заинтересовать. Доктор Фелл. Я позаимствовал его “Письма о русском джентльмене в испанской инквизиции”, книгу Леместра. Я изучал “Историю испанского народа” Пелайо, но мой испанский оставляет желать лучшего, и я предпочитаю “Леа”.

Мелсон едва не присвистнул. Теперь у него это было - неуловимый факт, который мог бы объяснить странные рисунки на кожаной ширме Боскомба и медной шкатулке на столе. Хобби

этого загадочного мистера Боскомба была испанская инквизиция. Мелсон взглянул на доктора Фелла, который открыл глаза и издал хриплый вздох, как будто его разбудили ото сна.

- Он быстро от вас отделался, не так ли? - поинтересовался доктор Фелл.

- Я пробыл там недолго, нет. Затем, инспектор, я пошел в свою комнату в передней части здания, почитал около часа и заснул. Это все, что я знал до того момента, как Элеонор разбудила меня".

"Вы в этом уверены?" - спросил Хэдли.

"конечно. Почему бы и нет?

- Когда вы зашли в палату мистера Боскомба, вы сказали доктору Феллу, что мистер Питер Стэнли еще не пришел… Мы не ставим под сомнение вашу наблюдательность, - сказал Хэдли, не отрывая взгляда от лица Карвера, - но только ваше заявление.

— Я… я определенно его не видела.

"нет. На самом деле, вы определенно заявили, что он пришел позже. Вы сказали, что он позвонил в колокольчик Боскомба, и Боскомб спустился, чтобы впустить его. На этой двери сложный замок и цепочка, которая создает много шума. Это ваше объяснение того, как дверь оказалась случайно открытой, чтобы "взломщик" смог проникнуть внутрь. Я полагаю, вы спите с открытым окном? Вон за той дверью, разве ты не слышал, как кого-то впустили?

Карвер уставился мимо него на стеклянные витрины, потирая щеку.

- Я это сделал, - внезапно сказал он. - Подумать только, ей-богу! Я это сделал! Гораздо позже, когда я уже задремал, мне показалось, что я услышал, как кто-то возится у двери. Возможно, около половины двенадцатого.

Он казался взволнованным, но в то же время озадаченным. Хэдли внимательно наблюдал за ним.

"Значит, за полчаса до того, как было совершено убийство? Да. Вы слышали голоса, шаги, как открылась и закрылась дверь?"

“Ну… нет. Я, знаете ли, был в полудреме. Могу поклясться только, что дверь была открыта, потому что медная прорезь, в которую входит ручка цепочки, погнута. Он издает какой-то скрежет, если с ним не обращаться осторожно. Вот что я помню. Я слышал его в определенные вечера, когда люди поздно возвращались домой”.

“И это вас не удивило, хотя вы знали, что все в доме были дома, когда вы запирали дверь?”

У Мелсона возникло ощущение, что нервы Карвера на пределе, несмотря на его напускную непринужденность. Возможно, Хэдли тоже так подумал.

- Мистера Поула не было дома, - ответил Карвер после некоторого колебания. - Он провел несколько дней со своим дядей, сэром Эдвином, за городом. Сэр Эдвин заказал циферблат, который был… да. Я подумал, что Кристофер может неожиданно вернуться. Я хотел сказать ему, что мне потребуется еще несколько дней, чтобы заменить стрелки. В остальном они не были повреждены, за исключением того, что штифт и шайбы, которые, как вы видите, удерживают стрелки на шпинделе, также были украдены.

Хэдли наклонилась вперед.

“Теперь мы переходим к этим часам, а также к кое-чему еще, что было украдено у вас. Вы закончили и покрасили часы вчера…”

“Нет, нет. Я закончил и протестировал их два дня назад. Это сделано в интересах строжайшей точности. Возникли некоторые проблемы, хотя это был обычный короткий маятниковый ход, ничего сложного. Позавчера я нанес водонепроницаемую эмаль… Нет, нет, - объяснил он довольно раздраженно, когда взгляд Хэдли упал на минутную стрелку, - не позолоту. Эмаль, которая защитит уличные часы от ржавчины в любую погоду. Чтобы оно быстрее высохло, два дня назад я повесил его в кладовке на холодном воздухе. Я не думал, что какой-нибудь вор унесет механизм весом более восьмидесяти фунтов. В этом открытом месте, где до него мог добраться кто угодно, никто к нему не прикасался…

Мелсон услышал, как доктор Фелл приглушенно вскрикнул.

“…а вчера вечером я нанес позолоту. Я прикатила его сюда, поставила вон в тот шкаф и накрыла одним из самых больших

стеклянных шкафчиков, чтобы свежая позолота не покрывала пыль. И я всегда запираю дверь этой комнаты в дополнение к охранной сигнализации на сейфе. В ту ночь, когда дверь была заперта, а ключ остался у меня наверху, кто-то вскрыл замок этой двери и убрал руки. Инспектор, это фантастика! Хотите, я вам покажу?"

На лице Хэдли появилось несколько дикое выражение. Но он махнул рукой, когда Карвер начал подниматься.

"Минуточку. Кто знал, что часы были здесь вчера вечером?" "Все".

"Было ли трудно снять стрелки? Я имею в виду, для неквалифицированного человека?"

- Вовсе нет. В данном случае все предельно просто. Я сделал на штифте углубление, чтобы его можно было извлечь тяжелой отверткой. Правда, может потребоваться некоторое время и маневрирование, чтобы убрать обе руки с веретена, но… - Карвер пожал широкими плечами и устало махнул рукой. Теперь он выглядел слабым и обеспокоенным.

"Тогда есть еще один вопрос, который я хочу задать вам на данный момент. Но это важно. Очень важно", - настаивал Хэдли с учтивостью, которая привлекла внимание

Рассеянное внимание Карвера, - что если вы не ответите мне откровенно, это может быть чертовски опасно для вас. - Он подождал. - Я скажу это абсолютно определенно. Я хочу знать, где вы и все остальные члены этого семейства, особенно дамы, находились в определенный день и в определенное время. Вторник, двадцать седьмое августа, между половиной шестого и шестью часами пополудни.

Карвер выглядел искренне озадаченным. Помолчав, он сказал:

“Я бы хотел вам помочь. Но, честно говоря, я не знаю. Вторник — я не могу уследить за датами. Я не знаю. Как я могу определить конкретный день, я имею в виду, чтобы точно определить его?”

- Этот день вы запомните, - невозмутимо сказал Хэдли, - даже если забудете все остальные дни в календаре. Это был день, когда из витрины магазина “Гэмридж” на Оксфорд-стрит были украдены принадлежащие вам ценные часы. Ты ведь не забыл об этом, не так ли?

“я не знаю. Я все еще не знаю, - повторил Карвер после довольно продолжительного молчания. - Но теперь я понимаю немного лучше. Этот человек был офицером полиции. Вы полагаете, что его убил тот же человек, что и того беднягу в универмаге. Он говорил глухим голосом, похожим на транс, и его руки сжали подлокотники кресла. - И вы думаете, что это была женщина. Вы сумасшедший!

Хэдли сделал многозначительный жест Мелсону; жест, которым поворачивают ручку двери и оставляют ее приоткрытой на дюйм, призывая к тишине. Стоя спиной к двери, Мелсон почувствовал, как сильно забилось его сердце, когда он осторожно приоткрыл ее. У него было ощущение, что весь дом ждет и прислушивается.

Затем Хэдли заговорил. Его слова были отчетливо слышны в ночной тишине.

“Кто-то в этом доме, - объявил он, - обвинил кого-то в убийстве. Благодаря последнему отчету инспектора Эймса, доставленному в Скотленд-Ярд сегодня вечером, мы знаем имя обвинителя. Если этот человек захочет повторить нам это обвинение сейчас, что ж, очень хорошо. Но это все, что я могу вам обещать, мистер Карвер. В противном случае мы должны арестовать этого обвинителя за

соучастие в совершении преступления и сокрытие важных улик, что влечет за собой смертную казнь.

Он быстро махнул Мелсону, дверь закрылась, и Хэдли вернулся к своему обычному тону.

“Если вы вдруг вспомните, как ваши домочадцы провели эти полчаса, мистер Карвер, я дам вам вечер на размышление”, - сказал он. “Это все, спасибо”.

Карвер поднялся. Когда он вышел из комнаты, его шаги были неуверенными, и он предпринял несколько попыток, прежде чем захлопнул дверь на задвижку. Мелсон почувствовал, что дом зашевелился; что громкие слова все еще звучали и принесли с собой ужас. В тишине, полной подозрений, доктор Фелл бросил окурок своей погасшей сигары в камин.

“Разумно ли это было, Хэдли?”

“Я бросил бомбу. Черт возьми, я должен был это сделать!” - возразил Хэдли. Он начал расхаживать по комнате. - Разве вы не понимаете, что это единственный способ использовать наше преимущество? Было бы очень хорошо, если бы я мог скрыть тот факт, что Эймс является офицером полиции, — тогда это был бы козырь в рукаве. Но я не могу. Это должно проясниться завтра. Даже если это не выяснится завтра, послезавтра должно состояться публичное расследование. Они все узнают, почему Эймс был здесь… И прежде чем они поймут, что мы не знаем, кто из них обвинил женщину в том, что она ударила ножом продавщицу, мы должны напугать обвинителя, чтобы он заговорил. Почему он — или она — не должны говорить? Он обвинил кого-то в убийстве перед Эймсом. Почему не передо мной?”

“Я не знаю”, - признался доктор Фелл, взъерошивая свою густую шевелюру. “Это еще одна моя проблема. Но я почему—то не думаю, что он — или она - согласится”.

“Вы же не сомневаетесь в этом отчете, не так ли?”

- О нет. Меня беспокоит чрезмерная осторожность со стороны обвинителя. Возможно, он захочет подкрасться незаметно и высказать свое обвинение конфиденциально. Но теперь, когда вы выступили с публичным обращением, и все знают, что вы подняли шумиху….”

Хэдли мрачно кивнул. “Шумиха, - подчеркнул он, - это то, чего мы хотим. Если кто-то в доме видел что-то подозрительное, мы об этом узнаем. И если мои слова не внушат страху Божьему тому, кто выдвинул это обвинение, я не разбираюсь в человеческой натуре. Ему придется проявить железную осторожность, чтобы промолчать сейчас. Фелл, я готов поспорить, что в течение пяти минут кто-нибудь постучит в эту дверь с информацией для нас…. А пока, что вы думаете о том, что сказал Карвер?

Доктор Фелл задумчиво постучал тростью по краю стола.

- Две вещи, - проворчал он. - Одну я не понял, а другую понял. Кстати, как сказал Карвер, никто не потрудился снять стрелки с этих часов, когда они стояли на открытом месте, где любой мог без труда до них добраться. Вор ждал, пока его запрут, и, что хуже всего, пока его не покрасят. Если он намеревался использовать его для убийства, зачем подвергать себя ненужному риску и пачкать перчатки и одежду масляным лаком, разбавленным скипидаром, для удаления которого понадобится бензин? Если, что-ли … если только …”

Он прочистил горло с грохочущий шум. “Хар-rumph. Наводит на размышления, да?” сказал он, и косился круглые Хэдли. “Но этот смысл я понимаю. В половине двенадцатого Карвер услышал, как дернули цепочку на входной двери. Сначала он сказал, что подумал, что это, возможно, неожиданно вернулся этот парень, Пол. Позже, когда он услышал о присутствии Стэнли в доме, он подумал, что это, должно быть, Боском впустил Стэнли. Боском подтвердил это…” - “И солгал?”

“И солгал, - согласился доктор Фелл, - если вы посмотрите на это так, как я”.

Тяжело дыша, он снова достал портсигар. Мелсон переводил взгляд с одного из них на другого.

- Но почему? спросил он, впервые обретя дар речи.

- Потому что совершенно очевидно, что Стэнли уже был в доме, - сказал старший инспектор. - Боюсь, Фелл прав. Предположение о кожаной ширме в комнате Босса Комба вполне логично. Как обстояли дела? На столе за ширмой стояла газовая плита, и кто-то только что разбил бутылку молока и перевернул банку кофе. Это был не Боскомб. Его чистоплотная душа вызвала у него желание прибраться, как только Фелл заговорил об этом. Да,

Стэнли прятался за ширмой…. Они курили и пили, но все пепельницы были вытерты, а стаканы вымыты, чтобы создать впечатление, что в комнате находился только один человек, Боском".

"Просто чтобы обмануть Карвера?"

"Не только для того, чтобы обмануть Карвера", - сказал доктор Фелл. "Чтобы обмануть…"

Раздался стук в дверь.

"Могу я войти?" - спросил женский голос. "Я должна сказать вам кое-что важное".

8

Вид из окна в крыше

Люсия Хандрет.

Сам не зная почему, Мелсон испытал шок, увидев ее. Хэдли предсказывал, что через пять минут на его метание бомбы будет дан ответ. Стоя у стола с натянутой улыбкой под подстриженными усами, Хэдли с кажущейся небрежностью достал свои часы и продемонстрировал их остальным. Мелсон заметил, что стрелки показывали пять минут третьего. Затем он оглянулся на женщину, которая стояла, взявшись за дверную ручку.

Теперь на ней были серая юбка и жакет, сшитые на заказ, руки засунуты в карманы. Ее густые черные волосы были уложены кольцами вокруг головы; на свету они отливали ярким блеском и контрастировали с белым лицом. Приятное лицо, не то чтобы красивое, но полное тех порывов, симпатии и страстей, которые она, казалось, пыталась подавить, поджимая свои широкие насмешливые губы и притупляя взгляд карих глаз, устремленных на Хэдли.

- Входите, мисс Хэндрет, - сказал старший инспектор. - Мы ждали вас.

Эта его обходительность, казалось, поразила ее. Ее пальцы поднялись и опустились на ручку двери, которая все еще была приоткрыта.

- Ждали меня? Значит, вы немного умеете читать мысли. Я—я

пытался решить, стоит ли приходить. Я знаю, что рискую, но, неужели ты не понимаешь, я должен объяснить кое-что, чего он тебе никогда не скажет, а если ты этого не услышишь, то никогда не поймешь. По закону у вас было бы право… И он настаивает на встрече с вами. - Ее ладонь застучала вверх-вниз по дверной ручке. - Это по поводу смерти того человека, Эймса.

Хэдли искоса взглянула на доктора Фелла.

- Значит, вы знали, что это инспектор Эймс, - заявил он.

- Я знала это, - устало ответила она, - с тех пор, как он начал околачиваться в пабе. Мне было всего тринадцать, когда я увидела его впервые, но вряд ли я смогла бы забыть. О, нет! Он не сильно изменился, за исключением того, что у него выпало несколько зубов и он не брился. Она вздрогнула. — Я думаю, он тоже что-то почувствовал, хотя, конечно, он бы меня не узнал. В любом случае, он старался держаться от меня подальше.

- И вы знаете, кто его убил.

- Боже мой, нет! Именно это я и хотел вам сказать… Я знаю только, кто его не убивал. Хотя я бы хотел, чтобы они убили его, и тогда мы могли бы избавиться от всего этого. Тем не менее, поскольку Дон — мой первый клиент, — внезапно на ее лице промелькнула суровая улыбка, - я, возможно, смогу возбудить в его отношении дело. …" Она вошла в дом, распахнула дверь и заговорила снаружи. - Входите, мистер Боскомб. Это вас заинтересует".

— Что за чертовщина?! - воскликнула озадаченная Хэдли.

- Это достаточно забавно, - сказала девушка, - и достаточно низко, и подло, чтобы стать достойным концом для Эймса. В этом есть какая-то неприятная простота. Присутствующий здесь мистер Боскомб и этот человек, Стэнли, намеревались убить Эймса. По крайней мере, Кэлвин Боскомб должен был убить его на глазах у Стэнли.— Дон Хастингс видел все это через стеклянную крышу. Они намеревались быть… о, такими хладнокровными, беспристрастными и научными, и заявить в полицию о таких неумехах, когда было совершено идеальное убийство! У них все было готово. Только кто-то их опередил. И когда это произошло, два идеальных убийцы чуть не упали в обморок от страха и до сих пор не в состоянии говорить здраво".

Она отошла от двери, и они увидели Боскомба.

Он наклонился вперед у двери, удерживаемый рукой сержанта Беттса, и на его лице появилось хитрое и глуповатое выражение, когда он попытался заглянуть в комнату. Это была странная маленькая сценка: Боском с его мышиного цвета волосами, острым лицом и темно-серым халатом на фоне белой обшивки, золотая цепочка от пенсне свисала с одного уха, когда он пытался протиснуться в комнату мимо Беттс. Сержант рывком усадил его на корточки. Затем, по знаку Хэдли, он подтолкнул его вперед, и Боском, сохраняя невозмутимый вид, тихо вошел в комнату.

- Должен ли я понимать, - отрывисто произнес он и встряхнулся, чтобы привести в порядок одежду, - что тот человек наверху был офицером полиции?

“Разве вы не знали об этом?” - спросил Хэдли с вкрадчивым спокойствием. “Вы предложили ему костюм, знаете ли. Да, он был офицером полиции”.

“Боже милостивый!” - воскликнул Боском. Он отвернулся и принялся вытирать капельки пота с верхней губы.

- И я уверена, старина, - сказала мисс Хэндрет, изучая его с отстраненным интересом, - что вы и

Стэнли бы пошел на это, если бы все прошло так, как вы планировали. Идеальное убийство.

…”

Она повернулась к Хэдли. Поток слов вызвал румянец на ее щеках. “Вот что я имел в виду, говоря о забавной части этого дела; вот почему план должен был сработать”, - говорит Дон. Боскомб не знал, что Эймс был полицейским. А Стэнли не знал, кто должен был стать жертвой”. Она рассмеялась, скрестив руки на груди, и ее лицо внезапно озарилось странной красотой. — И ты проповедовал хладнокровие этому нервному оборванцу наверху, а он пил бренди, и твоя рука дрожала так, что ты с трудом удерживал пистолет!..

Боскомб был слегка ошеломлен, как будто обнаружил, что его неожиданно окружили враги. Он беспомощно обернулся.

“Я не ожидал, - сказал он, - от

ты,

Лючия… я… ты не понимаешь! Я всего лишь хотел напугать этого хвастуна-переростка всеми его разговорами о собственной наглости.

…”

- Не лги. Дон, - парировала она, - следил за каждым твоим движением через окно в крыше, и ему здорово повезло, что он это сделал. Он узнал об этой идее месяц назад, когда ты впервые заговорил со Стэнли о “психологии убийства” и “реакциях человеческого мозга, когда его владелец оказывается лицом к лицу со смертью”, и обо всей остальной ядовитой чепухе

…

чтобы доказать, какой ты супермен.

…”

Хэдли стукнула кулаком по столу. Люсия Хандрет, тяжело дыша, попятилась, и Хэдли обвела взглядом собравшихся.

“Я

будет

имей в этом хоть какой-то смысл! - с усилием произнес Хэдли. - А теперь, - добавил он, помолчав, и в голосе его прозвучала неуверенная непринужденность, - предположим, мы попытаемся внести ясность. Вы, мисс Хэндрет, обвиняете этого человека и старого Пита Стэнли в заговоре с целью убийства.

Вы говорите, что этот Гастингс не только был на крыше и следил за ней, но и знал об этом заранее?

“да. Не то, кто должен был стать жертвой — они и сами этого не знали. Но, вероятно, у них была бы возможность это выяснить.”

Хэдли снова села и с любопытством посмотрела на нее.

- Это что-то новое в моем опыте. Боже мой! Я тоже думала, что знаю все уловки! Гастингс была на той крыше, видела подготовку к убийству и не предприняла ни малейшей попытки предотвратить его?

“Он этого не делал”, - ответила она очень ясным голосом. “И он никогда бы этого не сделал. Именно это я и хотела тебе

объяснить. Видишь ли—”

Голос из-за полуоткрытой двери произнес::

“Позволь мне объяснить это самой.

“Я хочу сделать заявление, - продолжал голос, - и я хочу сделать это до того, как снова потеряю дар речи. Помогите мне, друзья мои”.

Он вошел, пошатываясь, с некоторым удивлением наблюдая за тем, как передвигаются его ноги. Это был худощавый молодой человек с мощными плечами, крупными руками и ногами и красивым, но несколько рассеянным лицом, на котором обычно застыло выражение убийственной серьезности. Теперь, чтобы скрыть смущенный вид, он попытался небрежно улыбнуться с видом светского человека. Элинор Карвер стояла по одну сторону от него, а Беттс - по другую.

“Но ты

не должен был!

“

она отчаянно протестовала, даже когда помогала ему. “Этот доктор сказал…”

“Сейчас, сейчас”, - сказал он по-отечески. Его взгляд, когда он оглядел группу, был приветливым, но затуманенным. Ссадины на его лице были коричневыми от йода, а на затылке виднелась полоска бинтов. Они усадили его в кресло, и он со стоном облегчения откинулся на спинку, а цвет его лица стал менее сероватым.

- Послушайте, - серьезно сказал он. - Дело уже в самом разгаре, и, боюсь, я испортил все дело, свалившись себе на голову; но я хочу, чтобы вы поняли одну вещь. Хотите верьте, хотите нет, но я не свалился с того дерева, потому что у меня был

порыв ветра или что-то в этом роде! Я

я мог подниматься или спускаться туда с завязанными глазами и одной рукой. Я не знаю, как это произошло. Я спешил спуститься и обогнуть дом, направляясь к входной двери, и каким-то образом —

бац!..

“

Хэдли повернулся на стуле, чтобы получше рассмотреть вошедшего.

- Если вы чувствуете себя достаточно хорошо, чтобы прийти сюда, - сказал он, - то, вероятно, вы чувствуете себя достаточно хорошо, чтобы поговорить. Я старший инспектор Хэдли, я здесь главный. И вы тот самый молодой человек, который видит, что вот-вот совершится убийство, и ничего не говорит?”

- Да, - спокойно ответил Гастингс, - в данном случае так и есть.

Но это было суровое спокойствие, резкая перемена в поведении молодого человека, словно вызванная какой-то манией, от которой кровь чуть не хлынула снова. Он достал носовой платок, запрокинул голову и с силой прижал его к верхней губе. Когда все было под контролем, он сказал дрожащим голосом::

- Это было почти то же самое. Тете Милли это бы не понравилось. Извините.— Я готов к разговору, сэр. Но я хочу, чтобы вы ушли, Элинор, и ты тоже, Лючия. Мистеру Боскомбу лучше остаться.

- Я не пойду! - Воскликнула Элинор и вскочила с того места, где сидела рядом с его креслом. Ее бледно-голубые глаза наполнились слезами, а прелестное личико окаменело. Она перевела взгляд с Люсии на Гастингса. - Ты д-дура, - добавила она, как будто не могла сдержать своих слов. “Я думаю, ты мог бы сказать мне; я думаю, ты мог бы прийти ко мне, или сделать что-то, или сказать что-то, а не к

ней”

- О, прекрати, - резко оборвала ее Лючия. - Иди, занимайся своими делами и не вмешивай семейную ссору в дело об убийстве.

- Пока ты остаешься? - спросила Элинор и рассмеялась.

Лючия сказала,

- Я

так случилось, что я являюсь его юридическим советником… — и

резко замолчал, покраснев, потому что Элинор снова рассмеялась. Мелсон подумал, что эти слова, несомненно, прозвучали глупо в то время, какими бы правильными они ни были. Он вновь убедился в том, что женщины-юристы производили впечатление только до окончания юридической школы. Люсия Хандрет, возможно, и была блистательной, и выглядела она, безусловно, способной; но в этой конкретной драке вы думали только о симпатичной брюнетке, которую разозлила женская насмешка. Хэдли придерживалась еще более короткого взгляда на ситуацию.

- Я не предлагаю, - сказал он, - превращать это место в детскую или игровую площадку. Пожалуйста, уходите, мисс Карвер. Если мисс Хэндрет настаивает на своих законных правах, я полагаю, она должна остаться. Его голос стал резким, когда он увидел, что Боском тихонько подошел и взял Элинор за руку.

“Ты такой

не уходишь, друг мой? Тебя это совсем не интересует?

- Нет, - холодно ответил Боском. - Я позабочусь о соблюдении прав мисс Карвер. Я провожу ее, как и положено другому сотруднику детской, и скоро вернусь. И меня не интересуют показания полицейских, которые подслушивают под окнами в крыше. Сюда, Элинор. Сейчас, сейчас! Вы что, не знаете, кто я? Осторожно!..”

Когда после их ухода воцарилась тишина, вызванная громкими смешками доктора Фелла, Гастингс откинулся на спинку стула.

- Мне часто хотелось, - сказал он с некоторой тоской, - врезать этому мерзавцу в челюсть, но это было бы слишком похоже на детоубийство. Так он называет меня наркоманом, не так ли? - снова вспылил Гастингс. - У меня не было никакой особой неприязни к

его,

и я собирался легко его разочаровать, но если этот ядовитый маленький…

- Что мне нравится в этом доме, - заметил доктор Фелл с сонным восхищением, - так это дух любви, доверия и здорового веселья, который царит во всех. Ах, эти настоящие радости английской семейной жизни! Продолжай свой рассказ, мой мальчик.

— …и у меня есть чертовски хорошая идея, что он пытался лапать Элинор… - задумчиво продолжил Гастингс. Он замолчал. После паузы он улыбнулся доктору Феллу, как это делало большинство людей в присутствии последнего. - Вы правы, сэр.

— Труднее всего объяснить первую часть, - неуверенно продолжил он. - Видите ли, я читаю в кабинете старого Пушистика Паркера здесь, в Линкольнс-Инн. Считается, что я неплохо умею задирать нос, и все говорили, что из меня должен получиться первоклассный адвокат, но это не так-то просто. Похоже, тебе придется выучить чертовски много всякой чепухи. Я начинаю думать, что вместо этого мне следовало пойти в церковь. Как бы то ни было, я, кажется, не очень-то продвигаюсь вперед; и после того, как я заплатил взносы и сто гиней Пушистика в придачу, осталось совсем немного. Я говорю тебе это, потому что тогда, когда я познакомился с Элеонор, и—вы видите—ну, короче”— его шея заныла—“иногда мы начали видеть друг друга на крыше. Конечно, никто не знал о

это…”

- Чушь собачья! - вмешалась Люсия с прямотой судьи. - Должно быть, почти все в доме знали об этом, за исключением, может быть, бабушки Стеффинс. Крис Полл и я оба знали об этом. Мы знали, что ты там, наверху, читаешь стихи…

Испачканное йодом лицо Гастингса стало бледно-розовым. “Я не читал стихов! Ты, маленькая чертовка, не лги мне об этом! О Боже милостивый! Лучше бы я никогда этого не делал.

…”

- Я просто пыталась проявить милосердие, старина, - сообщила она ему, слегка фыркнув. - Хорошо, если тебе так нравится. Тогда делай то, что ты делал, хотя, как мне кажется, это было довольно неудобное место. Она скрестила руки на груди. Несмотря на бледность и нервозность, ее полные губы тронула слабая улыбка. - И не нужно быть таким противным. Крис Полл захотелось подняться, просунуть голову в люк, пару раз застонать и сказать: “Это твоя Совесть. Разве это не так

пристыженный

о себе?” Но я помешал ему.”

Как ни странно, это, казалось, не вызвало в нем гнева. Он

уставился на нее.

“Послушайте, - сказал он тихим голосом, - вы хотите сказать, что это Полл был на той крыше?”

Хэдли, которая терпеливо ждала, наклонилась вперед. В словах Гастингса была какая-то неопределенная нотка, похожая на ужас. Это не было похоже на отголосок шутки; это вызвало в воображении видение темных дымоходов над городом и чего-то, движущегося там с мягкой, смертоносной целеустремленностью.

“У вас было достаточно свободы действий”, - резко сказал Хэдли. Его слова эхом разнеслись по белой комнате. “Объясните, что вы имеете в виду”.

“Время от времени мне казалось, что я слышу, как он ходит, - сказал Гастингс, - или мне казалось, что я вижу, как он выскальзывает из-за угла дымохода. Я предположил, что это кто-то шпионит за нами, но, видите ли, ничего не происходило; поэтому, естественно, я подумал, что, должно быть, ошибся. И я не сказал об этом Элеоноре. Не стоило ее пугать.

“Видите ли, наше первое правило состояло в том, что я должен был отнести свои книги наверх, а Элеонора должна была помогать мне в учебе. Не улыбайтесь!” Он обвел взглядом собравшихся. - Это правда, а почему бы и нет? Там, наверху, есть ровное пространство, окруженное дымоходами. У Элинор было несколько подушек и фонарь, которые она хранила в сундуке на маленьком чердаке, прямо перед тем, как подняться на крышу; а из-за дымоходов свет нигде не был виден… Иногда, когда горел свет, мне казалось, что я слышу, как что-то скребется и шуршит; а однажды что-то, что я принял за дымовую трубу, внезапно сдвинулось в сторону, так что я смог увидеть звездный свет сквозь щели в домах. Там, наверху, ночью, в тишине, когда ты словно отрезан от всего нормального в мире, у тебя возникают безумные фантазии и ощущение, что кто-то наблюдает за тобой, даже когда рядом никого нет. Так что я никогда ничего по—настоящему не видел - до сегодняшнего вечера.

Он неуверенно замолчал. Красивое лицо, вымазанное йодом, словно для дикого маскарада, выглядело тусклым и слабым. Он оглянулся через плечо, поднял забинтованную руку, чтобы поправить галстук среди обломков своей маскарадной одежды, поморщился, как будто ему было больно, и снова опустил ее.

- Так вот… насчет этого слухового окна. Я вообще обратил на него внимание или подумал о том, чтобы там пошалить, только потому, что обычно в четверть первого я встречался с Элинор. Дом запирали в половине двенадцатого, и это давало всем время приготовиться ко сну. Но я всегда приходил раньше. На полчаса раньше. Черт возьми! - он заерзал. - Ты же знаешь, как это бывает. Так что я осторожно пробирался по дому; я всегда носил теннисные туфли. Я заметил, что с одной стороны в потолке есть окошко

…”

- Минуточку. Когда это было? - прервала его Хэдли, не отрываясь от карандаша.

- По крайней мере, полтора месяца назад. В теплую погоду, когда большая часть мансардного окна была поднята. Из этой комнаты почти ничего не слышно, если только не приложить к ней ухо вплотную. А когда в Боскомбе полностью задернуты шторы, вообще ничего не слышно. Но в ту ночь я перелез через дымоход и прополз по нему, потому что что-то услышал. Кто бы еще ни знал, что я был на крыше в любое время, я совершенно уверен

они

никогда этого не делал. И когда

Я

услышал эти первые слова

…”

Он с трудом сглотнул. Боскомб сказал — и я никогда этого не забуду, — он сказал: “Вопрос, на мой взгляд, заключается только в том, хватит ли у тебя смелости наблюдать за убийством, Стэнли. В остальном все просто. Тебя завораживает убивать. Тебе это нравится”. Тогда он смеялся. “Вот почему ты застрелил этого беднягу банкира, потому что думал, что сможешь сделать это безопасно”.

Наступило долгое молчание. Здоровой рукой Гастингс порылся в кармане и достал портсигар, словно для того, чтобы не упасть.

- Это, - продолжал он тихо, но более быстро, - были первые слова, которые я услышал. Я вытянулся и посмотрел вниз через

незакрытую часть стекла. Я разглядел спинку большого синего кресла, повернутого лицом к двери, где оно обычно и стоит, и часть чьей-то головы, выглядывающую из-за спинки. Боском расхаживал взад-вперед перед креслом, покуривая сигару и держа в руках раскрытую книгу. Абажур лампы был наклонен, и я мог отчетливо видеть его лицо. Он продолжал расхаживать взад-вперед, взад-вперед, пока говорил, с этой своей легкой ухмылкой, не сводя глаз с человека в кресле….

- Странное дело, - внезапно сказал Гастингс. - На нем были маленькие очки, и свет отражался от них, так что я не мог разглядеть его лицо целиком. Но когда я был ребенком, у меня была тетя, которая выступала против вивисекции, и у нее было много плакатов, которые она расклеивала в самых неожиданных местах. На одном из плакатов был изображен врач — во всяком случае, именно это мне напомнило выражение лица Боскомба, и он улыбался.

“Я слушал все эти ядовитые речи, которые он произносил. Он собирался кого-то убить, но не по какой-то веской причине, не потому, что ненавидел кого-то, а чтобы “понаблюдать за реакцией” жертвы, когда он загонит ее в угол, поиграет у нее на нервах и скажет, чтобы она приготовилась к смерти. Или еще что-нибудь в этом роде… . Он хотел, чтобы Стэнли присоединился к нему. Стэнли не понравилась эта идея? Да, конечно, ему понравилась. И разве Стэнли не хотел ударить в грязь лицом перед бедной глупой полицией за то, что она вышвырнула его вон, совершив идеальное убийство или просто оказав содействие в нем?

Он

“я бы спланировал все детали”, - сказал Боскомб. Его интересовала только реакция Стэнли, когда он снова столкнется с пугалом, которое, в первую очередь, разрушило его карьеру.

“Я

мог видеть только одну сторону стула, и часть лица парня была повернута в сторону. Но больше всего я видел его руку на подлокотнике кресла. Когда Боском заговорил о том, что нужно дать полицейскому в глаз, рука начала сжиматься и разжиматься. Затем она сжалась в кулак, приобрела странный синеватый оттенок и снова начала разжиматься. А Боском продолжал расхаживать взад-вперед в своем длинном одеянии мимо

забавного черно-желтого экрана, на котором были нарисованы языки пламени и бесенята, и он скалил зубы.”

Мелсон снова испытал то тупое, жутковатое ощущение, которое возникало у него всякий раз, когда он думал о ширме, раскрашенной в стиле

санбенито,

одеяния, которое носили страдальцы

аутодафе

по пути к месту сожжения. В белой комнате виднелись живые фигуры, ни один человек не двигался, и Люсия Хандрет тихо сказала:

“Кажется, хобби дорогого мистера Боскомба - испанская инквизиция”.

“Да, - сказал доктор Фелл, - но мне было интересно. Если вы, люди, все еще придерживаетесь распространенного мнения, что испанская инквизиция была всего лишь проявлением бессмысленной жестокости, то вы знаете о ней так же мало, как Боскомб. Не обращайте на это внимания. Продолжайте, молодой человек.”

Гастингс неуверенно сунул сигарету в рот, и Люсия чиркнула по нему спичкой.

- Ну, я отполз в другое место. Я нервничал, признаю это. Из-за всего этого я немного испугался крыши и того, кто мог по ней ходить. Конечно, я не думал, что они действительно это имели в виду. Когда Элеонор подошла, я не сказал ей, но она заметила, что я нервничаю, и я спросил ее, кто такой Стэнли.

….

Я вспомнил, что Боском сказал: “Это должно быть в четверг вечером”.

“Это запало мне в душу; это заставляло меня думать и озадачивать — да, и наполовину

надеясь;

Я признаю это

…

."

- Надеетесь? вмешался доктор Фелл.

- Подождите, сэр, - резко сказал Гастингс, - подождите немного. Моя работа пошла ко всем чертям; в другие вечера я отправлялся в "Скайлайт", но никогда ни слова об этом не говорил, даже в те пару вечеров, когда там был Стэнли. Я не буду говорить

Я

забыл об этом, но тяжелые мысли перестали мучить меня, и мысль о том, что "Это должен быть четверг", перестала крутиться у меня в голове.

"До сегодняшнего вечера. Самой неотступной мыслью, которая преследовала меня, как маленький дьяволенок, было::

Как они собираются выйти сухими из воды? Как они собираются совершить это идеальное убийство и не быть повешенными?"

Но даже эта мысль исчезла до сегодняшнего вечера.

- Я забрался на клен ровно без четверти двенадцать. Я помню это, потому что звонок в холле пробил четверть первого. И у меня не было никаких книг; все, что у меня было, как вы увидите, как ни странно, - это газета, засунутая в карман. Это дерево — вы заметили его?— растет за одним из окон Боскомба. Для меня это никогда не составляло труда, потому что окна всегда были закрыты и занавешены плотными черными шторами. Но сегодня вечером я заметил странную вещь. На небе светила луна, и я увидел, что в окне рядом с деревом разбито одно из стекол и оно не совсем закрыто.

"Забавно, как работает мозг. Я не обратила внимания на это стекло, только подумала, что мне нужно вести себя тихо на случай, если Боскомб услышит шум. Но когда

Я

когда я взобрался на водосточный желоб крыши, мне пришло в голову заглянуть в мансардное окно Боскомба.

Я подождал, пока восстановится дыхание, и подполз поближе.

Мне приходилось пригибаться в открытых местах, потому что светил яркий лунный свет и

Я

не хотел, чтобы меня видели из другого дома. Затем я услышал что-то, очень тихое и похожее на шепот, доносившееся из комнаты. Мне вдруг стало холодно, и меня чуть не стошнило в животе, а руки затряслись так, что

Я

чуть не ударился головой об острый край стекла. Боском сказал: “Мы сделаем это всего за пятнадцать минут или никогда. Теперь уже слишком поздно отступать”.

“Меня так трясло, что

Я

пришлось вытянуться во весь рост на верхнем скате крыши. Видите ли, мое пальто подхватили под мышки и скрутили так, что проклятая газета вывалилась у меня из кармана. Когда

Я

я повернул голову

Я

мог бы увидеть это так же близко, как того, кто собирается в тебя выстрелить. На нем была луна, и я прочитал вверху: “Четверг, сентябрь”.

4-й.”…”

Он глубоко вздохнул. Огонь искривил одну сторону сигареты. В абсолютной тишине он продолжал:

Затем Боскомб заговорил снова, и я узнал, как он собирался это сделать

это….”

Глава 9

Неоконченное преступление

Этот Гастингс, размышлял Мелсон, возможно, никогда не станет выдающимся адвокатом. Но как рассказчик он, несомненно, был прав. Казалось, он понял, что заманил в ловушку свою аудиторию, так что стул не скрипнул, и даже карандаш Хэдли застыл неподвижно. А на лице Гастингса появилась кривая улыбка, из-за которой он выглядел старше своих лет. Они услышали, как он с присвистом выдохнул.

“Когда я снова посмотрел вниз, - продолжал он, - я совершенно не осознавал ни времени, ни места, ничего, кроме прямоугольника света, который не был закрыт занавеской. Я мог видеть правую сторону спинки стула, обращенную к двери, как и раньше, и сами двойные двери, а также часть экрана справа от них.

Стэнли стоял, положив руку на экран; его лицо было зеленоватого цвета, и он дрожал так же сильно, как и я. Боском стоял у лампы,

вставляя патроны в обойму автоматического пистолета. Казалось, его немного подташнивало, но он улыбался, и его рука была такой же твердой, как этот стол. Он наклонился и взял со стола сам пистолет — мне показалось, что у него довольно длинный ствол, но я понял это минутой позже — и вставил обойму;

щелчок.

Тогда Стэнли сказал: “О Боже! Я не могу на это смотреть! Я буду видеть это во сне, если увижу!” Все, что сделал Боском, - это терпеливо повторил весь план еще раз, чтобы убедиться, что все было продумано, и тогда я понял.

“Он придерживался принципа, который сформулировал месяц назад, — что для “эксперимента” не должен быть выбран никто, кто мог бы стать “потерей для просвещения человечества”. Что, - сказал Гастингс, поворачиваясь и бросая сигарету в камин, - было необычайно благородно с его стороны. Во-вторых, жертва должна была быть небогатым человеком, хорошо известным в округе, который, как считалось, мог совершить кражу со взломом.— Итак, он выбрал самого подходящего мужчину, завсегдатая ближайшего паба, которого рассматривал в течение недели. Он постарался, чтобы этот человек затаил на него злобу, публично попросив хозяина не пускать этого человека в частный бар”.

Кто-то в группе издал сдавленное восклицание, но Гастингс этого не заметил.

“Он уже намекал в баре о количестве наличных и ценных вещей,

которые у него валялись без дела.

…

Если подумать, из того, что рассказала мне Элинор, - уныло размышлял Гастингс, - он

имел

купил у старика ценные часы; в отличие от старика, он не пользовался никакими устройствами охранной сигнализации, а хранил их в латунной шкатулке. Элеонора сказала, что они понравились ей больше всего в коллекции старика.

“В любом случае, он был готов. Этим вечером он проследил за преступником, убедился, что их никто не видел, притворился, что смягчился, и предложил ему одежду, если он придет за ней в дом той ночью. Тогда он был почти готов к инсценировке “кражи со взломом”, потому что

…”

Доктор Фелл открыл глаза и резко прервал его::

- Успокойся, сынок. Не боялся ли этот изобретательный джентльмен, что бродяга — если только предположить, что он тот, за кого себя выдает, — расскажет кому-нибудь, что Боском пригласил его в дом за костюмом?

Люсия Хандрет уставилась на него. - Но, Дон, - воскликнула она, - разве ты не

знаешь?

Ты был слишком слаб, чтобы расслышать то, что я сказал тебе в соседней комнате? Этот бродяга был…

- Я повторяю свой вопрос, - отрезал доктор Фелл. - Спокойно, мисс Хэндрет. Это не попытка что-то скрыть. Просто сейчас мы не хотим никаких отступлений.

Гастингс мрачно обдумывал предыдущий вопрос.

“О, Боском тоже об этом подумал. Он сказал, что не возражал бы, если бы этот парень кому-нибудь рассказал; на самом деле, он даже надеялся, что тот расскажет. Затем, когда все было закончено, это было бы воспринято как дополнительная ложь со

стороны этого человека — он сказал бы, что хочет оправдать свое присутствие на случай, если его увидят слоняющимся по дому, и явно солгал бы, потому что Боскомб его недолюбливал.

- Однако есть одна забавная вещь. Я помню, как Боском сказал Стэнли по этому поводу: “Вот чего я не понимаю, но я позволю

ты

переживай из-за этого. Когда я придумывала предлог, чтобы он пришел сюда поздно вечером за одеждой,

он

Боскомб сам предложил это. - Боскомб сказал, что, по его мнению, этот человек действительно намеревался что-то украсть, если сможет найти удобное местечко.

“Он велел парню зайти ровно в двенадцать, не раньше и не позже. Он должен был позвонить в дверь Боскомба. В доме было темно, но он не обращал на это внимания. Если Боском сам не спустился вниз, чтобы ответить на звонок, это означало бы, что Боском был занят интенсивной работой наверху и оставил дверь незапертой. Итак, если мужчина не получит ответа на звонок, он должен был тихо войти; не будить весь дом, чиркая спичками или зажигая свет, а идти прямо к лестнице, которую он увидит в задней части дома, и подняться наверх….

- Боскомб, естественно, никогда не собирался выходить из своей комнаты, чтобы встретиться с бродягой.

Его

хитрость заключалась в том, чтобы заставить всех остальных в доме поверить, что он лег спать в половине одиннадцатого. А теперь, - сказал Гастингс, тихонько постукивая ладонью по столу, - теперь проявилась дьявольская изобретательность.

“Ранее, примерно в половине двенадцатого, Боском уже прокрался в темноте вниз, чтобы отпереть входную дверь и снять цепочку. Попросить этого парня позвонить в дверь в полночь, конечно, было просто для того, чтобы предупредить его, когда этот человек поднимется по лестнице…. А? Простите?

Он непонимающе огляделся, когда Хэдли вскрикнул. Хэдли перевернул страницу своего блокнота и посмотрел на доктора

Фелла.

- Вот, - сказал он, - что услышал Карвер в половине двенадцатого. Вы заметили, что он не слышал ни голосов, ни шагов по тротуару, которые обычно раздаются, когда кого-то впускают в дом; он слышал только звяканье цепи. Но это не важно. Понимаете, что самое важное?

“Я

посмотри на это, - неожиданно сказала Люсия Хандрет. Хэдли резко обернулся, его глаза сузились, и она посмотрела на него с вызывающим спокойствием. — Это значит, что если инспектор Бэзи Эймс обнаружил эту открытую дверь - а он был из тех людей, которые

делает

найти открытые двери — у него было немного времени, чтобы побродить по этому дому, прежде чем

снова он позвонил в Лс

звонок у комба в двенадцать часов.

- Вполне, - вежливо согласился доктор Фелл. - Ему была интересна чья-то комната. И именно поэтому он был убит”.

Хэдли ударил кулаком по столу. “Боже мой! У вас получилось! Вопрос в том, мисс Хэндрет, как

ты

знаю не только, кем он был, но даже его прозвище. Тебе есть, что сказать по этому поводу?”

“По порядку. Дон говорит. … Так, так, Дон, не будь таким глупым и не выгляди таким диким! Я уже говорил тебе некоторое время назад, даже если ты этого не понял. Этот бродяга был

Инспектор

Эймс, и на случай, если это имя вам ничего не говорит.

…”

Гастингс вытаращил глаза. Затем он уронил голову на руки,

поставив локти на стол, и продолжал смеяться так, что это ужасно походило на рыдание. - Прекрати издеваться! он задохнулся, а затем посмотрел на нее с некоторым испугом. — Ты же не хочешь сказать, что один полицейский ждал другого, и ни один из них не знал

…!

Моя голова… Спокойно… Где этот платок?

- Послушай, - продолжил он, немного погодя, с легкой ноткой веселья в голосе, - что бы это ни значило, это лишь приправа к остальной части шутки. Ты мне за это отплатил. Я счастлив. Теперь я счастлива навеки, несмотря на пережитый испуг.

- Я рассказывал тебе о Боскомбе, который отпер дверь. Ну, когда

Я

увидел Боскомба через слуховое окно, он раскладывал остальное свое имущество. Пара старых, поношенных ботинок, украденных; пара хлопчатобумажных перчаток и два пистолета. Один пистолет был Браунинг, купленный в ломбарде, со стертыми номерами, и полностью заряженный. Другой был его собственный автоматический пистолет тридцать восьмого калибра с немецким глушителем на стволе, заряженный несколькими настоящими патронами и одним холостым.

“В спальне у него было несколько растений в горшках. После того, как он отпер входную дверь, он взял немного земли из одного горшка, развел кашицу из грязи с водой в

раковине в ванной и намазал ее на подошвы ботинок. Затем он прошел в кабинет, открыл ближайшее к дереву окно, сел на подоконник и надел ботинки на свои ноги. Не снимая перчаток, он высунулся назад, как мойщик окон, разбил одно стекло, поднял ноги и, забравшись внутрь, оставил следы на подоконнике одного из них. Грязи было совсем немного — ровно столько, чтобы оставить эти следы и еле заметный след до стола, где стояла медная шкатулка. Разумеется, он проделал это при выключенном свете; и самое странное, как я понял из их со Стэнли разговора, что прошло, должно быть, всего минут десять или около того, прежде чем я поднялся наверх.

- Они все время выключали свет после того, как Боскомб должен был лечь спать в половине одиннадцатого, так что

никто

позже они могли бы сказать, что заметили огонек, но включили его только на короткое время, чтобы убедиться, что все готово. Перчатки и ботинки Боскома были разложены на кушетке вверх ногами. В обнаженной руке он держал свой собственный пистолет, а другой, к которому он прикасался только носовым платком, лежал в кармане халата.

- Когда в полночь прозвенел звонок, они договорились, что Стэнли снова встанет за ширму и прикроет глаза так, чтобы ему было видно. Чтобы никто не увидел света и не услышал, как это происходит.

медь.

…”

Услышав это слово, которое снова поразило его, Гастингс начал проявлять те необъяснимые признаки, которые он демонстрировал раньше.

“Продолжайте!” Оборвал его Хэдли.

“…

Извините. Боском сказал ему, что он будет работать в другой комнате; в соседней комнате будет темно, но это не имело значения. Боскомб велел ему просто открыть дверь, войти и тихо позвать…. И тогда, ей-богу! началось самое интересное: всеобщее веселье и прекрасный эксперимент над человеком, который вот-вот умрет”. Гастингс повысил голос. “Как только Стэнли входил внутрь, он должен был выскочить из-за ширмы, включить свет рядом с дверью и повернуть ключ в замке.

“Понимаете, они должны были поймать кролика до того, как он запищит. Жертва видела Боскомба, сидящего в большом кресле с пистолетом в руке и ухмыляющегося ему; и Стэнли, ростом шесть футов три дюйма, тоже ухмыляющегося, прямо за его спиной. Боскомб даже отрепетировал то, что собирался сказать. Жертва спрашивала что-то вроде: “Что все это значит?” или “Что вы имеете в виду?” А Боском отвечал: “Мы собираемся вас убить”.

Гастингс прижал тыльную сторону ладони к глазам.

“Черт возьми! даже слышать, как Боскомб говорит там, внизу, —

как он прыгает взад—вперед и делает неуклюжие жесты, пока репетирует, - было… ну, это было похоже на один из тех ужасных ночных кошмаров, в которых люди кажутся вам вовсе не людьми, а неумолимыми роботами, с которыми невозможно договориться. Вы только видите, как они подбираются все ближе и ближе, и знаете, что они собираются убить вас, как нечто само собой разумеющееся.

“Боскомб объяснил, как они собирались осторожно подвести его к другому стулу и заставить сесть,

и надел старые ботинки, в которых его нашли мертвым.

Затем Боском сказал: “Видишь ту красивую коробочку на столе? Открой ее. Там деньги и красивые часы. Положи все это в карман. Это ненадолго”. Он объяснял, что именно они намеревались сделать после того, как выжмут всю кровь из нервов своей жертвы, проследят за всеми его “реакциями” и увидят, как он ползает и молится. Они спорили

где

они стреляли в него, и после того, как эта игра доставляла им мучительное удовольствие, Боскоинбе отходил в сторону и стрелял ему в глаз из пистолета с глушителем.

“Я верю

я не хочу, чтобы он испытывал какую-либо боль.’

— да поможет мне бог, я слышал, как Боскомб это сказал! Он сказал: “Это не входит в сферу моих интересов”.

Люсия Хандрет, стоявшая у камина, внезапно отвернулась и закрыла глаза руками. Она заплакала:

“Он

не может

у меня… нет даже Кэлвина Боса — Понимаете… Ну, это слишком ужасно! Должно быть, это была шутка, как он сказал, для того, чтобы потрепать нервы Стэнли….”

Во время тяжелого, болезненного молчания Хэдли сказал:

- Не вижу особой разницы, если этот парень так решил подшутить

над невротичным калекой. Он прочистил горло и наконец добавил: - Ну, мистер Гастингс? Что им оставалось делать дальше?

- О, на этом веселье закончилось, оставалось еще немного поработать. Они укладывали его на пол, прямо в ботинках и перчатках, рядом с коробкой с нарезным оружием. Они вкладывали ему в руку револьвер Браунинг, из которого не стреляли. Стэнли пожимал Боскомбу руку, благодарил его за приятный вечер и ускользал, пока Боскомб запирал входную дверь. Затем Боскомб шел заправлять свою постель. Оставив стреляную гильзу на полу, он возвращался в комнату, прятал глушитель и ботинки убитого и стрелял холостым патроном в пустоту. …Когда грохот выстрела разбудил домочадцев, Боском (пустая гильза выскользнула, а на ее место была вставлена новая) объяснил, что его разбудил шум, и…

..

“О, вы видите это. Его бы не только немедленно оправдали, но даже похвалили. “Отважный домовладелец стреляет в вооруженного грабителя в целях самообороны”.

Вставка с фотографией,

Мистер Кэлвин Боском

бе, который на долю секунды опередил отчаянного преступника, угрожавшего его жизни.*” Гастингс подавил свой булькающий смех и наклонился вперед.

“Это было то, что должно было произойти. Теперь я расскажу вам, что произошло”.

Дверь в комнату тихо отворилась, и вошел Боском. Никто не пошевелился и не произнес ни слова. Каждый человек мельком взглянул на него, не видя его вовсе, а затем снова перевел взгляд на Гастингса; но Мелсон почувствовал в воздухе какое-то шуршание, отталкивание, как будто каждый человек немного отодвинулся от него. Атмосфера была напряженной, тем более что на лице Боскомба играла болезненная улыбка, и он потирал руки. Он посмотрел на каждого, но никто не ответил ему взглядом. Только доктор Фелл изучал его с озадаченным выражением во взгляде. Губы Боскомба дрогнули, и он скрестил руки на груди.

“Я заметил одну вещь, — продолжал Хастингс, хотя его выносливость была на исходе, и он выглядел еще бледнее, чем когда вошел, - я заметил одну вещь, - тяжело сказал он, - что по мере приближения часа “ноль” Стэнли стал меньше дрожать и становиться немного более человечным— или бесчеловечным. Он перестал дергать своей дряблой челюстью. А минуты продолжали идти, пока внезапно большой колокол в Холле не начал отбивать полночь. Боже мой! это прозвучало громко!— как гром и начало судного дня. Я думал, что вообще не смогу пошевелиться, но от этого я чуть из кожи не выпрыгнул. И тут Стэнли сказал голосом, который звучал громко, как колокол: “Ты собираешься пройти через это? Ты действительно это имеешь в виду?” И Боскомб сказал: “Да”. Он сказал: “Встань за эту ширму и не перепутай свою роль, когда будешь выходить. Ты сможешь увидеть выключатель, потому что светит яркая луна, и я оставил—”

- Там было место, где он поднял голову.

- Он увидел вас? - спросил Хэдли и рванулся вперед, как будто Боскомба там вообще не было.

“нет. В его глазах горел огонек, и он все равно думал о чем-то другом. За стеклами очков его лицо было похоже на лицо слепого. Что его отвлекло в тот момент и привело меня в замешательство, так это то, что в ту же секунду раздался звонок в дверь.

“Этот зуммер, должно быть, был где-то под потолком, потому что эта чертова штука, казалось, издавала звук, похожий на шипение гремучей змеи, прямо у меня под руками. Я подпрыгнул и чуть не покатился. Боскоинб сказал: “За ширмой. Я даю ему пять минут, прежде чем он будет здесь, - и выключил лампу на столе.

“Лунный свет заливал комнату бледно-голубоватым светом. Я не мог видеть Стэнли, который топтался за ширмой, но я отчетливо видел Боскомба, а впереди него лунный свет падал на двустворчатые двери, и тень от большого кресла была плотной и черной. Боском стоял в этом странном свете, поводя плечами вверх-вниз, и я услышал, как щелкнул предохранитель пистолета, когда

он снял его с предохранителя. Раздался звонок в дверь.

снова раздался ужасный выстрел и раздалась пара очередей — жертва требовала, чтобы ее заманили в ловушку. Когда жужжание

прекратилось — а оно казалось невероятно громким и нервным, — Боском сдал назад

подошел к большому креслу и сел. Я

было видно, как он наклонился вперед, его рука нервно сжимала пистолет, а лунный свет слегка дрожал на длинном синем стволе….

“Он сказал, что даст жертве пять минут. Мне показалось, что это было в три раза дольше, хотя этого не могло быть, потому что, клянусь

Я

я все время затаивал дыхание. В этом месте стояла мертвая тишина — повсюду. Даже не было слышно автомобильного гудка снаружи или скрипа каминной решетки внутри. Я подумала, что сейчас он откроет дверь внизу и заглянет внутрь. Сейчас он будет проходить через холл. .

..

“Минуты, часы….

“Напряжение становилось слишком большим. Я слышал, как Боскомб зашуршал в кресле, я даже слышал его дыхание, но он по-прежнему крепко сжимал пистолет. Однажды Стэнли загремел жестянкой или чем-то еще за ширмой. Это было так, словно ты слышал, как часы отсчитывают минуты у тебя в голове. Я почувствовал, что больше не выдержу, когда Боском заговорил. Это был не более чем шепот, но у мужчины сдали нервы, и пистолет начал дрожать. Он сказал::

“Что, черт возьми, его задерживает?”

И в этом была какая-то агония, голос сорвался на безумный лад и перешел на шепот. Казалось, это заставило его подняться со стула. Он встал и на негнущихся ногах сделал пару шагов к двустворчатым дверям. Голубоватый свет падал на двери, и мне вдруг показалось, что одна из ручек начала поворачиваться. Но я точно знаю, что слышала шум.

…

“Это был

царапание

шум за дверью, как будто собака пытается проникнуть внутрь. Оно колебалось и возилось около десяти секунд. Затем левая дверь с грохотом распахнулась. Что-то или кто-то ввалился внутрь, протиснулся вперед на карачках, словно приветствуя кого-то, развернулся и, корчась, остался лежать наполовину внутри комнаты. Это был мужчина с чем-то блестящим, торчащим у него из затылка, и он пытался говорить так, словно набрал полный рот воды….

Боскомб выругался и отскочил назад. В комнате было что-то вроде мокрого

клапан

когда этот человек упал на пол, а Стэнли что-то выкрикнул за ширмой. Секунду никто не двигался, только этот человек корчился на полу и стучал каблуками. Боском споткнулся, прежде чем вернуться к столу и включить лампу.

“Блестящая штука была позолоченной. Я посмотрел один раз. Потом я прижался лицом к потолку, и я был так слаб, что

не мог пошевелиться. Кажется, мои собственные ботинки гремели.

…”

Гастингс остановился, поерзал на стуле и перевел дыхание. Он продолжил, уже спокойнее:

“Я не знаю, что заставило меня посмотреть вверх. Возможно, это был какой-то звук на крыше, но я не думаю, что тогда был в том состоянии, чтобы обращать внимание на звуки. Но я посмотрел в сторону дымохода справа от меня и увидел это.

- Он стоял у камина и смотрел на меня. Я не знаю, был ли это мужчина или женщина; единственное, что у меня осталось, - это белое лицо и (не знаю, смогу ли я это объяснить) злокачественная опухоль, настолько мощная, что сама ее волна, возможно, разбудила меня, как шум. И я действительно увидел одну руку, державшуюся за край дымохода. Когда я отодвинулся в сторону, на эту руку упало немного света из окна в крыше, как раз в тот момент, когда человек скрылся из виду. На руке было пятно позолоты.”

Его взгляд переместился на сияющую стрелку часов на столе, а затем он закрыл их. Он молчал так долго, что Хэдли подсказала::

“Ну?” И что дальше?”

Гастингс сделал приглашающий жест. - Остальное вы знаете… Первой моей ясной мыслью было, что Элеонор не должна подниматься наверх, проходить мимо двери Боскомба и смотреть, что там, если я смогу это предотвратить. Я мог бы спуститься через люк в крыше, но я не видел причин выдавать бабушке Стеффинс, где я нахожусь. Я подумал, что если я спущусь, подбегу к входной двери и

…

Я не знаю; я не уверен, что у меня было на уме, за исключением того, что я хотел броситься куда-то вслепую и выбросить это зрелище из головы. Я благополучно забрался на дерево. Помню, как перемахнул через него. Это все, что я помню, кроме листьев слуха рвать и вдруг вижу на дереве ногами вверх, пока я не проснулся. Некоторые старина остроумие

ч п

усач склонился надо мной в комнате Люсии, а в следующую минуту, пока я говорила, он, казалось, вонзал мне в голову железные шипы. Кажется, я рассказывала все это Люсии…

Хэдли бросила на нее острый вопросительный взгляд. Она сделала полушутливый жест, предвосхищая его вопрос.

- Да, конечно, инспектор, - сказала она. - Вы, наверное, захотите узнать о

мне.

Я не знаю, сколько времени прошло после того, как он упал, прежде чем я поднял его; я не слышал его

падать….

Я читала в своей спальне и, должно быть, задремала….”

“Вы тоже ничего не слышали о том, что происходило в доме?”

“нет. Я же говорил вам, что, должно быть, задремал в кресле. Она заколебалась и вздрогнула

немного. “Что-то разбудило меня; я

не знаю, что это было, но я знаю, что это испугало меня. Я посмотрел на часы и увидел, что уже далеко за полночь. Я продрог и… ну, в общем, был в подавленном настроении, и мне не хотелось разводить огонь. Поэтому я пошел на кухню, чтобы согреть воды для пунша, прежде чем лечь спать. Кухонное окно было открыто, и я услышал, как кто-то стонет во дворе. Я вышел из дома

…”

“Вы проявили большое хладнокровие, мисс Хэнделт”, - ровным голосом сказал ей Хэдли. “А что потом?”

“Я не проявил большого хладнокровия, и я не думаю, что вам нужно быть саркастичной. Я втащил его внутрь. У него было ужасное кровотечение. Я подумала, что могла бы разбудить Криса Пола или Ка… — Она посмотрела на Боскомба, осеклась, и под опущенными веками появился блеск, хотя лицо оставалось бледным, — попросить Криса помочь, не разбудив остальных. Я открыла дверь своей гостиной в холл, но на лестнице горел свет, и я услышала голоса. Я также увидела миссис Стеффинс. Она стояла на свету, смотрела наверх и прислушивалась. Я заметила, что она была полностью одета. Она увидела меня, и

Я

закрыл дверь и вернулся к Дону. Это было за несколько минут до вашего прихода. Когда доктор пришел навестить Дона, мистер Карвер пошел с ним и рассказал мне, что произошло. Когда Дон пришел в себя, он тоже настоял на том, чтобы заговорить.

Она произносила слова с бессмысленной певучей интонацией полицейского, дающего показания перед мировым судьей. Затем голос ожил.

“Конечно, он упал всего с тридцати футов, и, конечно, ветки

сделал

скорее смягчит падение, - горячо добавила она. - И, конечно, он должен дать показания. Но отпустите ли вы его сейчас?

- Со мной все в порядке, - огрызнулся Гастингс. Его голос стал раздражающе высоким. “Ради бога, Люси, может, ты перестанешь

обращаться со мной как с ребенком?” Он был в таком ослабленном состоянии, что любые мелочи приобретали чудовищный оттенок, а напряжение доходило почти до гротескного хныканья. - Вы делали это с незапамятных времен, и мне это уже надоело. Рассказывая это, я преследую одну цель, что бы они об этом ни думали. Я ничего не имею против Боскомба. Он мне не нравится, — его глаза на мгновение округлились, - но я ничего против него не имею. Это все та свинья

Стэнли.

Кто бы ни убил этого парня, я чертовски хорошо знаю, что они этого не делали, но они хотели этого, и я хочу, чтобы все знали, какая Стэнли свинья. Я хочу, чтобы все знали, что он поощрял убийство, что он стоял в стороне и наблюдал, пока…

“Да”, - сказал Хэдли. “Но и ты тоже”.

Гастингс стал очень тихим и впервые очень уверенным в себе. На его лице появилась тихая, довольно жуткая улыбка.,

“О нет”, - сказал он. “Это совсем другое. Разве я не ясно выразился? Улыбка стала кривой. - Вот что произошло

мои нервы, видите ли, напряжены от радостного предвкушения. Я все это спланировал заранее. У меня было достаточно времени. Когда они вдоволь наговорятся с жертвой и приготовятся выпустить пулю, я собирался выпрыгнуть через слуховой люк. Я надеялся, что жертва сумеет справиться с Боскомбом; если у него не получится, то старина Босси, похоже, не сможет добавить им обоим остроты. Может быть, мне следовало бы

объясните, что я пропустил бо

команда по ксингу в моем колледже. Сначала я собирался избить Стэнли, превратить его в такое месиво, что… — Он замолчал, глубоко вздохнул, и улыбка на его лице превратилась в убийственный восторг. - Ладно, неважно. Потом я собирался предъявить обвинение им обоим, заручившись показаниями жертвы

и все подтверждающие улики, которые они не смогли уничтожить

— за покушение на убийство. Их бы не повесили. Но я готов поспорить, что даже сейчас их чучела сожгут на самом высоком костре, который устроят в честь Дня Гая Фокса.”

“но

почему?

Успокойтесь, мистер Гастингс! Что вы имеете против?..

- Вам лучше рассказать им, Дон, - тихо предложила Люсия. - Все так запутано, что это все равно выплывет наружу. А если вы этого не сделаете, это сделаю я.

- О, я расскажу им. Я не стыжусь того, что

оно.

..

- Мое полное имя, - резко сказал он, - Дональд Хоуп-Гастингс. И эта свинья застрелила моего отца.

Он вскочил со стула и направился к двери. Когда дверь за ним закрылась, они услышали испуганный возглас сержанта Беттса и глухой стук упавших на пол коленей.

Глава 10

Позолоченная краска

- Присмотри за ним, - коротко сказала Хэдли Люсии Хандрет, - и возвращайся сюда. Я хочу, чтобы все дамы в доме немедленно собрались здесь. Он уставился на закрывшуюся за ней дверь и прислушался к суматохе в коридоре. Затем он проворчал доктору Феллу: “Это становится все более похожим на кошмар, усугубляемый тем фактом, что этот молодой человек любит мелодрамы. Я полагаю, он

является

говоришь правду? Хм. Кажется, я припоминаю, что у старины Хоупа — это тот парень, о котором я вам рассказывал, который ограбил свой собственный банк примерно на четверть миллиона, — тогда был ребенок лет семи-восьми. Если бы этот юноша не любил мелодраматику так сильно

…”

Но Хэдли чувствовал себя не в своей тарелке. Он вытер лоб носовым платком и уставился в свой блокнот, как будто в нем

была только бесполезная информация.

- Вот тут вы ошибаетесь, Хэдли, - возразил доктор Фелл хриплым голосом. “Он не любит мелодраму;

он просто живет ею. Это потому, что он один из настоящих, энергичных, непостоянных людей, а не для изучения характеров. Эмоции пугают тебя, мой мальчик, настолько, что ты начинаешь говорить, что их не существует, если только кто-то не говорит о них в контексте погоды. Все, что ты можешь понять, - это целомудренные чувства грабителя, который хочет завладеть чужой собственностью. Когда у кого-то действительно есть большой запас ненависти или горя в трясущейся душе, он не рассматривает это как интересную метафизическую проблему, как персонаж Ибсена. Вот почему все дома Ибсена - кукольные. Напротив, он сходит с ума и рассказывает совершенно безумные мелодрамы. То же самое, что… — Он пробормотал что-то себе под нос, разглаживая усы, и казался еще более озадаченным, чем обычно.

- Мне кажется, я знаю, о чем вы сейчас думаете, - мягко сказал Боском.

Доктор Фелл слегка вздрогнул. - Эй? О! О, ты все еще здесь, не так ли? - непонимающе спросил он и захрипел, когда его маленькие глазки скользнули по собеседнику. - Честно говоря, я надеялся, что ты ушел.

- Значит, я в замешательстве? - довольно резко спросил Боском. В нем снова проявилось смущение, хотя он и пытался напустить на себя цинично-шутливый вид. - Вы считаете меня чудовищем?

“нет. Но, я думаю, вам хотелось бы верить, что вы им были, - сказал доктор Фелл. - В этом ваша беда и ваша милая фобия. Вы напичканы неприятной чепухой, но я верю, что вы мошенник. Ваши мозги не на один-два-три уровня с тем, что вам нужно.

реальный

дьявол, который стоит за всем этим, и, конечно, вы никогда на самом деле не собирались убивать

Эймса….”

“О чем я вам и говорил”, - отметил Боском. “Я же сказал тебе, что это была шутка над этим надутым хвастуном наверху, и что я

немного устал слушать его болтовню о его железном характере в старые добрые времена”.

“О, да. Именно тогда ты подумал, что тебя могут обвинить в убийстве. Но теперь, когда мы узнали, что произошло на самом деле, и вам ничто не угрожает, вы, возможно, получите некоторое удовольствие от того, что выставите себя на посмешище. Вы можете утверждать, что действительно совершили преднамеренное убийство, и пойти и поболтать на лестнице, чтобы отпраздновать это событие. Почему-то ты меня раздражаешь, дружище.

Боском рассмеялся, и Хэдли резко обернулся.

- Ты думаешь, тебе ничего не грозит, а? - огрызнулся он. - Не рассчитывай на это. Думаю, я просто доставлю себе удовольствие предъявить вам обвинение в покушении на убийство”.

- Вы не можете, - глухо произнес доктор Фелл. “Я знаю, что это плохо скажется на его репутации бандита, но я посмотрел на пистолет, когда он был у Пирса… Глушитель - муляж”.

«что?»

- Это вовсе не глушитель, это жестяной цилиндр, выкрашенный в черный цвет, с насадкой спереди, чтобы придать дизайну красоту. Черт возьми, Хэдли, неужели ты не видишь, что это всего лишь очередная игра воображения, подпитываемая художественной литературой? Вам следовало бы знать, что в Англии всего полдюжины настоящих глушителей; их слишком трудно достать, но каждый хороший инсценированный план убийства предполагает использование одного из них.

Ба\

Все ваше дело против Боскомба и Стэнли зависело бы от того, что в Эймса стреляли с глушителем, и они могли бы устроить вам веселое “ха-ха” в тот момент, когда вы предъявили вещественное доказательство А. Хорошо, Боскомб, что ты не дал Стэнли рассмотреть это как следует. Он еще может придушить тебя за твою маленькую шутку.

Хэдли поднялся на ноги и посмотрел на Боскомба.

- Убирайся, - тяжело сказал он.

— Я хотел бы предложить… - начал Боском.

- Убирайтесь отсюда, - сказал Хэдли, делая шаг вперед, - или еще через минуту

…”

- Перед окончанием этого дела, - сказал ему Боском, пятясь, и его ноздри сжались, - вы обратитесь ко мне за советом. Я могу вам кое-что сказать, но сейчас у меня нет желания вам помогать. Развлекайтесь, пока я этого не сделаю.

Дверь закрылась. Хэдли что-то пробормотал, потер руки и снова уткнулся в свой блокнот. “Что меня больше всего беспокоит, - взорвался он, - так это неразбериха, в которую все это ввязалось из-за чудовищной череды совпадений, громоздящихся одно на другое. Посмотрите на них! Кто—то в этом доме — анонимный - говорит Эймсу, что женщина, ударившая ножом продавщицу, живет здесь, прячет где-то улики, но отказывается помочь Эймсу проникнуть внутрь. Впоследствии кто—то другой приглашает Эймса войти, чтобы он мог попасть в ловушку с убийством, устроенную Боскомбом для развлечения

и

бывший офицер полиции, который когда-то был тесно связан с Эймсом. Попав в эту ловушку, Эймс получает удар ножом от еще одного человека — предположительно, от женщины, которая убила продавца. За всем этим адским делом наблюдает молодой человек, чей отец был застрелен Стэнли четырнадцать лет назад.,

и

чей отец также был выслежен и признан виновным Эймсом!— Фелл, если совпадения могут продолжаться, я никогда не хочу об этом слышать. Если бы это было выдумкой, а не фактом, я бы наотрез отказался в это верить.”

- Вы думаете, это все совпадения? - задумчиво спросил доктор Фелл. - Потому что я так не считаю.

- Что вы имеете в виду?

- И я тоже в это не верю, - с некоторым упрямством подтвердил доктор. - Чудеса могут случаться. Но они не происходят группами, как в волшебном представлении. Точно так же

большинство реальных уголовных дел (к сожалению, я должен это сказать) раскрываются благодаря одному—двум совпадениям - тому факту, что кто-то неожиданно выглядывает из окна, или у него не хватает денег на проезд на такси, или любым другим обстоятельствам, которые позволяют повесить самого хитроумного убийцу. Но простая случайность не могла породить такую череду потрясающих событий, как у нас здесь". "Вы имеете в виду?.."

"Я имею в виду, что это было

организованный,

Хэдли. Есть одно жалкое, немного запутанное совпадение, которое является реальным, а остальное было придумано воображением человека, по сравнению с которым убогая шутка Боскомба об убийстве кажется банальной. Этот человек - настоящий дьявол. Кто-то знал историю и прошлое каждого, кто был связан с этим домом. Кто-то переставлял этих людей, как шахматный гамбит, и создал это запутанное положение вещей в качестве фона для финального удара часовой стрелкой. Послушай, Хэдли, я думаю, что буду бояться каждого, кого встречу, до тех пор, пока

…"

- Простите, сэр, - вмешался сержант Беттс, просунув голову в комнату. - Не могли бы вы подойти сюда на минутку? Есть кое-что… Он с трудом сдержал волнение, когда вошла Люсия Хандрет. "Бенсон, Хэмпер и доктор уже закончили, и они доложат вам, прежде чем уйдут".

Хэдли кивнула и закрыла дверь, когда он поспешно вышел. Лючия задумчиво посмотрела на него. Она курила сигарету короткими резкими затяжками и ногтем мизинца откусывала кусочек бумаги от нижней губы. Когда губы были раздвинуты, показались белые острые зубы. Взгляд ее длинных, сияющих карих глаз скользнул по Мелсону и остановился на докторе Фелл.

- Я вполне готова к допросу женщин третьей степени, - объявила она. - Элеонор и Стеффинс будут здесь через минуту. Видите ли, они все еще ссорятся. Дон чувствует себя настолько хорошо, насколько можно было ожидать."

- Садитесь, мэм, - предложил доктор Фелл с той лучезарной доброжелательностью, которая исходила от него на всех

привлекательных женщин. - Хе-хе-хе. Рад это слышать. Осмелюсь предположить, что вы знали его давно и именно так вышли на покойного инспектора Эймса.

Она улыбнулась. “Сегодня вечером было выпущено на волю довольно много тайн. Так что я не против признать, что я его двоюродный брат. По крайней мере, этого будет достаточно

некоторые

хорошо, если это убедит нашу маленькую Нелл в том, что у нее больше нет причин для ревности. В ее глазах промелькнуло презрение, но она скрыла его и принялась рассматривать свою сигарету. - Моя мать была сестрой Карлтона Хоупа, или Хоуп—Гастингса, человека, которого они посадили…

- Посадили?

Она отдернула сигарету ото рта. Мелсон снова увидел острые зубы. - Он был виновен в растрате этих денег не больше, чем вы. Тем более, если вы работаете в полиции. Не так ли? Она внимательно посмотрела на него, и на ее лице появилась улыбка. - Я сделаю вам комплимент, сказав, что по вам этого не скажешь. Они не смогли найти жертву и поэтому подставили его. Затем они поняли, что никогда не смогут осудить его в открытом судебном заседании, поэтому… - Она швырнула сигарету в камин. Затем она принялась быстро расхаживать взад-вперед, обхватив себя руками, как будто ей было холодно.

- Дону, - добавила она, - тогда было всего восемь, а мне тринадцать, так что я знаю об этом гораздо больше. Самое смешное, что Дон действительно верит в виновность своего отца — это потому, что его мать воспитала его в этом убеждении; и он болезненно относится к этому, настолько болезненно, что скрывает все отношения, а когда я приехала сюда, и он влюбился в Элеонору, он даже не позволил этому случиться все знали, что мы родственники, из страха, что Стеффинс каким-то образом узнает об этом. И все же он люто ненавидел полицию. В то время как я прекрасно знаю, что дядя Карлтон был невиновен, и

Я.

… - Она замолчала и устало пожала плечами. - Ничего хорошего не происходит, не так ли? Некоторые из них нечестны, а некоторые, осмелюсь сказать, честны, но в любом случае я мало что могу с этим поделать. Я, по-моему, немного фаталист.

Доктор Фелл сдул с носа ленту от очков и дружелюбно хмыкнул.

- Может быть, и так, - согласился он, - хотя вы, возможно, не совсем понимаете, что означает этот термин. Когда человек говорит, что он фаталист, он очень часто имеет в виду просто то, что он слишком ленив, чтобы попытаться изменить ход событий, в то время как я подозреваю, что вы борец, мисс Хандрет". На его подбородках появились морщинки, а маленькие глазки заблестели. - А теперь скажите мне, что вы на самом деле подумали, когда увидели инспектора Эймса, обнюхивающего вон тот паб?

Она заколебалась, казалось, меняясь в лице

ее разум, и сделал жест, изображающий

признание. Она призналась:

- Честно говоря, я был в шоке. Я знал

Я

она ничего не сделала, но… Это было из-за его присутствия там, вот и все. Она пристально посмотрела на него. "Почему

был

он, собственно говоря, там?

Она замолчала, когда Хэдли, с трудом сдерживая волнение, от которого напряглись желваки на скулах, ввел миссис Стеффинс и Элинор. Обе раскраснелись. Миссис Стеффинс, покачивая головой и не глядя на Элинор, а уставившись прямо перед собой, как будто быстро делилась доверием с одной из стеклянных витрин, продолжала свой монолог, почти не разжимая губ.

— …недостаточно, - продолжала она в манере чревовещателя, заливаясь краской, - чтобы совершить обычное обольщение на самой крыше этого дома, где любой мог бы это увидеть, разбить сердце твоему бедному опекуну, в то время как он из кожи вон лезет ради тебя, и сохранить все, до последнего пенни, из тех денег, что ты зарабатываешь, но никогда не жертвуешь и полпенни на содержание этого дома, где я вкалываю до изнеможения, — короткий выдох, — на крыше, у нас над головами, на глазах у соседей, и я предупреждаю тебя, что никогда не переживу этого. до тех пор, пока я не окажусь на

смертном одре, — тут в ее глазах заблестели слезы, — и ты, возможно, иногда немного думаешь о нас, но так ли это на самом деле? Нет, и не только это, — сказала миссис Стеффинс, внезапно переходя в наступление и резко оборачиваясь, - вы просите, чтобы вашего любовника продержали всю ночь в этом доме, после того как вы намеренно оказались на этой крыше…

- Гнида. В этих зданиях, - сказала Элинор с деловитой практичностью, - в основном офисы, и кого там можно увидеть? Я это выяснила.

Миссис Стеффинс стала холодно-мрачной.

“Очень хорошо, моя юная леди. Все, что я могу сказать, это то, что он не остановится

здесь.

Конечно, именно вам следовало бы обсудить все это при посторонних, - заметила она, бессознательно повышая голос в явной надежде заручиться поддержкой кого-нибудь из присутствующих, - но раз уж вы это делаете, я могу заверить вас, что он на этом не остановится. Куда нам его поместить? Только не с мисс Хэндрет, уверяю вас. Ха-а-а, нет! - воскликнула миссис Стеффинс, качая головой и улыбаясь мрачной, натянутой улыбкой, как будто она видела коварный и зловещий замысел, но была достаточно проницательна, чтобы помешать ему. “Ха, нет, только не с мисс Хэндрет, уверяю вас”.

“Отведите его в комнату Криса Пола, конечно! Крис не будет возражать”.

“Мы ничего подобного делать не будем.— Кроме того, - она заколебалась, - комната занята, так что вы видите

…”

“Занята?” спросила Элинор.

Миссис Стеффинс плотно сжала губы. Хэдли, который по какой-то своей тайной причине позволял им разговаривать, вмешался:

“Я

вас это интересует, миссис Стеффинс. Он стал резким. - Похоже, здесь произошло какое-то недоразумение. Нам сказали, что этот

мистер Полл в отъезде, и, конечно же, никто не занимал его комнату. Если кто-то еще там, он, должно быть, оглох или умер. Кто это?”

Перемена была столь же поразительной, сколь и быстрой. Только что она стояла, втянув голову в плечи, и кипела от злости; в следующее мгновение на некогда красивом лице появились совершенно новые морщины, словно результат работы одного из тех художников-молниеносцев, которые рисуют углем на сцене. Из-под складок и впадинок на ее слегка потемневшем лице сверкали идеальные зубы. Широкая улыбка, ослепительная улыбка во весь рот; осуждающее выражение фиалковых глаз; другой, вкрадчивый разворот широких плеч, подчеркивающий очарование. Даже ее голос приобрел другой тембр. И, пытаясь напустить на себя очарование, она впервые выглядела довольно зловеще.

“Но, конечно, это, должно быть, вылетело у меня из головы”, — сказала она голосом, полным нетерпеливых культурных интонаций, который звучал так, словно кто—то пародировал Би-би-си. “Почему, мой дорогой мистер… мой дорогой инспектор, кто мог быть в комнате дорогого мистера Поула, кроме самого дорогого мистера Поула?”

Элинор подозрительно посмотрела на нее. “ой? Джей не знал, что он здесь. И у него чуткий сон. Он, конечно, был бы

…”

- Конечно, моя дорогая. Ты ведь обо всех них знаешь, не так ли? - спросила миссис Стеффинс, быстро поворачивая голову, чтобы посмотреть. - Но я действительно не думаю, что его нужно будить. Я не думала, что было вообще необходимо говорить об этом Йоханнусу, Элеоноре или даже его подруге мисс Хандрет. И я действительно считаю, что молодому человеку так приятно состоять в хороших клубах, не так ли? потому что тогда они оказываются с действительно хорошими людьми, понимаете, и не ходят в эти грязные, мерзкие пабы или в другие клубы, где, как говорят, брошенные женщины танцуют самым безнравственным образом, — быстрый вдох, — хотя, конечно, если они в клубах и общаются с представителями знати— возможно, вы знаете поместье сэра Эдвина, Роксмур, в Девоне; три часа пятнадцать минут на хорошем поезде — тогда, возможно, они

будет

посиди еще немного за закусками, и я прекрасно пойму

…”

Доктор Фелл хлопнул себя по лбу. - Понял! - прогудел он с внезапным вдохновением. - Наконец-то я начинаю понимать это! Вы хотите сказать, что он парализован от пьянства?”

Миссис Стеффинс сказала, что это вульгарно, и опровергла это. Под давлением она призналась, что Кристофер Полл с замечательным грузом на борту прибыл около половины восьмого вечера, что по какой-то таинственной причине он вошел через заднюю дверь и что она застала его сидящим на лестнице в безутешном настроении. Она помогла ему подняться, никто другой не знал о его присутствии, и, насколько ей было известно, он все еще был в своей комнате. Она огрызнулась на Элинор за то, что та заставила ее рассказать об этом сейчас, после чего надулась. Хэдли подошла к двери и дала указания сержанту Беттсу. Когда он вернулся, что-то в выражении его лица поколебало обаяние даже миссис Стеффинс. Ее словоохотливость иссякла, и она, казалось, готовилась к истерике, если дело примет неприятный оборот.

“У меня есть несколько важных вопросов к каждой из вас”, - сказала Хэдли, по очереди посмотрев на трех женщин. Люсия держалась непринужденно, Элеонора - вызывающе, а миссис Стеффинс слегка шмыгала носом. “Присаживайтесь, пожалуйста”. Он подождал, пока Мелсон отодвинет стулья, затем сел сам и сложил руки на груди. - Уже поздно, и я не задержу вас сегодня надолго, но я бы хотел, чтобы вы все были абсолютно уверены в том, что говорите. Мисс Карвер.

Наступила пауза, пока он просматривал свои записи. Элинор выпрямилась.

- Мисс Карвер, насчет той двери, ведущей на крышу. Сегодня вечером она была заперта, а вы говорите, что обычно она заперта. Теперь у нас есть основания полагать, что сам убийца находился на крыше этой ночью в течение нескольких минут или сразу после нанесения удара ножом.— У кого есть ключ от этой двери?

- Кто-то из группы ахнул, но они стояли спиной к Мелсону, и он не смог разобрать, кто именно. Он незаметно обошел вокруг, чтобы видеть их.

“Я

сделал

возьми его, - ответила Элинор. - Теперь, когда ты в курсе всего дела, я не против рассказать тебе. Кто-то украл его у меня.

- Завтра он будет заперт на висячий замок. Заперт на висячий замок и прибит гвоздями… — яростно выпалила миссис Стеффинс, но взгляд Хэдли заставил ее замолчать.

- Когда его украли, мисс Карвер?

“Я

— не знаю. Видите ли, я обычно держу его в кармане этого пальто.” Она дотронулась до кожаной автомобильной куртки. - Я думала, что сегодня вечером она была у меня. Я… когда я надевала куртку сегодня вечером, я даже не потрудилась убедиться, что она на месте. Наверное, я, должно быть, сунул руку в карман, когда выходил; знаете, машинально; но у меня в кармане были носовой платок, пара перчаток, несколько монет и тому подобное, так что, когда я их не почувствовал, я просто предположил, что они где-то среди них. Я не заметила, что он исчез, пока не поднялась наверх… поднялась в первый раз”. Она с трудом сдерживала гнев и страх. “В первый раз?”

“да. Когда эти двое, - она кивнула в сторону доктора Фелла и Мелсона, - вошли и увидели меня, это было во второй раз. Признаюсь, в первый раз я поднялась наверх минут за пятнадцать до этого — я точно помню, потому что часы показывали без четверти двенадцать. Я пришла рано, потому что дом был заперт рано, и, естественно, я была уверена, что все уже легли спать… О, перестаньте так на меня смотреть! - она замолчала и сердито посмотрела на миссис Стеффинс. Затем ее отяжелевшие веки дрогнули, и она продолжила со спокойным вызовом, глядя в лицо Хэдли. - Итак, я поднялась наверх в темноте, а потом обнаружила

Я

у меня не было ключа. Я думал, что потерял его. Поэтому я спустился вниз и обыскал свою комнату, и чем больше я искал, тем больше терялся в догадках.

конечно

Я положила его в этот карман и подумала…” — “Ну что, мисс Карвер?”

“Кто-то сыграл со мной грязную шутку”, - яростно ответила она. Она смотрела прямо перед собой, сжимая и разжимая ладони. “Мне было весело

определенный,

потому что я вспомнил, что в прошлый раз держал его на одном пальце перчатки — на случай, если кто—нибудь придет и будет что-то вынюхивать, как это часто бывает, - и, в любом случае, у меня такая привычка обращаться с ключами. Так что я не знал, что делать. Я снова вышел в коридор и к тому времени увидел свет наверху и услышал… ну, вы понимаете.”

“да. Мы вернемся к этому чуть позже. Когда вы в последний раз видели ключ?”

“В прошлое воскресенье вечером”.

“А ваша комната не заперта?”

“О нет. Запирать двери, - сказала она и резко рассмеялась, - запрещено никому, кроме Джея”.

- Я не вижу причин, — вмешалась миссис Стеффинс, вздернув плечи и изобразив на лице какое—то полнейшее изумление, - я действительно не вижу причин, почему тридцатилетняя женщина, у которой есть собственное жалованье, и, я уверена, такое большое, о каком я даже не мечтала, когда

Я

была компаньонкой и

наперсницей

такой замечательной, утонченной женщине, как дорогая покойная Агнес Карвер, хотя, несомненно, у вас другие представления о работодателе в театральной профессии — почему тридцатилетняя женщина вообще должна оставаться здесь, если ей это не нравится после всей той благодарности, которую она должна испытывать.

Элинор повернулась. Нежное личико покраснело еще сильнее.

- Ты знаешь, почему это так, - с горечью сказала она. — Ты ползаешь повсюду со своими разговорами и слезами; и как я

могла быть такой неблагодарной по отношению к опекуну, который спас меня от прихода, когда у меня не было родителей и мы были так бедны — ты лжец, а тебе нужны были деньги и

…

О, я знаю, кто ты, и мне это надоело! Я многому научился сегодня вечером, и я был сентиментальным ослом, выдающим желаемое за действительное, но с этого момента…!”

Хэдли позволил ей продолжать, потому что знал, что такие вещи порождают у свидетелей удивительную откровенность. Он вмешался в разговор::

- Мы вернемся к тому второму визиту наверх, мисс Карвер. Когда вы услышали, как Боскомб сказал: “Боже мой, он мертв”, и увидели кого—то, лежащего на полу в тени двери, — он быстро взглянул на нее, - вы подумали, что это кто-то из ваших знакомых, не так ли?”

“да.” Колебание. “Не знаю, как ты догадался, но я так и сделал. Дональд”.

“И ты тоже думал, что Боском убил его?”

“Я… да, думаю, что так оно и было. Я… Это было ужасно, и это было первое, о чем я подумала…

“почему?”

- Он ненавидит Дональда. Он обходил меня стороной, что ужасно забавно, потому что ему потребовалось так много времени, чтобы сказать, что он имел в виду; он нервничал или что-то в этом роде, и, наконец, он подошел ко мне, полный решимости быть, о, таким дьявольским; он положил руку мне на колено и спросил, не хочу ли я хороший двухместный автомобиль и моя собственная квартира…

Миссис Стеффинс кипела от возмущения, она была настолько ошеломлена, что не могла вымолвить ни слова, а Элинор, пока говорила с Хэдли, лукаво смотрела на нее. “…и я сказала, что это очень мило, при условии, что мне их предложит подходящий человек”. Она рассмеялась. - Потом он сделал прыжок и сказал: “Я бы даже женился на тебе”, но это было так забавно, что я не смог себя контролировать”.

Хэдли внимательно посмотрел на нее.

- Но даже в этом случае, - прервал он ее, когда она собралась продолжить, - что заставило вас подумать, что Гастингс может быть

в

в доме? Обычно он не заходил, не так ли? И как, по-вашему, он мог попасть внутрь, если дверь была заперта?

- О, ну что ж…

…

это! Замок, видите ли, на пружине. Его можно открыть с другой стороны, просто повернув защелку. И, видите ли, Дон так глуп в некоторых вопросах, что, возможно, у него даже хватило ума войти.

Хэдли взглянул на доктора Фелла, который что-то рассеянно пробормотал, и повернулся обратно.

— Вы хотите сказать, мисс Карвер, что замок устроен так, что любой — например, грабитель - может проникнуть внутрь с крыши? А как насчет люка на самой крыше?”

Она нахмурилась. “Ну, если подумать, там когда-то был засов, ржавый такой, и однажды ночью, когда я пыталась встать, его заклинило, так что Дон выдернул его целиком.

…”

- Он действительно это сделал, - сказала миссис Стеффинс с такой холодной яростью в голосе, что казалось, будто она подтверждает свои слова. - Он действительно это сделал? Тогда, я думаю, мне будет что рассказать полиции об этом умном молодом человеке, который ни с того ни с сего…

Хэдли повернулся к ней. - Это ваши доказательства, миссис Стеффинс, - резко перебил он, - которые мне сейчас нужны. Я хочу получить объяснение. Вы знаете, — он сунул руку под бумаги на столе и внезапно вытащил сверкающую стрелку часов, - что сегодня ночью вот этим был убит человек?

- Я не хочу этого видеть, что бы это ни было!

“И вы понимаете, что следы этой краски, вероятно, остались бы на руках или одежде убийцы?”

“Неужели? Я не хочу, чтобы на меня так смотрели. Я не потерплю, чтобы вы обращались ко мне подобным образом, и я не позволю вам заманить меня в ловушку и заставить признать, что 7-й вообще что-то сказал”.

Хэдли бросил стрелку часов на стол и наклонился вперед.

“Вам придется ответить, - сказал он, - по поводу следов, оставшихся в пустом тазу для умывания, который сержант Беттс нашел в вашей спальне. Там есть следы мыла, а также следы позолоченной краски.

Ну что?”

Глава 11

Самозванец

Мелсон, проживший в счастливом браке девять лет, еще ни разу не был свидетелем настоящего женского истерического припадка. От его пронзительности ему стало не по себе, но это было не главное. То, что Миллисент Стеффинс сказала в течение следующих десяти минут, он старался запомнить навсегда, как пример изощренного хода мыслей невротичной, возможно, опасной женщины, абсолютно лишенной чувства юмора и живущей в опасном начале пятидесятых.

Ей никогда не приходило в голову (он был готов поклясться), что ее могут всерьез заподозрить в преступлении. Ее воображение, когда она рассматривала вещи, в которых ее могли серьезно обвинить, не выходило за рамки предположения об эгоизме или мелкой лжи. Если бы ее нашли с пузырьком яда в доме, где от этого яда умерло полдюжины человек, это показалось бы ей просто несчастливым случаем. Поскольку несчастливые обстоятельства всегда были связаны с

причиненные другими людьми, и она всегда была втянута в них либо по злому умыслу, либо по недомыслию этих других людей, тогда она должна объяснить и это, осудив ответственного за это человека.

Ее первыми связными словами на этот счет были гневные выпады против Хэдли и Йоханнуса Карвера. Во-первых, он, очевидно,

считал ее неэффективной, неряшливой экономкой, которая не следила за чистотой умывальников, и посылал своих офицеров рыться в комнатах. Вторая причина заключалась в том, что Карвер была виновницей всех неприятностей — в ее росписи фарфора и керамики.

По ее словам, она рисовала керамику, и всегда утверждалось, что у нее получаются прекрасные работы (цитируя авторитетные источники), пока этот факт не был использован как повод ужалить ее. Но она больше не хотела рисовать. Этим вечером она работала над вазой, украшенной позолоченными гортензиями, и у нее сильно разболелась голова от напряжения, вызванного ее самоотверженной преданностью делу. Карвер знал об этом. Карвер поощрял ее в этой работе с тех пор, как много лет назад впервые предложил ей заняться ею. Сегодня вечером, когда он бессердечно отправился спать, он увидел, как она работает масляной краской, тюбик которой стоил один шиллинг и три пенса и которую разбавляли скипидаром в мисочке. Она купила ее на свои карманные деньги. Но поскольку Карвер не только не ценил ее бережливость по отношению к дому, когда вероломно уговаривал ее заняться живописью, но даже вступил в сговор с полицией, чтобы обвинить ее в убийстве грязного бродяги, то.

..

Это было неприятное дело, неприятность которого заслоняла смехотворную сторону. Для нее это было совершенно реально (или так казалось). И на этот раз это не произвело того эффекта, который, как предполагал Мелсон, обычно производился в этом доме. События приняли такой размах, что теперь потребовалось бы нечто большее, чем истерика, чтобы успокоить окружающих. Когда она украдкой вытирала глаза, вы заметили покойного инспектора Эймса."

Она улыбнулась. - Сегодня ночью многое было раскрыто. Так что я не против признать, что я его двоюродный брат. По крайней мере, этого будет достаточно

некоторые

хорошо, если это убедит нашу маленькую Нелл в том, что у нее больше нет причин для ревности. В ее глазах промелькнуло презрение, но она скрыла его и стала рассматривать свою сигарету. - Моя мать была сестрой Карлтона Хоупа, или Хоуп-Гастингса, человека, которого они подыскали

__”

- Приземлился?

Она отдернула сигарету от губ. Мелсон снова увидел острые зубы. - Он был виновен в растрате этих денег не больше, чем вы. Менее виновен, если вы работаете в полиции. А вы? Она внимательно осмотрела его, и на ее лице появилась улыбка. - Я сделаю вам комплимент, сказав, что вы так не выглядите. Они не смогли найти жертву и поэтому подставили его. Затем они поняли, что никогда не смогут осудить его в открытом судебном заседании, поэтому.

..”

Она швырнула сигарету в камин. Затем принялась быстро расхаживать взад и вперед, обхватив себя руками, как будто ей было холодно.

“Дону, - добавила она, - тогда было всего восемь, а мне тринадцать, так что я знаю об этом гораздо больше. Самое смешное, что Дон действительно верит в виновность своего отца — это потому, что его мать воспитала его в этом убеждении; и он болезненно относится к этому, настолько болезненно, что скрывает все отношения, а когда я приехала сюда, и он влюбился в Элеонору, он даже не позволил этому случиться все знали, что мы родственники, из страха, что Стеффинс каким-то образом узнает об этом. И все же он люто ненавидел полицию. В то время как я прекрасно знаю, что дядя Карлтон был невиновен, и я. .

.”

Она остановилась и устало пожала плечами. “Ничего хорошего не происходит, не так ли? Некоторые из них нечестны, а некоторые, осмелюсь сказать, честны, но в любом случае я мало что могу с этим поделать. Я, по-моему, немного фаталист.

Доктор Фелл сдул с носа ленту от очков и дружелюбно хмыкнул.

“Вы, конечно, можете быть фаталистом, - признал он, - хотя, возможно, не совсем понимаете, что означает этот термин. Когда человек говорит, что он фаталист, он очень часто имеет в виду просто то, что он слишком ленив, чтобы попытаться изменить ход событий; в то время как я, скорее, подозреваю

похоже, вы боец, мисс Хан.

дрет. На его подбородке заиграли желваки, а маленькие глазки заблестели. - А теперь скажите мне, когда вы увидели, что инспектор Эймс обнюхивает вон тот паб, что вы на самом деле подумали?

Она заколебалась, как будто передумала, и сделала жест в знак признательности. Она призналась:

“Честно говоря, я заволновалась. Я знала, что ничего не сделала, но…! Это было из-за его присутствия там, вот и все”. Она пристально посмотрела на него. “Почему

был

он действительно здесь?”

Она замолчала, когда Хэдли, с трудом сдерживая волнение, от которого у него сводило челюсти, ввел миссис Стеффинс и Элинор. Обе раскраснелись. Миссис Стеффинс, покачивая головой и не глядя на Элинор, а уставившись прямо перед собой, как будто быстро делилась доверием с одной из стеклянных витрин, продолжала свой монолог, почти не разжимая губ.

— …недостаточно, - продолжала она в манере чревовещателя, заливаясь краской, - чтобы совершить обычное обольщение на самой крыше этого дома, где любой мог бы это увидеть, разбить сердце твоему бедному опекуну, в то время как он из кожи вон лезет ради тебя, и сохранить все, до последнего пенни, из тех денег, что ты зарабатываешь, но никогда не жертвуешь и полпенни на содержание этого дома, где я вкалываю до изнеможения, — короткий выдох, — на крыше, у нас над головами, на глазах у соседей, и я предупреждаю тебя, что никогда не переживу этого. до тех пор, пока я не окажусь на смертном одре, — тут в ее глазах заблестели слезы, — и ты, возможно, иногда немного думаешь о нас, но так ли это на самом деле? Нет, и не только это, — сказала миссис Стеффинс, внезапно переходя в наступление и резко оборачиваясь, - вы просите, чтобы вашего любовника продержали всю ночь в этом доме, после того как вы намеренно оказались на этой крыше…

- Гнида. В этих зданиях, - сказала Элинор с деловитой практичностью, - в основном офисы, и кого там можно увидеть? Я это выяснила.

Миссис Стеффинс стала холодно-мрачной.

“Очень хорошо, моя юная леди. Все, что я могу сказать, это то, что он не остановится

здесь.

Конечно, именно вам следовало бы обсудить все это при посторонних, - заметила она, бессознательно повышая голос в явной надежде заручиться поддержкой кого-нибудь из присутствующих, - но раз уж вы это делаете, я могу заверить вас, что он на этом не остановится. Куда нам его поместить? Только не с мисс Хэндрет, уверяю вас. Ха-а-а, нет! - воскликнула миссис Стеффинс, качая головой и улыбаясь мрачной, натянутой улыбкой, как будто она видела коварный и зловещий замысел, но была достаточно проницательна, чтобы помешать ему. “Ха, нет, только не с мисс Хэндрет, уверяю вас”.

“Отведите его в комнату Криса Пола, конечно! Крис не будет возражать”.

“Мы ничего подобного делать не будем. — Кроме того, - она заколебалась, - комната занята, так что вы видите

…”

“Занята?” спросила Элинор.

Миссис Стеффинс плотно сжала губы. Хэдли, который по какой-то своей тайной причине позволял им разговаривать, вмешался:

“Я

вас это интересует, миссис Стеффинс. Он стал резок. - Похоже, произошло какое-то недоразумение. Нам сказали, что мистер Полл в отъезде, и, конечно, никто не занимал его комнату. Если кто-то еще там, он, должно быть, оглох или умер. Кто это?”

Перемена была столь же поразительной, сколь и быстрой. Только что она стояла, втянув голову в плечи, и кипела от злости; в следующее мгновение на некогда красивом лице появились совершенно новые морщины, словно результат работы одного из тех художников-молниеносцев, которые рисуют углем на сцене. Из-под складок и впадинок на ее слегка потемневшем лице сверкали идеальные зубы. Широкая улыбка, ослепительная улыбка до зубов; осуждающее выражение фиалковых глаз; другой, вкрадчивый разворот широких плеч, подчеркивающий очарование. Даже ее голос приобрел другой тембр. И, пытаясь

напустить на себя очарование, она впервые выглядела довольно зловеще.

“Но, конечно, это, должно быть, вылетело у меня из головы”, — сказала она голосом, полным нетерпеливых культурных интонаций, который звучал так, словно кто—то пародировал Би-би-си. “Почему, мой дорогой мистер… мой дорогой инспектор, кто мог быть в комнате дорогого мистера Поула, кроме самого дорогого мистера Поула?”

Элинор подозрительно посмотрела на нее. “ой? Джей не знал, что он здесь. И у него чуткий сон. Он, конечно, был бы

…”

- Конечно, моя дорогая. Вы знаете о них всех, не так ли? - спросила миссис Стеффинс, быстро поворачивая голову, чтобы посмотреть. - Но я действительно не думаю, что его нужно будить. Я не думала, что было вообще необходимо говорить об этом Йоханнусу, Элеоноре или даже его подруге мисс Хандрет. И я действительно считаю, что молодому человеку так приятно состоять в хороших клубах, не так ли? потому что тогда они оказываются с действительно хорошими людьми, понимаете, и не ходят в эти грязные, мерзкие пабы или в другие клубы, где, как говорят, брошенные женщины танцуют самым безнравственным образом, — быстрый вдох, — хотя, конечно, если они находятся в клубах и общаются с представителями знати— возможно, вы знаете поместье сэра Эдвина, Роксмур, в Девоне; три часа пятнадцать минут на хорошем поезде — тогда, возможно, они

будет

посиди еще немного за закусками, и я прекрасно пойму

…”

Доктор Фелл хлопнул себя по лбу. - Понял! - прогудел он с внезапным вдохновением. - Наконец-то я начинаю понимать это! Вы хотите сказать, что он парализован от пьянства?”

Миссис Стеффинс назвала это вульгарным и опровергла. Под давлением она согласилась

признала, что Кристофер Полл

, с замечательным грузом на борту, прибыл около половины

восьмого того же вечера, что по какой-то таинственной причине он вошел через заднюю дверь и что она нашла его сидящим на лестнице в безутешном настроении. Она помогла ему подняться, никто другой не знал о его присутствии, и, насколько ей было известно, он все еще был в своей комнате. Она огрызнулась на Элинор за то, что та заставила ее рассказать об этом сейчас, после чего надулась. Хэдли подошла к двери и дала указания сержанту Беттсу. Когда он вернулся, что-то про выражение его

лицо покорил даже Миссис Steffins'

очарование. Ее словоохотливость иссякла, и она, казалось, готовилась к истерике, если дело примет неприятный оборот.

- У меня к каждой из вас есть несколько важных вопросов, - сказала Хэдли, по очереди посмотрев на трех женщин. Лючия держалась непринужденно, Элеонора - вызывающе, а миссис Стеффинс слегка шмыгала носом. - Присаживайтесь, пожалуйста. Он подождал, пока Мелсон отодвинет стулья, затем сел сам и сложил руки на груди. - Уже поздно, и я не задержу вас сегодня надолго, но я бы хотел, чтобы вы все были абсолютно уверены в том, что говорите. Мисс Карвер.

Наступила пауза, пока он просматривал свои записи. Элинор выпрямилась.

- Мисс Карвер, насчет той двери, ведущей на крышу. Сегодня вечером она была заперта, а вы говорите, что обычно она заперта. Теперь у нас есть основания полагать, что сам убийца был на крыше этой ночью через несколько минут или сразу после нанесения удара ножом.— У кого есть ключ от этой двери?"

Кто-то из группы ахнул, но они стояли спиной к Мелсону, и он не мог сказать, кто именно. Он незаметно обошел вокруг, чтобы видеть их.

"Я

сделал

возьми его, - ответила Элинор. - Теперь, когда вы в курсе всего дела, я не против рассказать вам. Кто-то украл его у меня.

- Завтра он будет заперт на висячий замок. Заперт на висячий замок и заколочен гвоздями, — яростно выпалила миссис Стеффинс, но взгляд Хэдли заставил ее замолчать.

- Когда его украли, мисс Карвер?

— Я… не знаю. Видите ли, я обычно храню его в кармане этого пальто. Она дотронулась до кожаного автомобильного пальто. - Я думала, оно у меня сегодня вечером. Я— когда я надевала пальто сегодня вечером, я даже не потрудилась убедиться, что оно на месте. Наверное, я, должно быть, сунул руку в карман, когда выходил; знаете, машинально; но у меня в кармане были носовой платок, пара перчаток, несколько монет и тому подобное, так что, когда я их не почувствовал, я просто предположил, что они где-то среди них. Я не обнаружила, что он исчез, пока не поднялась наверх.

..

поднялась наверх в первый раз. Она испытывала трудности, разрываясь между гневом и страхом.

“В первый раз?”

“да. Когда эти двое, - она кивнула в сторону доктора Фелла и Мелсона, - вошли и увидели меня, это было во второй раз. Признаюсь, в первый раз я поднялась наверх минут за пятнадцать до этого — я точно помню, потому что часы показывали без четверти двенадцать. Я пришла рано, потому что дом был заперт рано, и, естественно, я была уверена, что все уже легли спать

…

О, перестаньте так на меня смотреть! - она замолчала и сердито посмотрела на миссис Стеффинс. Затем ее отяжелевшие веки дрогнули, и она продолжила с тихим вызовом, глядя в лицо Хэдли. - Итак, я поднялась наверх в темноте, а потом обнаружила, что у меня нет ключа. Я подумала, что потеряла его. Поэтому я спустился вниз и обыскал свою комнату, и чем больше я искал, тем больше терялся в догадках.

конечно

Я положила его в этот карман и подумала…” — “Ну что, мисс Карвер?”

“Кто-то сыграл со мной грязную шутку”, - яростно ответила она. Она смотрела прямо перед собой, сжимая и разжимая ладони. “Мне было весело

определенный,

потому что я вспомнил, что в прошлый раз держал его на одном пальце перчатки — на случай, если кто—нибудь придет и будет что-то вынюхивать, как это часто бывает, - и, в любом случае, у меня такая привычка обращаться с ключами. Так что я не знала, что делать. Я снова вышла в коридор и к тому времени увидела свет наверху и услышала… ну, вы понимаете.”

“да. Мы вернемся к этому чуть позже. Когда вы в последний раз видели ключ?”

“В прошлое воскресенье вечером”.

“И ваша комната не заперта?”

“О нет. Запирать двери, - сказала она и резко рассмеялась, - запрещено никому, кроме Джея”.

— Я не вижу причин, — вмешалась миссис Стеффинс, вздернув плечи и изобразив на лице какое-то глухое изумление, - я действительно не вижу причин, почему тридцатилетняя женщина, у которой есть собственное жалованье, а жалованье, я уверена, больше, чем я когда-либо мечтала, спрашивает, была ли я компаньонкой и

доверенное лицо

для такой великолепной, утонченной женщины, как дорогая покойная Агнес Карвер, хотя, несомненно, у вас разные представления о работодателе в театральной профессии — почему тридцатилетняя женщина вообще должна оставаться здесь, если ей это не нравится после всей той благодарности, которую она должна испытывать.

Элинор повернулась. Нежное личико покраснело еще сильнее.

- Ты знаешь, почему это так, - с горечью сказала она. — Ты ползаешь повсюду со всеми своими разговорами и слезами; и как я могла быть такой неблагодарной по отношению к опекуну, который спас меня от прихода, когда у меня не было родителей и мы были так бедны — ты лжец, и тебе нужны были деньги, и…

..

О, я знаю, кто ты, и мне это надоело! Я многому научился сегодня

вечером, и я был сентиментальным ослом, выдающим желаемое за действительное, но с этого момента

..

. !”

Хэдли позволил ей продолжать, потому что знал, что такие вещи порождают у свидетелей удивительную откровенность. Теперь он вмешался::

- Мы вернемся к тому второму визиту наверх, мисс Карвер. Когда вы услышали, как Боскомб сказал: “Боже мой, он мертв”, и увидели кого—то, лежащего на полу в тени двери, — он быстро взглянул на нее, - вы подумали, что это кто-то из ваших знакомых, не так ли?”

“да.” Некоторое колебание. “Я не знаю, как вы об этом догадались, но я так и сделал. Дональд”.

“И вы тоже думали, что Боском убил его?”

“Я… да, думаю, что так оно и было. Я… Это было ужасно, и это было первое, о чем я подумала…

“почему?”

- Он ненавидит Дональда. Он обходил меня стороной, что ужасно забавно, потому что ему потребовалось так много времени, чтобы сказать, что он имел в виду; он нервничал или что-то в этом роде, и, наконец, он подошел ко мне, полный решимости быть, о, таким дьявольским; он положил руку мне на колено и спросил, не хочу ли я хороший двухместный автомобиль и моя собственная квартира…

Миссис Стеффинс кипела от возмущения, она была настолько ошеломлена, что не могла вымолвить ни слова, а Элинор, пока говорила с Хэдли, лукаво смотрела на нее. “…и я сказала, что это очень мило, при условии, что мне их предложит подходящий человек”. Она рассмеялась. - Потом он сделал прыжок и сказал: “Я бы даже женился на тебе”, но это было так забавно, что я не смог себя контролировать”.

Хэдли внимательно посмотрел на нее.

- Но даже в этом случае, - прервал он ее, когда она собралась

продолжить, - что заставило вас подумать, что Гастингс может быть

в

в доме? Обычно он не заходил, не так ли? И как, по-вашему, он мог попасть внутрь, если дверь была заперта?

- Ну что ж

…

это! Видите ли, это пружинный замок. Вы можете открыть его с другой стороны, просто повернув защелку. И, видите ли, Дон настолько глуп в некоторых вопросах, что, возможно, у него даже хватило ума прийти сюда.

Хэдли взглянула на доктора Фелла, который что-то рассеянно пробормотал, и отвернулась.

“Вы хотите сказать. Мисс Карвер, замок устроен так, что любой — например, грабитель — может проникнуть внутрь с крыши? А как насчет люка на самой крыше?

Она нахмурилась. - Ну, если подумать, там когда-то был засов, ржавый такой, и однажды ночью, когда я пытался встать, он застрял, так что Дон выдернул его целиком.

…”

- Он действительно это сделал, - сказала миссис Стеффинс с такой холодной яростью в голосе, что казалось, будто она подтверждает свои слова. - Он действительно это сделал? Тогда, я думаю, мне будет что рассказать полиции об этом умном молодом человеке, который ни с того ни с сего…

Хэдли повернулся к ней. - Это ваши доказательства, миссис Стеффинс, - резко перебил он, - которые мне сейчас нужны. Я хочу получить объяснение. Вы знаете, — он сунул руку под бумаги на столе и внезапно вытащил сверкающую стрелку часов, - что сегодня ночью вот этим был убит человек?

- Я не хочу этого видеть, что бы это ни было!

“И вы понимаете, что следы этой краски, вероятно, остались бы на руках или одежде убийцы?”

“А они остались бы? Я не хочу, чтобы на меня так смотрели. Я не хочу, чтобы вы обращались ко мне подобным образом, и я не потерплю, чтобы вы

ты заманиваешь меня в ловушку, заставляя признать, что я

вообще что-то сказала.

Хэдли бросила стрелку часов на стол и наклонилась вперед.

“Ты будешь

вам придется ответить, - сказал он, - по поводу следов, оставшихся в пустом тазу для умывания, который сержант Бертс нашел в вашей спальне. Там есть следы мыла, а также следы позолоченной краски.

Ну что?”

Глава 11

Самозванец

Мелсон, проживший в счастливом браке девять лет, еще ни разу не был свидетелем полноценного приступа женской истерики. Сама по себе ее пронзительность заставляла его чувствовать себя неуютно, но это было не главное. То, что Миллисент Стеффинс сказала в течение следующих десяти минут, он старался запомнить навсегда, как пример изощренного хода мыслей невротичной, возможно, опасной женщины, абсолютно лишенной чувства юмора и живущей в опасном начале пятидесятых.

Ей никогда не приходило в голову (он был готов поклясться), что ее могут всерьез заподозрить в преступлении. Ее воображение, когда она рассматривала вещи, в которых ее могли серьезно обвинить, не выходило за рамки предположения об эгоизме или мелкой лжи. Если бы ее нашли с пузырьком яда в доме, где от этого яда умерло с полдюжины человек, это просто показалось бы ей несчастливым стечением обстоятельств. Поскольку несчастливые обстоятельства всегда оказывались

причиненные другими людьми, и она всегда была втянута в них либо по злому умыслу, либо по недомыслию этих других людей, тогда она должна объяснить и это, осудив ответственного за это человека.

Ее первыми связными словами на этот счет были гневные выпады против Хэдли и Йоханнуса Карвера. Во-первых, он, очевидно, считал ее неэффективной, неряшливой домработницей, которая не следит за чистотой умывальников, и послал своих

полицейских

рыскать по комнатам. Вторая причина заключалась в том, что Карвер была виновницей всех неприятностей — в ее росписи фарфора и керамики.

По ее словам, она рисовала керамику, и всегда утверждалось, что у нее получаются прекрасные работы (цитируя авторитетные источники), пока этот факт не был использован в качестве средства, чтобы ужалить ее. Но она больше не хотела рисовать. Этим вечером она работала над вазой, украшенной позолоченными гортензиями, и у нее сильно разболелась голова от напряжения, вызванного ее самоотверженной преданностью делу. Карвер знал об этом. Карвер поощрял ее в этой работе с тех пор, как много лет назад впервые предложил ей заняться ею. Сегодня вечером, когда он бессердечно отправился спать, он увидел, что она работает масляной краской, тюбик которой стоил один шиллинг и три пенса и которую разбавляли скипидаром в мисочке. Она купила ее на свои карманные деньги. Но поскольку Карвер не только не ценил ее бережливость по отношению к дому, когда вероломно уговаривал ее заняться живописью, но даже вступил в сговор с полицией, чтобы обвинить ее в убийстве грязного бродяги, то.

..

Это было неприятное дело, неприятность которого заслоняла смехотворную сторону. Для нее это было совершенно реально (или так казалось). И на этот раз это не произвело того эффекта, который, как предполагал Мелсон, обычно производился в этом доме. События приняли такой размах, что теперь потребовалось бы нечто большее, чем истерика, чтобы успокоить окружающих. Пока она украдкой вытирала глаза после грозы и оглядывалась по сторонам из-под припухших век, Элинор оставалась невозмутимой, а Люсия Хандрет смотрела на нее устало-презрительным взглядом сквозь дым новой сигареты. Но Мелсон смутно чувствовал, что за всей этой заварухой кроется более глубокая причина. .

..

- Извините, если это огорчает вас, миссис Стеффинс, - сухо сказал Хэдли. - Если краска попала оттуда, это легко доказать. Но пока я вынужден настаивать на том, чтобы вы ответили еще на несколько вопросов. Предположим, вы расскажете мне обо всем, что делали сегодня вечером, с того момента, как мистер Крейвер запер дверь, поговорил с вами, пока вы рисовали, и поднялся наверх."

Она была вялой, с видом мученицы, которая сейчас ни о чем не беспокоится, и из-под носового платка виднелись ее заплаканные глаза.

"Я… я работала примерно до половины одиннадцатого", — ответила она, и слезы навернулись у нее на глаза, когда она подумала об этом. Она вытерла их. "Я была слишком уставшей, чтобы даже отложить свою работу, что я всегда делаю в противном случае. Я… — тут ей что—то пришло в голову, и она закрыла глаза, прежде чем отрывисто продолжить, - я думаю, вы могли бы оставить меня в покое. Я ничего не знаю о вашем ужасном старом убийстве. После этого я легла спать и, естественно, вымыла руки после того, как на них попало немного краски. Я больше ничего не знала, пока не услышала шум снаружи, люди поднимались по лестнице и разговаривали. Итак, я высунул голову за дверь и, судя по тому, что я услышал, это было наверху, и Элинор была там и разговаривала с тем тучным джентльменом

…"

Доктор Фелл просиял и склонил голову, это было самое скромное описание, которое он, вероятно, слышал за последнее время; но она с готовностью восприняла это как жест союзника.

"…да, вы согласитесь со мной, я знаю. Ну, я понял, что грабитель был ранен или убит, или что-то еще пыталось проникнуть в дом, и это было ужасно, особенно потому, что Элинор была там раньше всех этих мужчин, на которых почти ничего не было; но я не знал

что

что-то случилось, и я собиралась окликнуть ее, но не стала, а просто оделась".

Она так резко остановилась, всхлипывая, что Хэдли подождала, пока она продолжит. Но, похоже, это был конец.

- Вы потрудились полностью одеться, - подсказала Хэдли, - прежде чем выйти, чтобы выяснить, что случилось?

Она рассеянно кивнула; затем напряглась, когда вопрос, казалось, пришел ей в голову, и сжала губы. - Я, несомненно, так и сделала.

“А теперь один очень важный вопрос, миссис Стеффинс”. Хэдли медленно поднял глаза. “Вы случайно не помните вторник, который был неделю назад — вторник двадцать седьмого августа?”

Миссис Стеффинс, явно пораженная до глубины души, перестала вытирать глаза. Затем ее лицо исказилось от боли; она сглотнула и воскликнула: “Вы выбираете все это только ради удовольствия помучить меня?

Однако

знаете ли вы, что Гораций… это был день его похорон. Он умер двадцать четвертого; двадцать четвертого августа тысяча девятьсот двенадцатого года, в тот год, когда

Титаник

скончался, а похороны состоялись двадцать седьмого в Стоук-Брэдли в Баксе. Я никогда не забуду тот день. Вся в-виллидж…

— Тогда, - мрачно сказал Хэдли, - если это был день смерти вашего мужа, вы наверняка помните…

- Мой покойный муж, - перебила миссис Стеффинс, и ее губы скривились, несмотря на слезы, которые снова навернулись на глаза, - был подлецом и подонком, хотя я никогда не стану плохо отзываться об умерших. Он начал пить и погиб на войне. Я не имел в виду мистера Стеффинса.

Я

имел в виду своего бедного брата Горация, который был ей как муж

мне….

Так много людей, которых я знал, умерли. Мне даже грустно об этом думать. В годовщины я люблю, чтобы мои близкие были рядом, чтобы я мог их утешить. Конечно, я помню вторник

неделю назад. Мы с Йоханнусом пили чай в этой самой комнате. Я хотел собрать всю семью, но, конечно, в таком случае Элеонора

было бы

опаздываю.

Тихо заметила Лючия Хандрет.:

“Теперь я начинаю это понимать. Вторник был тем днем… Этот бедняга… и часы. Так, так”.

Хэдли проигнорировал это и, не отрывая взгляда от миссис Стеффинс, быстро продолжил: - Вы с мистером Карвером пили здесь чай. В котором часу?

- Да, было довольно поздно. Было около половины пятого, а на самом деле прошло несколько часов, когда мы встали из-за стола, как, вы знаете, всегда бывает, когда начинаешь говорить о старых друзьях. Да, я помню, потому что было половина седьмого, когда я позвонила Китти, чтобы она убрала со стола, а Элинор еще не пришла”.

“Китти - это горничная? Точно…. Мисс Хэндрет, не могли бы вы рассказать нам, где вы были в тот день, скажем, между половиной шестого и шестью часами?

Казалось, она пыталась решить, как именно ей следует вести себя. Но когда она ответила, ее голос был бесцветным, с подобающими случаю нотками вежливого внимания, и она не поднимала на него глаз, пока не закончила.

“Вторник, двадцать седьмое. Был в тот день дождь или нет? Я думаю, это было в тот день, когда я был на коктейльной вечеринке в Челси.

“Как зовут людей, которые устраивали вечеринку?”

“Спокойно, инспектор. Вам не нужно это записывать. Довольно сложно сказать сразу, не так ли? Она нахмурилась и ссутулила плечи, словно баюкая сигарету. “Я загляну в свой дневник и дам тебе знать наверняка”. Она подняла глаза. - Но в одном я уверен. Меня не было поблизости от заведения Гэмриджа.

- Ну,

Я

был, - сказала Элинор неожиданно и с такой непринужденностью, что Мелсон подпрыгнул. - А как насчет “Гэмриджа”, кстати? Вы имеете в виду тот день, когда кто-то убил того беднягу и стащил все драгоценности с витрины? Я, должно быть, был там, когда это случилось, хотя я ничего об этом не знал и ничего не слышал, пока на следующий день не прочитал в газете.” Она, казалось, почувствовала некоторую тревогу по выражению лиц окружающих ее людей и нервно остановилась. “Что из этого? Какое это имеет отношение к

нам?”

Хэдли была озадачена. Он переводил взгляд с одного из них на другого с несколько диким выражением на лице, а затем перевел его на доктора Фелла, который, казалось, и сам чувствовал себя не в своей тарелке. Кто-то, подумал Мелсон, был великолепным лжецом. Лгунья с такой ловкостью, что Хэдли пролаяла что—то в ответ на стук, и сержант Беттс заколебался, увидев, что комната полна людей.

“Ну?” потребовал раздраженный старший инспектор. “Говорите громче. В чем дело?”

- Насчет того пьяного парня

…”

- С сомнением начала Беттс.

“да?”

- Он точно там, сэр. Я слышу его храп через замочную скважину. Но я не добиваюсь никакого результата, стуча в дверь, а он запер ее на засов. Может, мне устроить скандал, взломать дверь или еще что-нибудь в этом роде?”

“нет. Оставь его пока в покое. Да, что еще?”

“Только что через служебную дверь внизу вошла старая знакомая, и с ней симпатичная маленькая девочка. Старая знакомая говорит, что она экономка. Она выпила свою порцию крепкого и стала дружелюбной. Вы хотите ее видеть?”

“Да, хочу. У нас их будет много, - мрачно сказал Хэдли, - и эти

двое будут последними. Сейчас мы разберемся с этим делом. Пришлите их сюда, Беттс. Не упоминайте, что произошло, просто скажите, что произошла кража со взломом.

Он жестом призвал остальных к тишине, чтобы они подождали. Мелсон поймал себя на том, что с некоторым напряжением ожидает прибытия миссис Горсон и Китти Прентайс, как своего рода последней призрачной надежды, но их появление стало кульминацией. По его мнению, это давало мало надежды подозреваемым. Они оба вошли в некотором волнении, миссис Горсон - с наигранной поспешностью. Это была женщина крепкого телосложения, которая, возможно, когда-то была настоящей красавицей, но теперь от нее осталась только приветливость. На ней была шляпа с перьями, которая изгибалась, как на американских горках; у нее были выразительные, немного навыкате карие глаза, как у духовной коровы; а отсутствие передних зубов подчеркивалось одним или двумя оставшимися верхними. Ее самая

выдающаяся манера говорить была

она запрокидывала голову и медленно наклоняла ее вперед, не сводя глаз со слушателя, в то время как ее голос звучал глухо и драматично, как будто кто-то имитировал шум ветра. Жесты были уместны.

- Я вижу, у вас на месте полиция, мэм, - любезно обратилась она к миссис Стеффинс, как будто речь шла о светском рауте, а затем продолжила в своей драматической манере. - Это ужасно, хотя мне сообщили, что ничего не было украдено. Я должен принести наши извинения за столь неожиданное опоздание. Дело в том, что наш омнибус столкнулся с грузовиком на Фулхэм-роуд, во время чего пилот и кондуктор омнибуса поссорились с водителем грузовика, и это были ужасные слова".

- О-о-о! - согласилась Китти, энергично кивая. Ее лицо раскраснелось, а шляпка съехала набок.

- Я никого из вас надолго не задержу, - сказала Хэдли.

случайно. "Я здесь главная, и я должна задать вам один или два вопроса по форме. Как вас зовут?"

"И нам пришлось идти домой пешком. Генриетта Горсон. Два "против", - дружелюбно добавила она, увидев, что Хэдли записывает это.

“Как долго вы живете в этом доме?”

“Одиннадцать лет”. Когда она запрокинула голову, поднялся ветер. “Я не всегда была такой, какой ты видишь меня сейчас”, - сказала она, качая головой с грустной ностальгией. “Я ходила по доскам”.

“Да, да. А теперь, миссис Горсон, я хотела бы услышать полный отчет о ваших передвижениях этим вечером.

- Это то, что полиция хотела бы знать? Не так ли? - восхищенно спросила миссис Горсон. Уверяю вас, мы прекрасно провели вечер. В “Лайонсе” мы встретили верного рыцаря Китти, мистера Альберта Симмонса. Затем мы отправились в павильон “Мраморная арка”, чтобы посмотреть музыкальный фильм - легкую романтическую комедию,

“Принцесса Утопии”. Ансамбль

было прекрасно. Я бы не сказала, - заметила миссис Горсон, с видом знатока сложив руки на груди, - что развитие сюжета подчеркивало три драматических принципа: единство и взаимовыгодность.

присутствие и акцент, но совокупность

е

было чудесно.”

- О-о-о! - согласилась Китти, энергично кивая.

- Вы были вместе весь вечер?

- Да, действительно. После этого мы направились к дому Альба

родители Эрта в Фулхэме и Ри

просто удивительно, что мы не замечали, как летит время, до самой полуночи, когда

…”

- Спасибо, - пробормотала Хэдли и выглядела еще более обеспокоенной. - Последний вопрос. Вы помните позапрошлый вторник, двадцать седьмого…

— В тот день, Генриетта, - горячо вмешалась миссис Стеффинс, забыв о своих прошлых слезах, - в тот день, о котором я тебе рассказывала, помнишь, о том дорогом Горации…

- В тот день произошло ужасное убийство, - с удовольствием произнесла Китти. - О-о-о!

Измученный старший инспектор наконец-то добыл нужную информацию. В тот день, между пятью и половиной шестого, Китти и миссис Горсон пили чай внизу с мисс Барбер, работавшей по соседству. Китти отнесла чай миссис Стеффинс и Карверу в половине пятого, в начале шестого поднялась наверх с новой порцией горячей воды, а в половине седьмого убрала салфетку. Хэдли сделала последнюю пометку.

- Здесь есть кое-кто, кого вы, возможно, видели в “Герцогине Портсмутской”; возможно, вы даже разговаривали с ним. Этот человек сегодня здесь…. Беттс! - позвал Хэдли, который, очевидно, не собирался терпеть новую истерику. - Отведите их к Эймсу, а затем выслушайте все, что они, возможно, захотят сказать. Это все, спасибо вам.

Когда они ушли, Хэдли снова огляделась.

“Теперь вы все это понимаете. Кто-то в этом доме обвинил одну

из пяти женщин в том, что она была воровкой, убившей продавщицу в магазине “Гэмридж”. Одну из вас обвинили в убийстве, можете ли вы прояснить это? Хорошо? Сейчас я дам обвинителю последний шанс высказаться. Кто это был?

Тишина.

“Кто видел, как женщина сжигала пару окровавленных перчаток? Кто видел бирюзовый браслет и украденные часы у одного из вас?”

Он резко стукнул костяшками пальцев по столу, и это их разбудило.

“Я не понимаю, о чем ты говоришь”, - воскликнула Элинор. “Это первый

Я

слышал об этом. И я, конечно, никого не убивал в том магазине. Если бы я это сделала, неужели вы думаете, что я была бы настолько глупа, чтобы признаться, что была там?”

После первого испуга миссис Стеффинс задумалась.

- Разве это не счастье, - пробормотала она с холодной любезностью, - что вы знаете, где я была весь день в годовщину похорон Горация? Это действительно возмутительно!

- И я также не признаю себя виновной, - вставила Лючия с издевательской улыбкой. - Не волнуйтесь, я обеспечу вам алиби

..

.

Все, что меня беспокоит, - это лжец, который сделал подобное замечание, если кто-то действительно обвинил кого-то из нас, и вы не морочите нам голову.

Хэдли мягко спросила: “Значит, вы позволите нам провести тщательный обыск в ваших комнатах? Прямо сейчас?”

- С удовольствием, - ответила Лючия.

“Я уверена, что не возражаю”, - сказала Элинор, слегка шмыгнув носом. “Ищите, сколько хотите, но не забудьте вернуть все на

свои места”.

Миссис Стеффинс села. - Я не допущу ничего подобного! - воскликнула она, и глаза ее снова наполнились слезами. - Ты будешь искать только через мой труп. Я закричу. Я буду кричать, чтобы

п—III

отнесите это в Министерство внутренних дел, я позабочусь, чтобы каждого из вас уволили, если вы осмелитесь вести себя невыносимо… О, мои нервы! О, неужели вы не можете позволить этому случиться?

..

Кроме того, ааа! Вы знаете, я этого не делал. Вы знаете, где я был. Так по какой причине вы хотите обыскать мою комнату?

Хэдли устало поднялся на ноги.

“На данный момент это все”, - сказал он и махнул рукой. “Нам придется оставить это на сегодня. Сейчас тело унесут, и вы можете идти спать, если хотите.

Но этот последний намек на подозрения уже нанес ущерб; атмосфера в доме, и без того отравленная, стала такой напряженной, что они, казалось, не хотели уходить.Миссис Стеффинс ждала Элеонору, а Элеонора ждала миссис Стеффинс, пока Хэдли не сказала: “Да, что еще?” - и они обе поспешили за ней. вон. Одна только Люсия Хандрет сохраняла бесстрастную веселость. У двери она оглянулась через плечо.

- Что ж, удачи, мистер Хэдли, - кивнула она. - Если вы собираетесь обыскать мою берлогу, я надеюсь, вы поторопитесь. Я хочу лечь спать. Спокойной ночи.

Щелкнула задвижка. На какое-то время напряжение спало. Мелсон сонно сел, и в комнате стало холодно.

- Упал, - сказал Хэдли, - должно быть, я теряю хватку. У меня есть подозрение, что до сих пор я плохо справлялся с этим делом. Убийца здесь; убийца находится под этой крышей и в пределах моей досягаемости в эту минуту. Они все здесь.

Кто из них это?

Доктор Фелл промолчал. Он опирался локтем на трость, а подбородком на большую ладонь. Лента на его очках трепетала на сквозняке, который дул по белой комнате, но это был единственный признак движения. Колокол в Линкольнс-Инн тихо, с краткостью, близкой к завершению, пробил половину четвертого.

12

Пять загадок

Пятница, 5 сентября, выдалась по-осеннему прохладной. Хозяйка постучала в дверь Мелсона, как обычно, в восемь часов, и принесла ему завтрак, не сказав ничего, кроме обычных замечаний о погоде. Хотя она, должно быть, знала о вчерашнем ночном беспорядке, она не связала своего жильца с событиями по соседству. . Что касается его самого, то, поскольку он втайне был склонен беспокоиться о своем здоровье, его удивление тем, что он чувствовал себя бодрым и отдохнувшим всего после четырехчасового сна, вызвало у него довольно дерзкое настроение.

Ему было сорок два; на историческом факультете своего колледжа он был вторым после всемирно известного ученого, возглавлявшего его; у него был хороший дом, он работал с интеллигентными людьми, и ничто не вызывало его гнева, кроме толкователей “Теории преподавания”. Ну что, тогда? Покуривая свою первую после завтрака трубку у открытого окна, он поймал себя на том, что улыбается той загадочной улыбкой, которая, как он подозревал, просто

это означало для его студентов по истории 3a (“Монархические прерогативы и их противники в конституционной истории Англии от гражданских войн до восшествия на престол Вильгельма III”), что старина Мелсон собирается отпустить одну из своих загадочных шуток, и к этому нужно подготовиться.

Он нахмурился, взглянув на свое отражение в зеркале гардероба. “Этакий нелюбопытный Шерлок Холмс”, - сказал Фелл. Что ж, он сам виноват в этой легкой замкнутости, хотя он вовсе не был замкнутым. В молодости он считал, что это необходимо. Если у тебя слишком большая репутация

рассказчика

и хорошего парня, ты можешь быть популярен, но власти не

склонны воспринимать тебя всерьез. Эта чопорность настолько прочно вошла в его репутацию, что он никогда не осмеливался использовать на своих лекциях

фейерверк или нетрадиционную ориентацию

более эффектных преподавателей. Втайне он хотел бы это сделать. Но ему удалось это сделать только однажды. Это была лекция о Кромвеле, и он разнес этого старого негодяя по всему классу с неожиданным красноречием и драматизмом, которые привели его в замешательство. Класс воспринял это сначала в ошеломленном молчании, а затем со сдержанным весельем. Последующие слухи об этом вызывали у него дискомфорт до конца семестра. К нему вернулся сухой кашель, и он больше никогда не пробовал это делать.

Теперь Гидеон Фелл — это было по-другому. Для Фелла подобные вещи были как ладан и порох. Мелсон вспомнил те два семестра, в течение которых доктор Фелл был приглашенным лектором из Англии и был самой шумной фигурой, которая когда-либо возмущала студенческий городок. Он вспомнил раскатистый смех Фелла, широкий жест, которым тот вызывал студента на спор, его манеру разбрасывать свои записи, когда он был взволнован; он вспомнил знаменитые пять лекций Фелла о “Самой

Влияние любовниц королей на конституционное правление”, или не менее знаменитый роман из серии “Королева Анна”, который начинался внезапно и громогласно:

“Взлетели орлы кровавого Черчилля, черные от чести и войны, о

да пребудет с ними вечное проклятие!

“

— и поднял весь класс с мест в конце битвы при Ауденарде.

Теперь он снова оказался фигурантом уголовного дела. За все годы, что Мелсон знал Фелла, он ни разу не видел его за работой над какой-либо из этих головоломок. Один из отличников Мелсона, которому он представил доктора, рассказал Мелсону о деле в тюрьме Чаттерхэм

*

а всего месяц назад газеты были полны сообщений об убийстве в

Деппинге близ Бристоля. На этот раз Мелсон случайно наткнулся на это. Старший инспектор Хэдли дал понять, что не будет возражать против присутствия Мелсона, и, если он сможет успокоить свою совесть за то, что пренебрег историей епископа Бернета, он намерен продолжить расследование.

Черт бы побрал Бернета, который всегда рвался в Шотландию, когда вы хотели, чтобы он остался в Англии. Мелсон посмотрел на заваленный бумагами письменный стол: он почувствовал свободу, проклиная Бернета. Ему вдруг показалось, что, возможно, он все-таки преувеличивает значение Бернета. Фелл пригласил его в комнаты, которые доктор обычно снимал на Грейт-Рассел-стрит, когда работал в Британском музее над материалами для своей великой книги,

Традиции употребления спиртных напитков в Англии с древнейших времен.

Он сказал, что придет позавтракать, если Мелсон сможет, или в любое удобное для него время. Ну что ж, тогда…—

Мелсон взял шляпу и поспешил вниз по лестнице. Проходя мимо дома номер 16, он быстро и с чувством вины взглянул на него. Его белые колонны и стены из красного кирпича успокаивают-

*

Посмотрите на Каргу

Закоулок.

в утреннем свете Несс выглядела совсем по-другому, она была так далека от ужасных событий, что он почти ожидал увидеть Китти, невозмутимо подметающую ступеньки. Но шторы были опущены, и там ничего не шевелилось. Отказываясь ломать голову над этой загадкой, Мелсон свернул в шумное уличное движение Холборна и через десять минут уже поднимался в скрипучем лифте отеля “Диккенс”, расположенного почти напротив Британского музея. Из-за двери доктора Фелла доносились звуки ожесточенного спора, поэтому он знал, что Хэдли уже там.

Закутанный в халат кричащих цветов, доктор Фелл спокойно поглощал один из самых обильных завтраков, которые Мелсон когда-либо видел, в комнате, заваленной книгами. Хэдли, позвякивая ключами в карманах, угрюмо смотрел в окно на толпу зевак, уже собравшуюся у ворот музея.

“Для человека, который живет в Кройдоне, - сказал Мелсон, - вы пришли на работу на удивление рано”.

Хэдли был раздражен. “Остаток ночи после половины шестого, - сказал он, - я провел в Скотленд-ярде. Тот тучный тип, которого вы видите, поглощающим яичницу с беконом, сбежал и оставил меня делать всю грязную работу. Если вы наливаете мне кофе, сделайте его качественным и крепким.

- Я хотел подумать, - спокойно ответил доктор Фелл. - Если этот процесс вам неизвестен, вы могли бы, по крайней мере, рассказать мне, что вы делали. Я такой же, как ты вчера вечером: мне нужны факты, а не ворчание. Что случилось?”

Хэдли передал Мелсону чашку кофе и взял одну себе.

- Ну, во-первых, мы обыскали комнаты каждой женщины в этом доме. Мы ничего не нашли. Но ни Хампер, ни я не являемся большими специалистами в этом, так что это не имеет большого значения. Однако у меня в Скотленд-ярде есть парень, который является первоклассным специалистом в этом деле, и я собираюсь отвезти его туда сегодня утром. Эти дамы так пристально наблюдают друг за другом, что, если одна из них

имеет

если у нее что-то припрятано, у нее не будет шанса избавиться от этого незаметно. И все же—

“Вы тоже обыскали комнату мадам Стеффинс?”

“Да, наконец-то. Остальные устроили такой ужасный скандал, что, я думаю, это напугало ее. Она разрыдалась, сказала, что может продолжать, и, наконец, спросила меня, почему я не перерезал ей горло. С тех пор я все думаю, почему… И знаете, из-за чего произошел скандал? На дне ящика письменного стола у нее была припрятана пара порнографических книг. Я притворился, что не заметил их, и после этого все пошло как по маслу.

“Какие-нибудь проблемы с миссис Горсон и горничной?”

Хэдли хмыкнула. - Что касается обыска их вещей, то это было не так. Девушка стала настоящей проблемой после того, как обнаружила, что было совершено убийство, но миссис Горсон ее успокоила. Мне нравится эта женщина, Фелл, с ней все в

порядке… За исключением того, что она продолжала рассказывать свои истории о привидениях, с большим количеством философских замечаний о жизни и смерти. Если уж на то пошло, она слишком активно помогала мне в поисках. Она откопала все свои старые театральные фотографии и показала мне по меньшей мере целый сборник написанных ею стихов с замечаниями о беззаконии издателей. Оказывается, она написала трехтомный роман и отправила его в крупнейшую лондонскую фирму, а после того, как он был отклонен, они подло исказили сюжет и написали его сами, что было доказано, потому что имя героини было таким же, как и у нее, и книга разошлась миллионным тиражом.

…

Говорю вам, я почувствовал, что у меня не все в порядке с головой.

Он глубоко вздохнул, задумчиво побрякал ключами и добавил:

- Кстати, в вещах миссис Стеффинс была одна странная вещь, о которой я забыл вам рассказать. Я не думаю, что это что—то значит, но после всего этого переполоха из-за позолоченной краски…

- Эй? - сказал доктор Фелл, с любопытством глядя на него.

- Я посмотрел на тюбики с краской, с которыми она работала. Позолоченный был прижат почти вплотную ко рту, как будто она или кто-то другой случайно положил на него руку. Знаете, так иногда делают с тюбиком зубной пасты, и она выплескивается наружу? Она отрицала, что делала это, и сказала, что тюбик был цел, когда она в последний раз им пользовалась

….”

На этом месте рассказа доктор Фелл замер, не донеся вилку до рта, и его глаза сузились. Хэдли продолжила:

- В любом случае, это не имеет значения. Краска, следы которой мы обнаружили в раковине, и краска на стрелке часов совершенно разные. Сержант Хэмпер — он начинал как маляр и утверждает, что является авторитетом, - вчера вечером поклялся в этом. И сегодня утром я получил подтверждение: одно из них - масло, а другое - эмаль. Так что это не так. Но Стеффинс продолжал говорить об этом весь остаток вечера. Избавьте меня, -

яростно воскликнула Хэдли, - от дальнейших дел, в которых замешано слишком много женщин!— Чтобы приятно завершить этот вечер, скажу, что у меня были проблемы со Стэнли, но, по крайней мере, я знал, как с ним обращаться.

Доктор Фелл отложил нож и вилку.

“Что насчет Стэнли?”

“Уотсон сказал, что у него был нервный шок и он ни за что не отвечал. Так что козлом отпущения оказался я. Я отвез его домой в Хэмпстед на такси. В конце концов, черт возьми, - неловко запротестовал Хэдли, - он когда-то служил в полиции, и военная служба пошла ему на пользу. Кроме того. Я должен был расспросить его, понравилось мне это или нет. Но оценил ли он это? Далеко не наполовину!если это можно назвать оценкой. Он стал противным, отказался отвечать на вопросы, начал возмущаться. В конце концов он попытался сопротивляться, и мне пришлось ударить его в челюсть и усыпить до тех пор, пока я не смогу отвезти его домой к сестре”. Хэдли с отвращением махнул рукой и допил свой кофе

чашку и сел. “Когда я вернулся в Скотленд-Ярд, было уже совсем светло, и я надеюсь, что кто-нибудь оценит это”.

“Да, ночка у вас выдалась неплохая”, - признал доктор Фелл с рассеянным одобрением. Он откинулся на спинку стула, удовлетворенно вздохнув, выудил из кармана аляповатого халата свою старую черную трубку и улыбнулся старшему инспектору. - Полагаю, было бы оскорблением спросить вас, научились ли вы чему-нибудь еще с тех пор?

Хэдли потянулся за своим портфелем. - Я собирал все улики, которые Эймс оставил нам по делу об убийстве продавца

…”

- Ага! - воскликнул я.

- А также записи сержанта Престона, который работал с Эймсом над сбором фактов до того, как Эймс ушел в себя. И все же, что меня больше всего озадачивает, так это то, кто из тех пяти женщин в том доме… Они все рассказывали такие чертовски правдивые истории, Фелл! или, по крайней мере, истории из жизни людей. Это поражает меня до такой степени, что мне в голову приходят всевозможные фантастические идеи. Например,

я подумал: “А что, если убийцей у Гэмриджа был мужчина, переодетый женщиной?”

Доктор Фелл посмотрел на него.

- Не тараторь, Хэдли, - строго сказал он. - Я терпеть не могу болтовню. Бог свидетель, у мужчин в доме номер шестнадцать на Линкольнс-Инн-Филдс могут быть свои недостатки, но, по крайней мере, никто из них не стал бы разгуливать в женском наряде. Кроме того…

- Знаю, знаю. Это сразу бросилось в глаза. Похоже, что, когда убийца пытался скрыться, — он порылся в своих бумагах и нашел отпечатанный на машинке текст

уточняю

— “некая мисс Хелен Грей (указан адрес) попыталась схватить ее, чтобы остановить. На женщине под пальто было надето что-то вроде блузки или джемпера, и все это было сорвано с шеи, когда она оторвалась от Грея. И мисс Грей, и двое мужчин, находившихся поблизости, свидетельствуют, что нет никаких сомнений в том, что это была женщина. Эти люди, похоже, с энтузиазмом относятся к этому вопросу. Их показания таковы—

- Тише, тише, Хэдли, - укоризненно сказал доктор Фелл. - Иногда даже скрупулезности Скотленд-Ярда есть предел. Вот чего я не понимаю. Вы хотите сказать, что, несмотря на все это, никто, ни те люди, ни кто—либо другой, не смог дать вам ее сносного описания?”

Хэдли издал неопределенный звук.

“Приходилось ли вам когда—нибудь сталкиваться с толпой взволнованных людей, которые все пытаются дать показания об одном и том же происшествии - например, когда происходит автомобильная авария? Чем больше людей, тем запутаннее история. В данном случае все еще хуже. В общей суматохе и толкотне каждый человек описывал кого-то другого и клялся, что это тот самый человек. У меня есть дюжина описаний, и лишь немногие из них хотя бы отдаленно соответствуют действительности.

“А как насчет мисс Грей и двух кавалеров? На них можно положиться?”

“да. Они единственные настоящие свидетели, которые у нас есть, потому что они на самом деле видели, как было совершено убийство. Хэдли посмотрела на лист бумаги. “Они видели женщину, стоявшую возле прилавка; они были справа и сзади, но у них был хороший обзор. Они увидели, как мимо них прошла продавщица, подошла и, взяв женщину за руку, что-то сказала ей. Она мгновенно развернулась, протягивая другую руку к прилавку рядом с витриной с ювелирными изделиями, которые, к сожалению, оказались столовым серебром. На прилавке было выставлено несколько столовых принадлежностей в коробках, среди которых были вилки для разделки мяса, точильный камень и разделочный нож. Они видели, как она выхватила нож у одного из них; все уверены, что на ней были перчатки. Затем это произошло. Они увидели, как на стеклянной витрине, внутри которой были лампы, выступила кровь, и увидели, как она уронила нож. Она побежала, пригибая голову, и Грей попытался схватить ее, когда продавщица упала. Это наше единственное четкое доказательство.

…

Как раз в этот момент начались крики и беготня.

Мелсон, отставив свой холодный кофе, почувствовал неприятную дрожь. Эта деталь о крови, забрызгавшей освещенную витрину. … Доктор Фелл сказал:

“Хм, да. Это отвратительно. Что вы можете сказать об их описаниях, помимо подробностей физиологии?”

“Как я вам уже говорил, у нее была опущена голова. Грей говорит, что она была блондинкой, довольно молодой. Один из двух мужчин говорит, что она была блондинкой, а другой - брюнетом; видите ли, на ней была плотно облегающая шляпа. Грей говорит, что шляпа была темно-синей, двое мужчин говорят, что черной. Дальнейшие описания… — Хедли нахмурился еще сильнее, переворачивая страницу. “Грей говорит, что на ней был деловой костюм из синей саржи, сшитый на заказ, и белая блузка, но без пальто. Один из двух мужчин считает, что на ней было синее или коричневое пальто, довольно длинное; другой не уверен, какое именно. Но все абсолютно согласны с тем, что белая блузка была порвана.”

Хэдли швырнул бумаги на стол, и доктор Фелл осторожно убрал мармелад подальше от них.

“В этом-то, - заявил старший инспектор, - и заключается вся загвоздка. Почти у любой женщины, которую вы можете найти, в гардеробе обязательно есть что-то из этого или все вместе. История с порванной рубашкой может послужить подсказкой — не могла бы она зашить ее в ванной или что-то в этом роде? Я полагаю, что да. Кроме того, если бы на ней было длинное пальто, она могла бы легко скрыть это. Вчера вечером я не знал об этих деталях, иначе это могло бы мне очень помочь…. Ну? В чем дело?”

- Послушайте, Хэдли, - прогрохотал доктор, с трудом сдерживая волнение, - были ли эти подробности в газетах?

- Вероятно. По крайней мере, они помечены: “Бюллетень для Ассоциации прессы может содержать и т.д.” Говорите, пожалуйста. Какое, черт возьми, это имеет отношение к делу?”

К доктору Феллу начало возвращаться хорошее расположение духа. Он раскурил трубку, и его широкое красное лицо сияло, когда с завтраком было покончено. Но он задумчиво прикрыл один глаз, глядя в трубку.

- План вырисовывается, мой мальчик. Но со вчерашнего вечера вы, конечно, уже поняли, что, если вы принимаете алиби миссис Стеффинс, миссис Горсон и Китти Прентис, у вас остаются только двое подозреваемых?

- Люсия Хандрет и Элинор Карвер. Естественно. Я также осознал, - с некоторой горечью отметил Хэдли, - насколько четко распределены между ними эти новые улики.

…

Вчера вечером мы видели женщину из Хандрета в сшитом на заказ костюме. Оно было серым, а не голубым, но, может быть, молодые деловые женщины-профессионалки имеют привычку носить такое? И один из надежных свидетелей утверждает, что убийца был брюнетом. С другой стороны, двое свидетелей — одна из них Хелен Грей, на которую, как я подозреваю, можно положиться как на самую надежную женщину из трех, — утверждают, что убийцей была блондинка, похожая на Элеонору Карвер, а прошлой ночью на Элеоноре было синее пальто. Верно. Отлично. Плати деньги и делай свой выбор”.

- Спокойно, мой мальчик, - доброжелательно посоветовал доктор Фелл. - Значит, ты готов согласиться с алиби и исключить трех

других женщин?

- Я не настолько доверчив, как все остальные. Нет, нет! Это неопровержимо в суде, но, с точки зрения здравого смысла, алиби — самая ненадежная защита из всех, потому что для его создания нужны всего два лжеца. Я, конечно, попытаюсь их опровергнуть. Но если я не смогу… Что ж, я не смогу.

Доктор Фелл пододвинул к себе табакерку. Он продолжал задумчиво курить.

- Что ж, тогда пока оставим это. Следующее, о чем я хочу спросить вас, Хэдли, настолько просто, что мы склонны упускать это из виду. Вы абсолютно уверены, что тот же человек, который ударил ножом продавщицу, вчера вечером ударил ножом и инспектора полиции?

Хэдли пошевелился. “Я ни в чем не уверен…. Но, безусловно, между ними есть какая-то странная связь! Что еще нам остается делать?”

“Собственно говоря, это был мой следующий вопрос; вопрос третий”, - сказал доктор Фелл, кивая по-совиному. “Что у нас есть на этот счет? Ну, в основном, у нас есть отчет Эймса, который касается безымянного обвинителя. Хэдли, удивительно, насколько безымянным был этот человек от начала до конца. Какой-то анонимный источник навел Эймса на след, и он сначала поселился на Портсмут-стрит, чтобы понаблюдать за домом Карверов. По анонимному предположению, должно быть, было очень убедительно заставить Эймса пойти на все эти хлопоты. В следующий раз тот же Икс посещает Эймса, и — я не обязан описывать вам дальнейший ход этого призрачного, неосязаемого дела. И все же сейчас, когда совершено еще одно убийство, а убийца все еще не обнаружен под одной крышей, обвинитель по-прежнему молчит.

вставай!.

. Ты достаточно поразмыслил над чудовищными последствиями этого?”

- Мы спорили об этом вчера вечером, - ответил Хэдли, издав нечто похожее на стон. - Черт возьми! вы же не думаете, что кто-то просто дурачил Эймса? Это было бы слишком фантастично даже для такого бизнеса. И, с другой стороны, вы, конечно, не можете себе представить, что Эймс просто обманывал нас! — “Вы

же не верите, не так ли?”

“нет. Возможно, есть еще третье и простое объяснение. Я пытаюсь предложить его вам, связывая ряд фактов с помощью вопросов. - Возможно, я ошибаюсь, - пробормотал доктор Фелл, поправляя очки на носу, - и если это так, то в Скотленд-Ярде раздастся такой взрыв смеха, что стены содрогнутся. На мгновение он что-то проворчал себе под нос. - Но позвольте мне проявить фантазию. У меня есть еще два вопроса — четвертый и пятый. Четвертый вопрос…

Хэдли пожал плечами. Мелсон, со свойственной ему методичностью, достал конверт и принялся записывать “ряд фактов”.

- Кстати, - сказал Мелсон, - мы говорим о вещах настолько очевидных, что о них никто не упоминал:

Я

я ничего не смыслю в искусстве расследования, но мне кажется, что самая простая причина, по которой обвинитель молчит, может заключаться в следующем. .

- А? - спросил доктор Фелл довольно нетерпеливо. «что?»

- Что он (или она) боится. Женщина, ударившая ножом продавщицу, игрива, как кобра. Однажды она нанесла удар так быстро, что ее почти никто не заметил. Обвинитель может дважды подумать, прежде чем начать откровенничать на публике: “Я видел такого-то с украденным браслетом или сжигающим перчатки”. Это может быть причиной нежелания давать показания до тех пор, пока убийца не окажется в руках полиции.”

Хэдли сел. “Это возможно”, - признал он. “Если…”

“Боюсь, что это полная чушь”, - сказал доктор Фелл, качая головой. “Согласен со всем, что вы сказали. Если за всем этим стоит страх, то это работает довольно любопытным образом. Если бы X, обвинитель, изначально испугался убийцы, когда X увидел ее горящие окровавленные перчатки, я бы подумал, что X пришел в ужас от возможности быть пойманным за подслушиванием нескольких разговоров.

раз, и не почувствует себя в безопасности, пока все в Скотленд-Ярде

имел

мне сказали. Но допустим, что Икс действительно действует таким образом и тихо сообщает об этом Эймсу. Что происходит? Эймс, тот самый

второй

d

- рука получателя секрета,

мгновенно протыкается ножом. К этому времени, как мне кажется, в деле Икса уже вовсю бушует ураган. Тем не менее, Икс ничего не говорит, а продолжает мирно жить и спать под одной крышей со своей ручной коброй. Если это так, то я бы не назвал это страхом, по самым скромным подсчетам,

Я

следовало бы назвать это тупоголовым безрассудством.

Воцарилось молчание. Хэдли неохотно кивнул.

“Что-то в этом есть”, - признал он. - Хорошо, давайте выслушаем последние два пункта, или вопроса, или что бы это ни было. Затем мы попытаемся разобраться в целом.

- Хм. Ха. Где был

Я?

ах! Что ж, я уже упоминал свой четвертый пункт, но я подчеркиваю его еще раз, чтобы он попал в ту группу, к которой относится. Это небольшая проблема с украденными часовыми стрелками; почему этот явно сумасшедший вор должен был зажать обе стрелки и ждать, пока готовые часы будут надежно заперты, вместо того, чтобы добраться до них, когда они были выставлены на всеобщее обозрение. А?”

“И последнее?”

Доктор Фелл криво усмехнулся. - Последнее в некотором смысле вытекает из четвертого, но кажется еще более безумным, если остальные не интерпретируют его должным образом. Чтобы подчеркнуть это, позвольте мне сначала спросить вас, какие предметы — все до единого — были украдены из магазина Гэмриджа в день убийства.

- У меня все это есть, - сказал Хэдли, с сомнением посмотрев на него, а затем на листы с машинописным текстом. - Так, посмотрим. “Бюллетень для прессы — Официальный список Гэмриджей” - Вот и все. Пара сережек с жемчужными подвесками

стоимостью десять фунтов. Кольцо с опалом, украшенное мелкими бриллиантами, стоимостью двадцать фунтов. И часы Карвера. Вот и все.

“Были ли часы Карвера выставлены на Витрине как таковые?”

“Вы имеете в виду, с его именем? О да. На каждой диковинке была прикреплена маленькая карточка с именем владельца и краткой историей

…”

Рука Хэдли с глухим стуком упала на стол, и он сел. “Боже милостивый! конечно! Я говорил тебе, что теряю самообладание. Я понимаю, что ты имеешь в виду. Тогда ваш последний вопрос звучит так: “Почему член семьи Карвера, которому нужны были эти часы, должен был подвергаться безумному риску и красть их в переполненном универмаге, когда было бы гораздо проще украсть их дома?”

“Именно так. Тем более что охранная сигнализация Карвера не предназначалась для его собственного дома. Я подозреваю, что он с удовольствием демонстрирует свою коллекцию любому, кто готов слушать, — кстати, давайте проверим это. Итак, что вы об этом думаете?”

После паузы Хэдли сказал: “Я не знаю, что с этим делать”. Он покачал головой и тупо уставился в окно. “Сейчас все это дело достигло последней точки безумия. Если вы сможете найти простую зацепку, которая свяжет все это воедино, значит, вы лучше, чем я думал. Эти ваши вопросы.

..

Зачитайте, что у вас есть, - резко добавил он, поворачиваясь к Мелсону. - Давайте все. Теперь я забыл, как они работают.

Мелсон с сомнением провел карандашом по списку. “Если я не ослышался, это звучит примерно так”:

Пункты

рассматриваются в деле об убийстве в Универмаге в связи с убийством инспектора Джорджа Эймса.

1.Что, начиная с алиби

является одним из всех остальных, находящихся в настоящее время

быть принятым

эд, круг подозреваемых сужается до

Лючия Хандрет

Эйч и Элеонора Карвер в роли де

убийца из подсобного хозяйства.

2, Что существует

определенно, никаких конкретных доказательств нет

чтобы показать, что убийца Эвана Мандерса, лавочника, является также убийцей инспектора Эймса.

- Браво! - мрачно сказал Хэдли. - Отличный способ начать расследование против кого бы то ни было, не так ли? Сначала вы объявили, что, согласно имеющимся уликам, либо Хандрет, либо Карвер убили продавщицу. Затем вы обливаете все это холодной водой, утверждая, что убийцей Эймса может быть кто-то другой…. Послушайте, Фелл, не просите меня поверить, что существуют

два

убийцы в этом доме, каждый из которых пристрастился расхаживать по дому и колоть людей ножом, потому что я в это не поверю. Это уже слишком. Это

смутить де Ришесса.

- нет, нет. Если я смогу доказать, что одна из этих двух женщин определенно является убийцей в универмаге, у меня не останется особых сомнений в том, что она также убила Эймса".

Доктор Фелл на мгновение погрозил пальцем, а затем перешел к обычной яростной полемике.

- Я боялся, что вы это скажете, - заявил он, размахивая трубкой. - Что я хочу донести до вас, так это то, что я не пытаюсь возбудить дело против кого бы то ни было. Продолжайте повторять про себя эти слова: "Согласно доказательствам, согласно

доказательствам". Это то, о чем говорят нам доказательства, и я излагаю это, потому что хочу, чтобы вы истолковали это и поняли, что означает вся эта дьявольская история. .

..

Продолжайте, Мелсон."

"Тогда мы переходим к следующему пункту.

"3. Что все обвинения и судебное разбирательство против одной из женщин в убийстве Эвана Мандерса исходят от неустановленного лица, которое в настоящее время в условиях сильнейшего давления отказывается общаться с нами.

4. Что, приобретая оружие, убийца

Инспектор Эймс (а) украл обе стрелки с часов, когда для этой цели можно было использовать только одну; и (б) не стал совершать кражу, когда это было легко, а дождался, пока часы не окажутся запертыми в комнате Карвера.

5. Что убийца из универмага не стал красть часы, принадлежащие Карверу, хотя дома их было легче совершить, а пошел на опасный риск, стащив их с витрины в переполненном универмаге".

- Хех, - сказал доктор Фелл. - Хе-хе-хе. В этом документе есть что-то доншанское, Мелсон, что заставляет меня захотеть сохранить его. Хм, да. Но это справедливое утверждение, с помощью которого можно объяснить проблеск здравого смысла, который у меня есть. Я дам вам время подумать над этим, пока

Я

платье. А потом мы пойдем к резчикам.

Глава 13

Часы-череп

Было половина одиннадцатого, когда они подъехали на машине Хэдли к дому часовщика. За дверью собралась толпа: послушная толпа, которую полицейский оттолкнул в сторону, почтительно подался назад, снова сомкнулся и продолжал повторять этот процесс, пока полицейский расхаживал взад-вперед с молчаливой регулярностью одного из маятников Карвера. Группа газетчиков

спорила с сержантом Беттсом, и в поле зрения попали вспышки камер, когда машина остановилась. При виде доктора Фелла в этой группе раздался взрыв одобрения, и журналисты ринулись в атаку. С некоторым трудом Хэдли оттолкнул доктора Фелла, который имел обыкновение вставать на переднем сиденье машины и приветливо высказываться на любую тему, о которой ему задавали вопросы. Хэдли коротко сказал: “Будет сделано заявление”, - когда Беттс освободил для них полосу движения. Устремленный вперед, с величественной фигурой в черном плаще и широкополой шляпой, поднятой над головой в знак приветствия, доктор Фелл улыбался через плечо под щелканье камер и хор приглашений в ближайший паб. Китти, явно нервничая, открыла входную дверь и закрыла ее за ними, чтобы заглушить грохот.

В полутемном коридоре было прохладно и тихо. Хэдли повернулась к смуглолицему молодому человеку с острыми чертами лица, который вошел вслед за Беттс.

- Ты Престон? Да. Вы знаете инструкцию: тщательный обыск в комнатах этих женщин, со всеми известными вам уловками и приспособлениями”.

- Да, сэр, - сказал смуглый молодой человек, кивая в радостном предвкушении.

Хэдли повернулся к девушке. - Где все, Китти? Надеюсь, все на ногах?

- Не все, — сказала Китти. - Мистер Карвер и миссис Стеффинс уже встали. Мистер Эстингс, который провел ночь на диване в гостиной мистера Пола и чувствовал себя намного лучше, - тут Китти нервно хихикнула, - вышел подышать свежим воздухом с мисс Элинор. Вот и все”.

“Я поговорю с миссис Стеффинс”, - не без колебаний решил Хэдли. “В столовой, вы сказали, в задней части дома? Верно.” Он заколебался. “Хочешь посмотреть, как мы будем копаться, Фелл?”

“Я не хочу”, - твердо ответил доктор. “Хм, нет. Рекомендуется небольшая перепалка с Карвером. Также я хочу повидаться с веселым Кристофером Полом и уточнить наш список людей, если ему не так уж сильно нужна помощь. Пойдем, Мелсон. Думаю, это тебя заинтересует.”

Он постучал в дверь гостиной, где прошлой ночью проходила

конференция, и ему ответил спокойный голос Карвера. Несмотря на пасмурное и холодное утро, в белой комнате ярко горел камин. Карвер, перед которым стояла чашка чая, а на блюдце лежал недоеденный тост, передвинул центральный стол поближе к окнам. С ювелирной линзой в глазу он склонился над каким-то предметом на столе. Он поднялся неуверенно и с некоторым раздражением, которое изменилось, когда его светлые глаза узнали доктора Фелла. Высокий и сутулый, в смокинге и шлепанцах, он был несказанно рад их видеть на фоне выцветших старинных часов, выставленных под стеклянными витринами.

“А!” - сказал он. “Доктор Дж. Фелл и доктор Мелсон, не так ли? - хорошо! - хорошо! Я боялся, что это может быть… Присаживайтесь, джентльмены. Как видите, я пытался отвлечься. Этот маленький образец, - он коснулся объективом любопытных плоских часов, бронзовый колпак которых был украшен маленькой фигуркой негра в тюрбане и некогда ярком восточном костюме, а рядом с ним стояла собака, - как вы можете видеть, циферблат французского производства. Английские мастера в основном пренебрегали такими вещами, считая их просто игрушками. Я не согласен с жалобой Хэзлитта на французское “вязание крючком и причуды с их часами, которые, кажется, созданы для чего угодно, только не для того, чтобы показывать время”, и не называю это шарлатанством и дерзостью. Мне нравятся маленькие фигурки, которые двигаются при ударе четвертей, и я видел несколько замечательных примеров, от забавных до жутких.

— Например, — в его взгляде появился энтузиазм, и он большим пальцем нарисовал в воздухе какой-то рисунок, - на капюшоне фигуры Отца Времени, сидящего в лодке, управляемой Эросом, есть общий девиз: “Любовь свершилась во времени”, который, как уже отмечалось, был превращен в “Время свершившейся любви”. С другой стороны, я видел в Париже не слишком приятное устройство от Гренеля с бойковым механизмом, фигуры которого изображали бичевание Нашего Спасителя, когда часы били до наступления темноты. кнуты.”

Он пожал плечами. — Э-э… я не хотел бы утомлять вас, джентльмены?

- Вовсе нет, - дружелюбно ответил доктор Фелл и достал свой портсигар. - У меня очень мало знаний по этому вопросу, но он всегда интересовал меня. Курите? - хорошо! Я рад, что вы упомянули о девизах. Это напоминает мне о том, о чем я хотел

вас спросить. Я не думаю, что вы случайно написали какой-нибудь девиз на часах, которые построили для сэра Эдвина Пола?”

Интерес на лице Карвера угас, сменившись упрямым терпением.

- Я на мгновение забыл, сэр, - ответил он, - что вы работаете в полиции. Мы всегда возвращаемся к этому, не так ли? — Да, есть такой девиз. Видите ли, на циферблатах такого типа это не принято, но я не мог удержаться от небольшого тщеславия. Посмотрите сами.

Он подошел к дверце шкафа в стене у камина, открыл ее и кивнул внутрь. Мелсон и доктор Фелл, стоя в стороне, чтобы тусклый свет падал внутрь, вглядывались в желтое мерцание приземистого, тяжелого механизма без ручек, стоявшего на полу. Он выглядел уродливо изуродованным, как будто был живым, и это снова напомнило ему ужасы прошлой ночи. Затем Мелсон с некоторым удивлением прочитал готическую надпись, выгибавшуюся в верхней части циферблата.

- Я прослежу, чтобы правосудие восторжествовало.

- Это мое личное мнение, - повторил Карвер, слегка откашлявшись, когда двое других замолчали. - Тебе это нравится? Возможно, это немного банально, но мне казалось, что только часы, как символ вечности, могут установить справедливый порядок в будущем. Э—э, - продолжил он, поскольку все еще царила тишина, - вся сила этого девиза, как вы видите, заключается в использовании слова “должен”. В нем нет места решительности, как у судьбы или мстителя. Это бесстрастное, терпеливое, необъятное “должно” простого будущего. Меня, как и моего друга Боскомба, интересуют тонкости, коварство…

Доктор Фелл оглянулся через плечо. Он медленно закрыл дверцу шкафа.

- Вас интересуют тонкости, - бесстрастно произнес он. - И это все, что означает для вас эта надпись?

- Я не полицейский, - ответил он таким тихим голосом, что Мелсон едва не пропустил проблеск разума в его взгляде. - Вы можете делать из этого все, что вам заблагорассудится, мой дорогой доктор. Но теперь, когда мы коснулись этой темы (надеюсь, вкратце). Я мог бы спросить вас…

“да?”

- Добились ли вы какого-либо прогресса в реализации того довольно гнусного предложения, на которое намекал мистер Хэдли прошлой ночью. Я не подслушиваю у дверей, но, как я понял, возникли некоторые затруднения по поводу того, где были все дамы — в связи с этим делом Гэмриджа — двадцать седьмого августа. Вы меня понимаете?”

“Я вас понимаю. И я собираюсь ответить вопросом на вопрос. Когда Хэдли спросила вас о том дне и о том, где все были, вы сказали, что не можете этого вспомнить. Только между нами, мистер Карвер, - сказал доктор Фелл, моргая, - это было не совсем правдой, не так ли? Панегирики миссис Стеффинс в адрес ее покойного Горация вряд ли позволили бы вам забыть дату. А?

Карвер заколебался. Он сжал и разжал ладони, разглядывая их. Это были большие ладони с узловатыми лопатообразными пальцами, которые, тем не менее, придавали ему изящный вид, и хорошо подстриженными ногтями. Он все еще держал незажженную сигару, подаренную ему доктором Феллом.

- Только между нами, это было не так.

- И почему ты забыл об этом?

“Потому что я знал, что Элинор здесь нет”. В его голосе не было и намека на официальное заявление. “Я очень люблю Элинор. Она работает с нами уже долгое время. Конечно, я почти на тридцать лет старше, но когда—то я надеялся… Я очень люблю ее.

“да. Но почему тот простой факт, что она опоздала домой к чаю, заставил тебя забыть обо всем, что произошло после обеда?

“Я знал, что она, вероятно, опоздает. На самом деле, я знал, что в тот или иной момент она будет у Гэмриджа. Видите ли, она… э-э—э… работает личным секретарем у некоего мистера Неверса, театрального импресарио, на Шафтсбери-авеню. В то утро она сказала мне, — он снова раскрыл и закрыл ладони, уставившись на них, — что постарается уйти пораньше, чтобы сделать кое-какие покупки и “успокоить” Миллисент, если та опоздает домой…. Мне это особенно запомнилось, потому что в середине дня я сам ненадолго зашел к Гэмриджу вместе с Боскомбом, Полом и мистером Питером Стэнли, чтобы осмотреть коллекцию часов, которую они только что выставили на всеобщее обозрение; и я подумал, не стоит ли мне повидаться с ней. Но, конечно…

- Если она вам нравится, - сказал доктор Фелл с неожиданной резкостью, - объясните, на что вы намекаете.

— У нас были с ней некоторые трудности в детстве… - Карвер осекся. Пелена исчезла с его глаз. Жесткая практичность, которая иногда появлялась в нем, сменила его озабоченный вид, и он заговорил твердо. “Меня беспокоит, когда я лгу или искажаю правду. Не потому, что я против лжи, а просто потому, что она впоследствии нарушает мое душевное равновесие. Назовем это эгоизмом? Он мрачно улыбнулся. “Вчера вечером я солгал, но сегодня утром я сказал правду и рассказал все, что знал. Я не собираюсь больше ничего говорить и не думаю, что какими-либо ухищрениями можно вытянуть из меня то, чего я не хочу говорить. Если вас действительно интересует моя коллекция, я буду рад показать ее вам. В противном случае…

Доктор Фелл внимательно посмотрел на него. Доктор Фелл смотрел через плечо, на его лбу пролегла глубокая морщина, в остальном его лицо было бесстрастным и почти скучным. В своем темном плаще, простиравшемся на фоне белой комнаты, он стоял с обрезанной сигарой в одной руке и незажженной спичкой в другой. Так он простоял, наверное, секунд двадцать, в то время как у Мелсона возникло ощущение, что назревает что-то смертельно опасное, и в маленьких глазках, моргающих за стеклами очков, читался какой-то пугающий смысл. Затем — с внезапностью, заставившей Мелсона подпрыгнуть, — раздался треск и трескучая вспышка пламени спички, когда доктор Фелл зажег ее, проведя ногтем большого пальца по головке.

- Могу я дать вам прикурить? он шутливо прогудел: “Да, меня очень заинтересовала ваша коллекция. Эти водяные часы…”

“А, клепсидра!” Карвер пытался прервать молчание. Он снова изобразил на лице свое смутное достоинство и энтузиазм и указал на стеклянные витрины. - Если вас интересуют древние способы определения времени, то здесь начинается вся их история. И чтобы понять их, вы должны помнить о том, как древние люди разделяли время. Например, персы делили день на двадцать четыре часа, считая с восхода солнца; афиняне использовали тот же метод, но начинали с захода солнца. Египетский день длился двенадцать часов. Распорядок дня браминов был более сложным. Это, — он дотронулся до корпуса, в котором находилась большая металлическая чаша с отверстием в центре, — если это подлинные часы, то это, должно быть, одни из старейших часов, существующих в настоящее время в мире.

Брамины делили сутки на шестьдесят часов по двадцать четыре минуты каждый, и это был их Биг-Бен. Его ставили в чан с водой в каком-нибудь общественном месте, а рядом с ним подвешивали большой гонг. Ровно через двадцать четыре минуты чаша погрузилась, и раздался удар в гонг, возвещающий о том, что прошел час.

“Это самый примитивный принцип. Все они, до изобретения маятника, состояли из регулируемого потока воды, который должен был опускаться только после ряда выемок, пронумерованных часами…

Он указал на устройство, которое Мелсон заметил прошлой ночью, - вертикальную стеклянную трубку с римскими цифрами, вырезанными на доске, и сальную лампу на одном кронштейне.

“— вот такие ночные часы с постоянно горящей лампой. Предположительно, она относится к началу семнадцатого века, работа Джехана Шермита, и, вероятно, имеет тот же дизайн, что и та, которую Пепис описывает как находившуюся в комнате королевы Екатерины в 1664 году”.

Сухой, любопытный мозг Мелсона снова заработал. Он увидел, что по какой-то непонятной причине доктор Фелл поощряет Карвера в его увлечении, и воспользовался этим.

- Водяные часы, - поинтересовался он, - использовались в то время? Я всегда ассоциировал их главным образом с римлянами. Где-то есть рассказ о том, как во время судебных процессов или дебатов в сенате, когда ораторам разрешалось выступать только в определенное время, водяные часы регулировались таким образом, чтобы у оратора было больше или меньше времени для выступления”.

Теперь Карвера полностью охватил энтузиазм. Он потер руки.

- Совершенно верно, сэр. Совершенно верно. Это было сделано с помощью воска. … Но клепсидры, безусловно, были известны вплоть до 1700-х годов. Я должен пояснить, что, хотя примитивная форма нашего современного циферблатного механизма была известна в четырнадцатом веке, к середине семнадцатого века интерес к клепсидрам резко возрос — хотя бы в качестве оригинальных игрушек. Они были живыми, эти люди! В механике и химии они были сообразительны, как выдающиеся дети. Тогда Королевское общество сделало первые робкие

попытки создать паровой двигатель; мы изобрели трутовик, охранную сигнализацию, гравюру меццо-тинто, капли принца Руперта….

- Вот эти водяные часы, например. Он указал на конструкцию с циферблатом и одной стрелкой, с обратной стороны которой на цепочке свисал латунный цилиндр. - Я знаю, что это подлинные часы. По мере того как поток воды из этого цилиндра уменьшался, уменьшающийся вес цилиндра приводил в движение стрелку с точно заданной скоростью. Дата создания - 1682 год, но это обычное явление, если вы ищете просто хитроумные механизмы. Возьмем, к примеру, часы, приводимые в движение паром, которые вы сейчас можете увидеть в Ратуше…

- Минутку, пожалуйста, - вмешался доктор Фелл. - Хм, ха. Вы, кажется, сомневаетесь в подлинности большинства этих вещей. Но давайте рассмотрим некоторые подлинные предметы из вашей коллекции. Например, часы.

Теперь Карвер был на должном уровне энтузиазма.

“Часы!” - сказал он. “О, теперь у меня есть кое-что для вас, джентльмены! Дай-ка посмотрю. Обычно я этого не делаю, по крайней мере, для незнакомых людей, но, если хотите, я открою свой сейф и покажу вам настоящие сокровища. Когда вы вошли в комнату, его взгляд переместился на стену справа — тот же самый взгляд, вспомнил Мелсон, который он инстинктивно бросил, когда входил в комнату прошлой ночью. Его лицо слегка омрачилось. “Конечно, вы должны помнить, что жемчужина моей коллекции исчезла, хотя и остается под той же крышей…”

“Часы, которые вы продали Боскомбу?”

“Часы с черепом Маурера, да. У меня есть еще один такой же по дизайну и столь же совершенный как произведение искусства, но и на одну десятую менее ценный из-за надписи и ассоциаций, связанных с первым. Вы должны его увидеть, доктор. Боскомб с готовностью покажет его вам.

Доктор Фелл нахмурился. - Именно к этому я и шел. Мне чрезвычайно интересны эти часы, потому что, как мне кажется, вокруг них было чертовски много шума, - проворчал он. - Для часов, даже антикварных, они расстраивают не только вас, но и других людей. Она ценная? Я имею в виду, очень ценная?

Веки Карвера дрогнули. Он слабо улыбнулся.

- Ее ценность, доктор, намного превышает ее цену. Но я могу сказать вам, сколько Боском отдал за нее. Это была та же цена, которую я заплатил, когда покупал его несколько лет назад, — три тысячи фунтов.

- Три тысячи фунтов! - яростно воскликнул доктор Фелл и, вынув сигару изо рта, выпустил клуб дыма. Он закашлялся, его лицо покраснело еще больше, и вскоре возмущение сменилось смешком. - Три тысячи фунтов, да? - добавил он более мягко, и его глаза блеснули. - О, моя священная шляпа, подожди, пока Хэдли не услышит об этом! Хех. Хе-хе-хе."

— Вы… э—э… теперь понимаете, почему миссис Стеффинс иногда думает, что мы нуждаемся в деньгах. Но вы, конечно, знаете, что это за часы? спросил Карвер. - Тогда судите сами.

Он проковылял к одной из длинных панелей в середине правой стены. Хотя Мелсон не мог проследить за движением его руки, он, должно быть, коснулся пружины, потому что по краю появилась щель, и он отодвинул панель. Внутри был высокий темный проем, похожий на альков, перед которым была дверь, расположенная параллельно стене. Справа от алькова они увидели очертания стенного сейфа, а слева - еще одну дверь.

- Минутку, я отключу будильник, - продолжал Карвер. - Как вы, наверное, знаете, часы-черепа были ранним и любопытным изобретением XVI века. Не думайте о часах в том виде, в каком мы их знаем сейчас. Часы-череп никогда нельзя было носить с собой, по крайней мере, с каким-либо удобством: они весили три четверти фунта.

Сейчас в Британском музее есть экземпляры. Эти гораздо меньше…

Левой рукой он повернул комбинационную ручку, незаметно прикрыв ее правой. Открыв внутреннюю дверцу, он вытащил небольшой поднос, обитый черным бархатом, и поставил его на центральный столик.

Часы имели форму плоского черепа с выступающей челюстью, так что в самой их длине было что-то зловещее. Снаружи дневной свет стал более тусклым; яркий желтый свет камина играл на черепе, и его тусклый серебристо-позолоченный оттенок выделялся на фоне черного бархата. По-своему это было красиво, но Мелсону это не понравилось. Что придавало ему оттенок

мрачности и даже ужаса, так это надпись изготовителя, выгравированная завитушками на лбу и вокруг глазниц - человек, пишущий свое имя на голове мертвеца.

“Тебе нравится?” - нетерпеливо спросил Карвер. “Да, ты можешь с этим справиться. Видишь: челюсть открывается. Открой челюсть — поверни ее — вот так. Вот регулятор. Все происходит в мозгу, как и должно быть”. Он усмехнулся. - Как вы видите, они довольно маленькие и легкие. Исаак Пенар создал их, конечно, почти через столетие после часов Боскомба, но они похожи. За исключением…

“За исключением?” - подсказал доктор Фелл, который взвешивал часы на ладони.

- За исключением его истории. Да. За исключением, - сказал Карвер, и его выцветшие глаза заблестели, - того, что по-своему символично написано на лбу. У вас есть карандаш? Спасибо». У меня здесь конверт. Я напишу его для тебя. Ха! Вам, джентльмены, не составит труда…

Карандаш писал отрывисто, и Карвер глубоко вздохнул. Он взглянул на меня из-под тени, падавшей на его большой лоб, наклонился вперед и, пододвигая конверт через стол, сурово улыбнулся в свете камина. Огонь в камине затрещал и слегка поутих. Мелсон уставился на него, расшифровывая написанное. “Бывший доно отца Р., отец Мариам Скотонун и отец. Регина, 1559 год.” Наступила пауза.

— “Подарок, - прочитал доктор Фелл, внезапно поднеся руку к очкам, - “Подарок Франциска, короля Франции, Марии, королеве Франции и Шотландии, 1559 год”. Затем…

- Да, - кивнул Карвер. — Подарок, который Франциск II преподнес своей невесте, Марии, королеве Шотландии, при вступлении на престол.

Глава 14

Последнее алиби

- Это, - продолжал Карвер, указывая на часы в руке доктора Фелла, - хороший образец. Но в них, если можно так выразиться, нет индивидуальности, нет ничего общего с теми, кто ими пользовался. Это мертвый металл. Но та, что наверху, - нет. И ничто так не хранит воспоминания о прошлых людях, как часы.

Это личное, как зеркало. Подумай об этом, - тихо продолжил он, уставившись на огонь. - В 1559 году Марии было семнадцать, она была королевой земли, а Елизавета была всего лишь неотесанной рыжеволосой мегерой, только что взошедшей на шаткий трон. Не было и тени интриг, и убитых любовников, и ее волосы поседели, когда парик упал с ее головы под ударом топора. И все же, джентльмены, вы можете взглянуть на часы наверху и представить, что все это отражается на циферблате."

Мелсону, профессору конституционной истории, подобные вещи не нравились. Он машинально кашлянул, как будто собирался с этим справиться. В любое другое время это могло бы спровоцировать его на драку. Но он промолчал. Что-то в приглушенном ужасе, царившем в доме, не давало ему отвести глаз от часов, поблескивавших в руке доктора Фелла. Кроме того, на лице доктора появилось странное выражение. Он положил часы-череп на бархатный поднос.

"Я полагаю, — заметил он, - что все в доме это видели, а тот, другой?" А?"

"О да".

"Им всем понравилось?"

Внезапно на Карвера вернулась сдержанность. Он взял поднос.

- Очень нравится…. Но давайте продолжим. Вам, наверное, захочется увидеть еще кого-нибудь. - Небольшой сбой. - Черт возьми, я неуклюжий попрошайка! Доктор, не соблаговолите ли вы поднять эту чашку или то, что от нее осталось? Я всегда сталкиваю фарфор со столов. Хм, да. Да. Спасибо». Боюсь, мой энтузиазм увлек меня слишком далеко. И снова он заговорил в тишине, наклонив свою большую голову, сморщив лицо и чуть не налетев на дверной косяк. Он быстро продолжил: - Я полагаю, вы считаете, что я излишне осторожен, имея в своей коллекции все эти сигнализаторы. Это правда, что сейф хороший, и что любому грабителю, который украл бы что-нибудь из моих вещей, было бы трудно избавиться от этого. Но — так я чувствую себя в большей безопасности. Особенно, как вы видите, потому, что эта дверь, - он кивнул на дверь слева от ниши, - ведет к лестнице, ведущей на крышу, и, хотя она надежно заперта…

- На крышу? - спросил доктор Фелл.

Его слова все еще отдавались эхом, когда дверь в холл

распахнулась и вошел Хэдли. Он выглядел встревоженным и пытался спрятать в ладони что-то, похожее на носовой платок. Он начал было: “Послушайте, Фелл…”, но заметил выражение лица доктора и замолчал.

- Только не говорите мне, - прохрипел он после паузы, - что случилось что-то еще. Ради бога, не говорите мне этого!”

- Хммм. Ну, я не знаю, как бы вы назвали это происшествием. Но, похоже, есть еще один путь на крышу.

“Что это?”

Карвер снова был тверд и молчалив. - Я не знал, инспектор, - сказал он, - что вас это интересует. По крайней мере, вы не потрудились сообщить мне об этом. Он убрал поднос в сейф, с решительным лязгом закрыл дверцу и повернул ручку. - Эта дверь ведет на лестницу. Лестница проходит между стенами мимо двух комнат, которые сейчас являются кладовыми, этажом выше, а затем на крышу. Я полагаю, что в начале девятнадцатого века, когда эта комната была столовой, она использовалась в качестве личной лестницы, по которой хозяин дома поднимался в постель, когда допивал свой портвейн…. Повторяю, что из этого? Видите, с этой стороны есть двойные засовы, а с внутренней стороны люка - засовы. Никто посторонний не смог бы проникнуть внутрь.

“Нет, - сказал Хэдли, - но кто-то из своих мог бы выбраться наружу. На крышу, да?” Он указал на дверь позади Карвера, дверь в дальнем конце ниши, параллельную стене этой комнаты. — И это… Да, я был там всего минуту назад. Это комната миссис Стеффинс, не так ли, по ту сторону двери?”

“Так и есть”.

- А как насчет кладовых этажом выше? Они тоже открываются на лестницу?

- Да, - ответил Карвер без всякого любопытства.

- Послушайте, Хэдли, - вмешался доктор Фелл, - что именно у вас на уме?

- Любой член этого дома, имеющий доступ к этой лестнице либо отсюда, либо из комнат наверху, мог бы подняться на крышу. Оказавшись на крыше, он мог снова спуститься через другой люк - вы помните, девушка говорила, что когда—то на нем был засов

изнутри, но засов был сломан, — затем снова к двери наверху главной лестницы, открыть ее с помощью пружинного замка снаружи. внутрь, и… - Хэдли сделала жест, словно наносила удар ножом. “Это приходило вам в голову. Не так ли? Вы, кажется, внезапно стали необычайно тупы”.

“Возможно, так оно и есть”, - проворчал доктор Фелл, подергивая себя за ус. “Но к чему весь этот сложный фокус-покус? Если бы вы собирались убить старину Эймса, не проще ли было подняться за ним по лестнице, сделать свое дело, а затем спокойно удалиться в свою комнату?

Хэдли посмотрел на него с некоторым любопытством, как будто почувствовал подвох или скрытую цель. Но он отказался от этой идеи.

“Ты прекрасно знаешь, что это не так. Во-первых, есть вероятность драки или тревоги, которая поднимет на ноги весь дом. Во-вторых, и это самое важное, после того, как работа будет закончена, вы сможете вернуться в свою комнату тем же путем, не опасаясь, что вас увидят”.

“Ну, теперь—то…” - укоризненно произнес доктор Фелл. “Не говорите так. Мне пришло в голову, что там, наверху, где мисс Карвер и Гастингс гуляют на свежем воздухе и при лунном свете, у вас гораздо больше шансов быть замеченным, чем в уютном темном зале. Эй?”

Хэдли посмотрела на него с некоторым подозрением. - Послушайте, - сказал он, - это, по-вашему, тонкая уловка? Вы подкрепляете свою теорию доказательствами, подтверждающими мою. А именно, что кого-то видели на крыше, и этот кто-то - вероятный убийца. Элинор Карвер и Гастингс нечасто встречались на этой крыше; убийца, скорее всего, вообще не знал, что они там встречались. Сопровождать. Сейчас мы собираемся осмотреть эту крышу.

Доктор Фелл открыл было рот, чтобы ответить, но в этот момент Карвер, который с иронией наблюдал за ними, устроил целое представление, отодвигая засовы на двери, ведущей на лестницу.

— В любом случае, — предложил он, жестикулируя, - вы должны… хм… исследовать. Да, да. Мне бы не хотелось охлаждать ваш пыл, господин инспектор. Все, что я знаю, это то, что ваша теория неверна.

“Неверна? Почему?”

- Миллисент была очень возбуждена прошлой ночью, ты помнишь? Особенно по поводу слов Элеоноры о том, что молодой Гастингс не мог, гм, контролировать свой нрав и сломал засов на люке. Она рассказала мне об этом. Честно говоря, - уголки его рта опустились, - мне самому это не понравилось. В этом не было необходимости. И это было опасно, после всех моих предосторожностей. Поэтому, естественно, я поднялся наверх и посмотрел на это…

“На люк с другой стороны крыши? Это интересно”, - сказал Хэдли. “Прошлой ночью дверь на верхней площадке лестницы, которая вела туда, была заперта. И ваша подопечная сказала, что у нее украли ключ… Вы нашли ключ? Или как вы проникли внутрь?”

Карвер достал из кармана связку ключей и осмотрел их.

- У меня есть дубликаты, - ответил он, - от каждой двери в доме. Вы меня не спрашивали, а то я должен был вам сказать. Этот вам нужен? С удовольствием. Вот, пожалуйста.

Отсоединив один ключ, он внезапно подбросил его. Он блеснул в воздухе, словно с презрением, и Хэдли поймал его. Карвер продолжал::

- Я осмотрел люк. И Элеонор каким-то образом допустила ошибку. Засов не был сломан. Он был в идеальном порядке, и люк был надежно закреплен тремя дюймами стали. — Никто с крыши не смог бы проникнуть в дом через этот люк. Следовательно, вся ваша картина того, как убийца проходит через одну ловушку и проваливается в другую, как персонаж пантомимы, оказывается чепухой. Гул. Да. Если ты сомневаешься во мне… Он указал на ключ.

Наступило молчание, нарушенное хриплым вздохом доктора Фелла.

- Не стоит говорить о глубоких вещах, Хэдли, - вызвался он. - Вся эта история постепенно захлестывает лодку. Итак, люди на крыше исключены, да? Очевидно, очевидно”. Он задумался. “Да, нам придется подняться и осмотреть крышу, Хэдли. Но не сейчас…. Мне хотелось бы взглянуть на часы”.

“Часы?”

“Боскомбские. Я не хочу это осматривать, - настаивал доктор с излишней настойчивостью. - Я просто хочу увидеть это и убедиться, что оно там есть. Это вот так…. Хм? Ах! Доброе утро, мисс Хэндрет.

Он замолчал, услышав стук в дверь, и, когда она вошла, оставался на редкость скучающим. Люсия Хандрет выглядела бодрой и даже веселой. Одетая для выхода в свет, в плотное пальто с меховым воротником и серую шляпу, она торопливо натягивала черные перчатки, а под мышкой держала портфель. От вызывающей неуверенности прошлой ночи не осталось и тени. У нее был напряженный вид человека, только что пробудившегося от короткого сна, но она привносила в комнату здоровье и энергию, а также аромат лесных фиалок, который почему-то казался таким же бодрым и деловым, как и портфель.

- Как ни странно, я уезжаю по делам, - сказала она, улыбаясь Хэдли. - Но я подумала, что смогу застать вас здесь до того, как уйду. Не могли бы вы подойти к телефону?

“верно. Скажите) им, чтобы они—”

- О, это не ваш офис. Речь идет о моем алиби, - сдержанно объяснила она. - Вы знаете, на вторую половину дня во вторник неделю назад. Я сказала вам, что посмотрю это в своем дневнике, и я была права. Это был день коктейльной вечеринки. Итак, сегодня утром я позвонил мужчине и его жене, которые устраивали вечеринку; теперь я припоминаю, что пришел туда около половины пятого и пробыл там до семи. Кен сейчас на связи, и они с женой готовы подтвердить мои слова. Он художник, но работает над обложками журналов и должен быть достаточно респектабельным для вас. Конечно, есть и другие люди. … Я знаю, вам придется проверить все это лично, но я бы хотел, чтобы вы поговорили с ним сейчас и позволили мне выбросить это из головы. Это меня, скорее, беспокоит.”

Хэдли кивнула, бросив многозначительный взгляд на доктора Фелла, и Хэдли, казалось, был доволен, когда последовал за ней. Доктор Фелл не выглядел довольным. Он неуклюже вышел вслед за ними, но дальше коридора не пошел. Когда Мелсон, поблагодарив Карвера, закрыл за собой дверь, он увидел, что доктор стоит в полумраке, широко расставив ноги, в сдвинутой на затылок широкополой шляпе и медленно постукивает тростью по ковру с каким-то едва сдерживаемым бешенством. Мелсон никогда не видел его таким. Мелсон снова почувствовал, как в

нем сгущаются неведомые ужасы. Доктор Фелл вздрогнул, когда он заговорил с ним, и огляделся.

“Э? О! Я не могу это остановить, - сказал он, озадаченно топнув тростью. - Я вижу, что это приближается. Я вижу, что это постепенно приближается с каждым часом, который мы проводим в этом проклятом месте, и я беспомощен, как человек в кошмарном сне. Дьявол никогда не торопится. И как я могу это остановить? Какие у меня есть реальные доказательства, чтобы предстать перед двенадцатью хорошими и правдивыми людьми и сказать…

- Послушайте, что вас беспокоит? - спросил Мелсон, который уже начинал нервничать при каждом шаге или открытии двери. - Вы, кажется, расстроены тем, что эта девушка из Хандрет доказала свою невиновность в убийстве в универмаге.

- Да, - кивнул доктор Фелл. - Но я всегда немного расстраиваюсь, когда вижу, что невинному человеку грозит виселица.

Мелсон уставился на него. — Вы хотите сказать, что эта девушка Хандрет действительно…

- Спокойно! - резко сказал доктор Фелл.

Хэдли, с довольным видом сжав челюсти, с поклоном вывел Лючию Хандрет из комнаты напротив. Она поправила перчатки между пальцами, в последний раз погладила шляпу и сказала:

- Теперь вы чувствуете себя лучше, мистер Хэдли?

— Я, конечно, должна проверить, но…

Она спокойно кивнула. “да. И все же, я думаю, что этого будет достаточно. Теперь я могу идти? Хорошо. Вы все еще можете обыскать мои комнаты, если хотите. Доброе утро.”

Острые зубы обнажились в широкой улыбке, а карие глаза заблестели. Затем раздался глухой хлопок входной двери и звяканье цепочки, и эхо подхватило усиленный гул толпы, все еще толпившейся снаружи. Сквозь узкие боковые окна по обе стороны от двери падал слабый свет. Мелсон мог видеть ограждения площадки и возбужденные лица с открытыми ртами, раскачивающиеся над ними взад-вперед, как головы на пиках. Камера была высоко поднята, и на фоне осеннего неба сверкала вспышка. Затем Мелсон заметил, что Хэдли, стоящий у него за

спиной, напевает себе под нос какой-то отрывок, как будто ему это было приятно. Мелсон был не очень хорошо знаком с популярными песнями, но эту он не мог не знать. Слова выделялись на общем фоне.:

“— спасибо за последнюю подборку…” Затем Хэдли резко заговорила. “Эта женщина не в себе, Фелл. Кроме этого парня, художника, там, похоже, собралась целая толпа, которая довольно шумно завтракала. Все они пытались заговорить, и все говорили одно и то же. Так что…

- “Поднимайтесь наверх”, - сказал доктор Фелл. “Не спорьте, поднимайтесь наверх. Есть еще кое-что, и мы должны это выяснить.

Он зашагал вперед, почти не шумя по мягкому ковру, и они последовали за ним. Хэдли, по-видимому, вспомнив о носовом платке, который он уже некоторое время держал в руке, начал говорить, но доктор Фелл резким жестом заставил его замолчать. Двойные двери палаты Боскомба были слегка приоткрыты. После небрежного стука он открыл их. На столе стояли остатки завтрака, шторы были раздвинуты. Боском, тщательно одетый, выглядевший при дневном свете болезненно-бледным и увядшим, наливал себе виски с содовой у буфета. Он повернулся, держа руку на сифоне.

- Доброе утро, - поздоровался доктор Фелл. — Мы поговорили с Карвером, и это был чрезвычайно интересный разговор. Он рассказал нам все о часах, и нас очень заинтересовали часы с черепом, которые вы купили. Не могли бы вы показать нам их?

Взгляд Боскомба метнулся к медной шкатулке. Он заколебался и вдруг стал еще более бледным и увядшим, как будто не мог отдышаться и, тем не менее, боролся за что-то.

“Да, - сказал он, - я бы не возражал. Убирайтесь”.

“почему?”

“Потому что я не хотел показывать это вам”, - с усилием ответил мужчина. Его голос резко повысился. “Так случилось, что это принадлежит мне, и никто не увидит это, пока я не скажу”. Если вы воображаете, что только потому, что у вас есть полицейские полномочия, вы можете делать все, что вам заблагорассудится, то вы, черт возьми, ошибаетесь.

Доктор Фелл сделал неуверенный шаг вперед. Боском выдвинул ящик серванта и сунул руку внутрь. Он отпрянул назад.

“Я предупреждаю вас, что вы занимаетесь грабежом. Если вы только прикоснетесь к этой коробке, я—”

“Стреляю?”

“Да, черт бы вас побрал!”

Что-то в его голосе говорило о том, что однажды его блеф был раскрыт, но он не хотел, чтобы это повторилось. Хэдли пробормотал ругательство и прыгнул вперед. И тут Мелсон понял, что доктор Фелл посмеивается.

- Боском, - тихо сказал доктор, - если бы вчера вечером кто-нибудь сказал мне, что когда-нибудь в будущем вы мне понравитесь, я бы назвал его лжецом. … Я немного меняю свое мнение. По крайней мере, в твоей маленькой душе достаточно мужества и привязанности, чтобы защитить кого—то, даже если ты ошибаешься насчет того, кто…

- Послушайте, что, черт возьми, все это значит? - потребовал Хэдли.

- Часы с черепом Маурка были украдены, - сказал доктор Фелл. - Но, я подозреваю, не тем человеком, который, как опасается Боскомб, украл их. Вам будет интересно, Хэдли. Эти часы стоят три тысячи фунтов. И оно исчезло”.

“Это ложь”.

“Не будь дураком, парень”, - резко сказал доктор Фелл. “Тебя будут допрашивать об этом на дознании, и если ты не сможешь предъявить это…”

Боском повернулся к буфету и снова потянулся за сифоном с содовой. - У меня нет необходимости доставать его. Если я случайно одолжил его своему другу до того, как произошла эта история, это моя личная забота и никого больше. Раздалось громкое шипение сифона с содовой. Он повернулся к ним лицом.

- На самом деле, - безучастно заметил доктор Фелл, - это потрясает, когда кто-то нагло врывается в твою комнату и обвиняет тебя в достойном поступке. Это, должно быть, задевает твою гордость за себя. Приди в себя, парень! Мир не такое уж

отвратительное место, чтобы ты продолжал пинать его, потому что боишься, что он может ударить тебя. Что касается…

Голос в дверях позади них произнес быстрым, дрожащим, доверительным тоном: “Послушай, старина…”

Затем он сглотнул. Они оглянулись и увидели полного молодого человека, заглядывающего в комнату. Одной рукой он сжимал у горла воротник мятого шелкового халата, а другой крепко держался за дверной косяк. Его жидкие светлые волосы были взъерошены; лицо, которое обычно должно было быть румяным, было бледным и затуманенным, а в заплывших глазах застыло выражение ужаса. Хотя он не колебался, выражение его лица говорило о том, что если он отпустит дверной косяк, то поднимется и зависнет в воздухе. Его голос был быстрым, невнятным и отрывистым, даже сейчас, когда он приобрел хрипловато-доверительный оттенок.

- Послушай, старина, - повторил он, прочищая горло, - не мог бы ты, случайно, дать мне местечко? Вот незадача. Я, кажется, разбил последнюю бутылку, или потерял ее, или что—то в этом роде. Огромное тебе спасибо…

Он выглядел замерзшим. Боском взглянул на него, затем взял бутылку, плеснул еще виски в стакан, который держал в руке, и протянул ему. Вновь прибывший, который, как предположил Мелсон, не мог быть никем иным, как мистером Кристофером Поулом, отпустил дверной косяк и свой халат и поспешил вперед с тем же слегка испуганным видом, как будто он не мог поверить в существование столь отвратительного нервного расстройства, как то, которое он испытывал. Полл был босиком, и его пижама не подходила по размеру. Мистер Полл, казалось, был полон перебранных струн от рояля. Взяв у Боскомба стакан, он несколько секунд безучастно держал его в руках, затем тихо произнес: “Ну что ж, ваше здоровье”, выпил и вздрогнул.

- У-у-у-у! - сказал мистер Полл. Его улыбка была призрачной. - Послушай, старина. Гости. Очень сожалею, что у вас гости. Э—э-э… - Он нервно вытер усы тыльной стороной ладони. - Вы же знаете, как это бывает. Полковой обед или что-то в этом роде. “Парни из породы бульдогов” и все такое. Или так оно и было? Не могу представить, как это случилось и как мы добрались домой. “Парни из породы бульдогов, ура” — кто-то пел это, я знаю. Послушай, старина, мне ужасно жаль, ты же знаешь. Он снова выпил. Голос, полный искреннего раскаяния, перешел в

бульканье. - Хааа. Так-то лучше.

- Значит, вы не знаете, - резко спросил Боском, - что произошло прошлой ночью?

- Боже милостивый! что я наделал? - воскликнул Полл и внезапно отнял стакан ото рта.

- Вы же не совершали, - вмешался Хэдли, - вы, случайно, не совершали убийства, не так ли?

Полл попятился. Стакан задрожал в его руке, и ему пришлось поставить его на буфет. Мгновение он недоверчиво смотрел на меня, затем в его влажных глазах появился страх. Его голос стал ворчливо-неуверенным.

- Я говорю. Я говорю, сейчас не время дурачить парня. Он посмотрел на Боскомба. - Послушай, старина, кто эти парни? Отметьте их. Отметьте их как следует. Черт возьми, люди чувствуют себя так же, как я. Чертовски дурной тон, если хочешь знать мое мнение. Кто эти парни? Совершить убийство? Боже мой! Что за чушь!

Он снова потянулся за бокалом, и его рука чуть не пропустила его.

— Так получилось, что я из Отдела по расследованию особо важных дел - из Шотландии

Ярд, - сказал Хэдли, повышая голос, как будто обращался к глухому. - А вы, я полагаю, мистер Кристофер Пол). Прошлой ночью здесь был убит офицер полиции, когда он поднимался по этой лестнице. На самом деле, на верхней площадке лестницы…”
- “Чушь собачья! Ты тянешь…”

- Это не так. Он был зарезан недалеко от вашей двери. У нас есть доказательства того, что вы прибыли сюда вчера вечером около половины восьмого и, должно быть, находились в это время в своей комнате. Я хочу знать, известно ли вам что-нибудь об этом.

Полл посмотрел на Боскомба, который кивнул. Он стал очень тихим, то ли от шока, то ли от испуга, Мелсон не мог сказать, но какое-то время он не мог говорить. Потребовалось несколько повторений этого заявления. Он подошел к стулу и сел, поставив стакан на столик рядом с собой.

- Ну что, мистер Полл?

- Я не знаю! Боже мой! Вы же не думаете, что я это сделал, правда?

“нет. Мы только хотим знать, слышали ли вы что-нибудь или видели, и были ли вы в состоянии что-либо слышать или видеть”.

Паулл, казалось, немного успокоился, и его дыхание стало более спокойным. Прижав ладони к глазам, он раскачивался взад-вперед.

“Не могу думать, черт возьми! Ни одна чертова мысль не укладывается у меня в голове. Все в такой неразберихе; чертовски дурной тон сваливать на меня все это… Убивают полицейского, что за чушь…. Остановись немного!”

Он поднял затуманенный взгляд.

- Там что-то было. …не могу понять, что именно. Некоторое время. Когда? Дай-ка посмотрю. Нет, мне это приснилось. Часто думаешь, что встаешь в темноте, но это не так. Какая чушь. Я подумал—

Словно для того, чтобы отогнать призрак воспоминания, его рука скользнула к карману халата и пошарила там. Она что-то нащупала, потому что выражение его лица изменилось. Ошеломленный, он вытащил из кармана женскую черную лайковую перчатку, частично вывернутую наизнанку. Когда он переворачивал ее, с одного из пальцев, похожих на перчатку, выпал маленький ключ и заблестел на полу; ладонь перчатки была покрыта тусклыми разводами позолоченной краски.

Глава 15

Перчатка для полета

На мгновение Хэдли застыл как вкопанный. Затем он наклонился и взял перчатку из безвольно повисшей руки Кристофера Пола. Поднеся ее к окну, он осмотрел ладонь в тусклом сером свете. За его спиной ветви большого клена, еще едва тронутые желтизной, почти касались окна, и сквозь разбитое стекло дул сквозняк. Хэдли коснулся пятен позолоты, затем провел пальцем по другим пятнам, очевидно, еще не совсем высохшим.

- Кровь, - сказал он.

Тихое слово отозвалось эхом. Оно показалось еще более уродливым, произнесенным в этой большой комнате с ее мрачными книгами и зловещими гравюрами Хогарта на стенах. Вернувшись не спеша, спокойно и неумолимо, Хэдли подобрал маленький ключ. Когда он отошел, чтобы включить свет, на этот раз он сам встал напротив высокой кожаной ширмы, разрисованной языками пламени и шафрановыми крестами. Лицо Хэдли было серым, глаза - сурово-черными, челюсть - поджатой. Он достал из кармана ключ, который Карвер дал ему внизу, ключ от двери на лестничной площадке. Он приложил один к другому, рассматривая их на свету. Они были абсолютно одинаковыми. Затем он разложил ключи по разным карманам.

“А теперь, мистер Полл, - сказал он, - вы расскажете нам, как у вас оказалась эта перчатка”.

“Я не знаю, говорю вам!” - воскликнул тот, издав нечто вроде стона. “Неужели вы не можете дать парню шанс подумать? Может быть, если у меня будет возможность подумать, я смогу разобраться в этой мерзкой штуке. Есть идея — не могу сообразить — подцепил ее где-то? Так ли это? Пришла идея — поговорить с какой-то женщиной. На лестнице. Нет, это была тетя Стеффинс. Она положила мой галстук мне в карман. В тот момент горел свет. Не знаю, почему я это помню.

“Вы знаете, кому принадлежит эта перчатка?”

“Боже милостивый, это не моя перчатка! Уберите ее, пожалуйста? Откуда мне знать?” Он посмотрел на нее с сомнением, как человек, который может приблизиться к змее, уверенный в ее безвредности. - Женская перчатка. Это может быть чья угодно перчатка…. Послушай, старина, дай-ка мне еще одну, а? Я совершенно трезв. Я чувствую себя отвратительно, но я совершенно трезв. Поддержите меня, если я это сделаю.

“Вы, мистер Боскомб?”

Ноздри Боскомба дернулись, но он остался неподвижен, скрестив руки на груди и опираясь на буфет. Он снова боролся за что-то. Он едва взглянул на перчатку.

“Я никогда не видел ее раньше”. “Вы в этом уверены?”

“Совершенно уверены. Я также уверен, что вы стоите на пороге одной из самых больших ошибок в своей жизни. Извините меня”. Он поправил на носу тонкое пенсне и тихо подошел, чтобы взять

у Пола стекло.

- Вчера вечером вы сказали, - продолжал Хэдли, - что до завершения этого дела мы должны обратиться к вам за советом. Вы сказали, что хотите нам что-то сообщить. Вам есть что сказать сейчас?"

"У меня вопрос на вопрос". Он взял стакан Пола, но не обернулся. "Что вы думаете об этой перчатке?"

"Мне не нужно сильно напрягать свое воображение, - ответил старший инспектор, - когда я нахожу буквы "Е". С, нанесенные по трафарету внутри".

Боском повернулся к нему в сухой ярости. "Это было бы в точности похоже на ваш недалекий ум, если бы вы так подумали. А теперь я вам кое-что скажу. Элинор зовут не Карвер. Так случилось, что ее зовут Смит. На принадлежащих ей вещах…

- Понял! - внезапно воскликнул Полл. - Элинор! Конечно!

Он сидел прямо, пытаясь подергать себя за маленькие усики. Его лицо, покрытое пятнами, начало бледнеть; он выглядел располневшим и беспомощным, но впервые стал более уверенным в себе. - Элинор! В коридоре…

"Вы видели ее в коридоре?"

"Ну, ну! Не гоните меня", - настаивал Полл с ворчливой мольбой, как будто его воспоминания могли вылиться, как ведро воды, если он повернет голову. "Не так ли? Я начинаю понемногу приходить в себя. Конечно, это не имеет никакого отношения к твоему проклятому старому полицейскому. Элеонор. Хо-хо! Но раз уж тебе так хочется знать… Я спрашиваю, что произошло на самом деле? Может, если ты расскажешь мне, что…

Хэдли с усилием подавил свое нетерпение.

- Вспомните то, что вы можете вспомнить без посторонней помощи. Мы не хотим, чтобы доказательства были искажены в соответствии с тем, что, по вашему мнению, могло произойти. Ну?"

- Тогда понял. Отчасти. Что меня смущает, так это то, что ты сказал, что я вернулся сюда, - пробормотал Полл с упрямым видом, - так рано. Черт возьми, там был ужин.

.. или был? Не знаю. Как бы то ни было, я проснулся…" "Где?"

"В своей комнате. Понимаете, было темно, и я не понимал, где я и как сюда попал, и в голове у меня был такой туман, что я подумал, что, должно быть, все еще сплю. Я сидел на стуле, и мне было холодно, поэтому я ощупал свое плечо и обнаружил, что я наполовину раздет, даже без обуви. Затем я протянул руку и задел лампу. Я дернул за цепочку и обнаружил, что нахожусь в своей комнате, но свет был какой-то странный.

"Да, боже мой! Теперь я понял… Вспомнил, что где-то в глубине души меня что-то беспокоило. Внезапно я вспомнил. Я подумал: "Черт возьми, который час? Мне нужно успеть на этот ужин". Но я не мог двигаться прямо, и комната выглядела как-то странно, и я не мог найти часы, поэтому подумал: "Кит, ты все еще пьян как сыч, старина. Пора идти на ужин". Потом я долго бродил по комнате, пока не услышал, как где-то бьют часы. Я сосчитал…

Он внезапно вздрогнул. Хэдли, доставший свой блокнот, подсказал: "Ты помнишь, который час?"

- Абсолютно уверен в этом, старина. Полночь. Я считала. Запомните это, потому что я надела халат, потому что было холодно, села на кровать и все обдумала. Я подумал, что все равно смог бы попасть на этот ужин, если бы у меня было еще одно свободное место. Потом — нет, там еще один пробел. Не помню, как встал с кровати. Следующее, что я помню, - это то, что я стою в шкафу среди своих костюмов и других вещей и не могу держаться прямо, но в руке у меня фляжка. В нем было немного, и я выпил, но подумал: "Послушай, старина, этого недостаточно, чтобы поддержать тебя". Всегда чувствую себя наиболее комфортно с полной бутылкой.

"Потом, каким-то образом, я оказался в коридоре в темноте…"

"Как это случилось?"

"Я не могу… Да, черт возьми! Я могу!" Он был еще более взволнован, когда изображение, казалось, медленно выплывало из тумана. Он яростно махнул Боскомбу, и тот принес ему очень слабый напиток, но он еще не попробовал его. - Это был ты. Понял. Конечно. Я подумал: "Старина Боском. У него в буфете всегда стоит бутылка самого лучшего." Потом я подумал, что он, наверное, будет очень недоволен, если я зайду и разбужу его, чтобы попросить чего-нибудь перекусить. Некоторые парни такие.

Но я подумал, что он не запирает дверь. Прокрадись очень тихо, не производи никакого шума — вот так, и возьми бутылочку.”

“Продолжай”.

“Я так и сделал. Тихий. Цыпочки. Выключил свет. Но этот последний напиток — плохой. Все было как в тумане, даже в темноте. Голова шла кругом, я не мог найти дверь. Ужасно. Он снова вздрогнул. “Потом я открыл дверь, очень тихо, понимаете, и вышел в темноту. Фляжка была у меня в руке, не забывай об этом…

- И что же ты увидел? - спросил я. - потребовал Хэдли. Его голос был довольно хриплым.

“я не знаю. Что—то… кто-то движется. Мне показалось, я что-то слышал, но я не совсем уверен… Элеонора, да”.

“Вы можете в этом поклясться?”

“Я знаю, что это было!” Вдохновенно пробормотал Полл. “И тут до меня дошло: Элеонор собирается встретиться с тем парнем на крыше. Она так и делает, знаете ли. Хотел подшутить над ними, снова и снова. Мне захотелось рассмеяться. Я подумал, говорю я, а не развернется ли она, если я подойду сзади и скажу: “Бу-у-у!” - А потом мне стало не по себе от этой мысли. Я подумал: “Бедняжка, сколько же она получает удовольствия?” — А она, знаете ли, не получает, — и я сказал себе: “Ты негодяй, вот кто ты такой, негодяй, если думаешь о том, чтобы прервать ее…”

Из-за его нервозности и рыцарственности даже сейчас его глаза были влажными. Его рука дрожала, когда он допивал остатки виски с содовой.

- Послушайте, мистер Полл, - сказал Хэдли с каким-то безумным терпением, - никому нет дела до того, что вы думали. Никто не хочет знать, о чем ты думал. Все дело в том, что ты видел? Когда тебе приходится давать показания на дознании…

- Расследование? - пробормотал Полл, вскидывая голову. - Что за чушь! Что ты имеешь в виду? Я пытался оказать вам услугу…

- То, что вы увидели, или вам показалось, что вы увидели в темноте, было человеком, которого зарезали. Вы можете это понять? Мужчине нанесли удар ножом в горло — вот так, — он споткнулся, поднимаясь по лестнице, и умер между этими двумя

дверями”. Хэдли подошел и распахнул их. “Вы все еще можете видеть кровь на полу. А теперь говорите громче! Расскажите нам, что вы слышали, как к вам попала эта перчатка, и как получилось, что никто не видел вас, когда двери открылись через несколько минут после этого, или же вполне возможно, что суд присяжных коронера вынесет против вас вердикт об умышленном убийстве.”

“Вы хотите сказать”, — сказал другой, насторожившись и схватившись за подлокотники кресла, - “это было то, что я услышал…”

“Слышал?”

“Это был странный звук, как будто кто-то поперхнулся, а потом немного споткнулся. Я подумал, что это потому, что она услышала меня и испугалась. Поэтому я пригнулся, скорее…”

“Тогда как далеко вы были от лестницы?”

“я не знаю. Все как в тумане. Хотя, остановись немного. Должно быть, я был довольно далеко, потому что за моей дверью почти ничего не было. Или я был? Не помню… Но когда я наклонился, я задел что-то или пнул ногой, не помню, что именно, и это была та перчатка.”

“Вы пытаетесь сказать нам, что нашли эту перчатку на полу неподалеку от лестницы? Ну же!”

“Я говорю вам, что это правда! Сомневаться - дурной тон. Послушайте, я не знаю, где это было, но это было на полу, потому что я чуть не уронила свою фляжку, когда поднимала ее, и там был сквозняк. Я решила вернуться в свою комнату и подождать, пока она уйдет. Что я и сделала. Тихонько, знаете ли. На цыпочках. Потом я не знаю, что произошло. Я даже не помню, как добралась до своей комнаты. Следующее, что я помню, - это как рассвело, и я лежала на кровати, все еще полуодетая, и чувствовала себя ужасно.”

“Зачем ты поднял перчатку?”

“Я… я пытался сделать хороший ход, черт возьми!” — запротестовал тот со слабым недовольством. В его глазах снова появилось унылое выражение. “По крайней мере, я так думаю. Да, конечно. Я подумала: “Бедняжка, маленькая леди потеряла свою перчатку”. Тетя Стеффинс находит ее там, и у нее начинаются неприятности. Бедная старушка. Отдай это ей завтра и скажи:

“Да, да, я знаю, где ты был прошлой ночью”. Ха-ха!.. Послушай, старина, я что-то неважно себя чувствую. Может быть, если у меня будет время, я смогу вспомнить еще что-нибудь. Кажется, я припоминаю… — Он взъерошил волосы, а затем непонимающе покачал головой. “нет. Этого больше нет. Но теперь, когда я продолжаю думать, я, кажется, вспоминаю…”

Доктор Фелл, который на протяжении всего этого рассказа хранил молчание, неуклюже шагнул вперед. В зубах он все еще сжимал окурок давно погасшей сигары, но он вытащил его и спокойно положил в пепельницу, прежде чем посмотреть на Пола.

- Помолчите минутку, Хэдли, - прогрохотал он. - От этого зависит чья-то жизнь…. Посмотрим, смогу ли я помочь вашей памяти, молодой человек. Вспоминать. Вы сейчас в коридоре, в темноте. Вы говорите, что там был сквозняк. А теперь подумайте о двери на верхней площадке лестницы, той, что ведет на крышу, куда, как вы думали, направилась Элинор. Вы бы заметили это, если бы… Не было ли сквозняка, потому что дверь была открыта?”

“Да, черт возьми! так оно и было! - пробормотал Полл, садясь. “Конечно. Теперь я знаю. Именно об этом я и пытался думать, потому что…”

“Не води его за нос, Фелл!” - рявкнул Хэдли. “Он вспомнит все, что угодно, если ты ему это предложишь”.

- Я ничего не предлагаю. Теперь ты понимаешь, молодой человек, не так ли? Он указал тростью. - Почему ты уверен, что она была открыта?

- Потому что люк на крышу тоже был открыт, - сказал Полл.

Воцарилось молчание. Топситюрвидом снова вернулся. Мелсон посмотрел поверх широкого плаща доктора Фелла, на тускло поблескивающий набалдашник трости, которую тот держал в вытянутой руке, и на толстое бледное лицо Пола, сидевшего на фоне большого синего кресла. В глазах молодого человека разгорался огонек откровения и еще большей уверенности. Ему нельзя было не поверить.

“Это чистое надувательство”, - тяжело произнес Хэдли. “Отойдите, Фелл. Я не собираюсь навязывать подобные вещи свидетелям… Случилось так, мистер Полл, что один надежный человек, который в тот момент был трезв, сказал нам, что люк был надежно заперт, когда он осмотрел его некоторое время

спустя. Тем временем дверь, ведущая к нему, была заперта, а ключ отсутствовал.”

Полл откинулся на спинку стула. На его лице постепенно появилось выражение, которое нельзя было назвать слабым или недовольным.

- Послушай, старина, - тихо сказал он, - я начинаю уставать от того, что люди называют меня лжецом. Если вы думаете, что мне доставляло удовольствие рассказывать о том, как я выставил себя на посмешище, подумайте еще раз. Я делаю все, что в моих силах; я знаю, в чем заключается правда, и я расскажу вам об этом в каждом суде коронера отсюда до Мельбурна… Дверь была открыта. Как и ловушка. Я знаю это, потому что видел лунный свет.

“Лунный свет?”

“Скорее. Когда вы открываете эту дверь, вы видите прямой коридор без окон, который ведет к чему-то вроде лестницы в конце. Над ним есть маленькая кладовка, в которой нельзя встать во весь рост, а люк находится прямо над ней. Я знаю это. Однажды мы подумывали о том, чтобы разбить на плоской части крыши садик для посиделок. Мы не могли: слишком много дыма валило из труб… Но я знаю это.

“Я знаю, что я видел. Это было что-то вроде полосы лунного света на полу коридора. Если бы я мог видеть коридор, дверь была бы открыта, а если бы я мог видеть лунный свет, ловушка была бы открыта. Это точно. Ловушка была открыта, совершенно верно. Черт возьми, теперь я знаю, что навело меня на мысль об Элеоноре! Вот и все.

- Но вы видели кого-нибудь, кого можно было бы опознать? - спросил доктор Фелл.

— Нет. Просто что-то двигалось. Или предметы.

Хэдли медленно обошел стол, постукивая по нему костяшками пальцев, опустив голову. Но он осознал, что держит в руке перчатку, и его нерешительность длилась недолго.

“Я не думаю, что это имеет большое значение”, - сказал он. “Поскольку я нашел на пальце этой перчатки — перчатки, которой пользовалась убийца, — ключ, который открывает эту дверь. Мой вам совет, мистер Полл, - идите в свою комнату,

умойтесь водой и позавтракайте. Если у вас появятся еще какие-нибудь идеи, приходите и расскажите мне. - Он многозначительно посмотрел на доктора Фелла и Мелсона. - Я думаю, джентльмены, что один взгляд на люк…

- Я в восторге, - сказал Полл. - Спасибо за выпивку, старина. Я человек новый.

Он закрыл дверь так тихо, что Мелсон заподозрил, что он собирался ею хлопнуть. Хэдли последовала за ним мгновение спустя, бросив взгляд налево, на дверь комнаты Пола, которая тоже закрылась. Проследив за взглядом старшего инспектора, Мелсон увидел, что лестница находится на некотором расстоянии от комнаты Пола — от кровавых следов, примерно в пятнадцати футах. Занавески на больших окнах в передней части зала были раздвинуты, и резкий свет ясно освещал его. Были предприняты некоторые усилия, чтобы оттереть пятна, но влажный ворс на ковре в красный цветочек выцвел, и следы были видны отчетливее, чем сама кровь.

Мелсон подумал, что было бы невозможно определить, на какой ступеньке лестницы стоял Эймс, когда стрелка часов вонзилась ему в шею. Первые пятна появились на второй ступеньке сверху, но, поскольку он, по-видимому, оставался на ногах до тех пор, пока не споткнулся о порог наверху, удар мог быть нанесен ниже. Сначала след повернул направо (вверх по лестнице), как будто умирающий мгновение или два пытался ухватиться за перила; затем он пошел зигзагом влево, миновал верхнюю ступеньку, снова повернул направо и стал более ровным, как будто Эймс ненадолго опустился на одно колено и, наконец, к двойным дверям.

Хэдли посмотрела на доктора Фелла, а доктор Фелл на старшего инспектора. Оба были о чем-то заняты; назревала битва, но ни один из них не хотел поднимать эту тему. Хэдли осмотрел перила, заглянул на узкую лестницу, ведущую этажом ниже, и оглянулся на дверь Пола.

“Интересно, — внезапно заметил он, - сколько времени ему потребовалось, чтобы добиться такого прогресса?”

“Две или три минуты, наверное”. Доктор говорил с грубоватой рассеянностью. “Он двигался медленно, иначе по следу было бы не так легко идти”.

- Но он не вскрикнул.

“нет. Убийца выбрал место, которое гарантировало, что он не попадет в цель.

- И сзади… - Хэдли огляделась. - Есть какие-нибудь предположения, где могла стоять убийца? Если она наткнулась на него, последовала за ним…

“По всей вероятности, человек, убивший Эймса, стоял, прижавшись к стене напротив перил, примерно на три ступени ниже. Когда Эймс проходил мимо, убийца нанес удар. Вполне вероятно, что Эймс поднимался, держась рукой за перила: большинство из нас так делает, когда поднимается по незнакомой лестнице в темноте. От удара Эймс едва не упал на колени — должно быть, именно там дорожка поворачивает направо, и он схватился обеими руками за перила. Затем он ослабил хватку, повернул налево и продолжил движение, как вы видите.”

“Эймс прошел мимо, но не заметил убийцу?”

“Это, - сказал доктор Фелл, шумно втягивая носом воздух, - и есть тот момент в реконструкции, который я хотел вам показать. Это вопрос света. В этом зале, как, я думаю, мы уже не раз слышали, царила кромешная тьма. Вопрос: как, черт возьми, убийца мог предвидеть, что он нанесет удар? Что ж, есть только один способ справиться с этим, и я проверил его прошлой ночью… Посмотри вниз; тебе придется немного спуститься. Итак, видишь эти узкие окна по обе стороны от входной двери? Один из них находится прямо на одной линии с перилами, а снаружи горит уличный фонарь. Силуэт человека, поднимающегося в темноте, виден слабо, но четко, в то время как убийца был бы в тени. Как я уже сказал, я проверил это прошлой ночью. Я попросил Элеонору Карвер показать мне, где она стояла, когда впервые увидела тело с лестницы, и это сработало.

Хэдли выпрямился. - Итак, вы спросили Элеонору Карвер, - повторил он с любопытством в голосе. “Я хочу поговорить с тобой об этом… Давай сходим и посмотрим на засов на люке; может быть, поднимемся на крышу. Там мы сможем поговорить наедине”.

Здесь было напряжение, напряжение между старыми друзьями.

Хэдли достал из кармана один из ключей и отпер дверь на верхней площадке лестницы. Дверь открылась внутрь, и он

нащупал на левой стене выключатель. Тусклая электрическая лампочка, свисавшая с потолка без абажура, освещала узкий коридор, обшитый темными панелями и душный, с полосой рваного ковра на полу и крутой лестницей в другом конце. Потолок был низким, что делало кладовку над головой чем-то вроде чердака, и Мелсон обнаружил, что кашляет от пыли, которая клубилась вокруг лампы. Хэдли щелкнул замком. Затем он перестал защищаться.

- Фелл, - резко спросил он, - что с тобой такое?

Доктор Фелл посмотрел на стремянку, поколебался, а затем усмехнулся. Этот смешок, гулко раздавшийся в затхлом пространстве коридора, ослабил, а затем и вовсе уничтожил напряжение; глубокое и безудержное веселье, прогнавшее ужасы этого дела. Вытащив свою яркую бандану, он вытер лоб, и в его глазах снова появился блеск.

- Нервы, - признался он. - Не знал, что они у меня могут быть. Это результат того, что я просидел до полудня без укрепляющего воздействия пива. А еще потому, что я пережил одну из худших интермедий, которые я когда-либо надеялся поставить. Хех. И еще—

- Вы не верите, что эта девушка виновна.

- Элинор Карвер? Я - нет, - сказал доктор, издав оглушительный боевой клич и высморкавшись. - Хаа, хум. Нет. Но сначала, может быть, вы заглянете в этот люк и посмотрите, что можно сказать в подтверждение показаний молодого Пола?

Хэдли карабкался по лестнице, пока не осталась видна только нижняя часть его ног. Они услышали стук его ладоней, звук чиркнувшей спички, а затем удовлетворенный возглас. Отряхнув руки, он спустился и просунул голову под чердак.

- Это все объясняет. Это совершенно определенно все объясняет. Убийца не спускался сюда; и, более того, он не проскользнул обратно через эту ловушку, оставив ее запертой изнутри. Она заперта, мой мальчик. Сильно и быстро, и чтобы сдвинуть его с места, нужен хороший гаечный ключ.

Доктор Фелл покрутил бандану.

“Итак, - задумчиво заметил он, - ваш главный свидетель был пьян, и ему померещилось?”

“Совершенно верно. Это доказывает, что только Эл… Подождите! Что, черт возьми, вы имеете в виду, мой главный свидетель?

“Не так ли? Разве он не доказал вам, что Элинор совершила убийство? Теперь я понимаю, - с удовольствием сказал собеседник, - что вы согласны с Эмерсоном, когда он говорит, что глупая последовательность - удел недалеких людей. Но в этом вопросе я собираюсь призвать вас к некоторой последовательности. У вас, черт возьми, не может быть и того, и другого одновременно. Когда Пол показал окровавленную перчатку, которую, по его словам, он подобрал в темном коридоре, вы поаплодировали его проницательному присутствию духа. Когда он говорит, что видит сравнительно безобидное пятно лунного света — которое в темноте обычно более заметно, чем черная перчатка, — тогда вы выходите из себя и обвиняете его в белой горячке. Так, так. Вы можете верить или не верить в его историю, я не возражаю. Но вы не можете принимать ту часть, которая вам нравится, и с презрением отзываться о той части, которая не соответствует вашей теории. На мой простой взгляд, в ней должно быть в равной степени как лжи, так и правды.”

- Я могу, - ответил Хэдли, - если факты подтвердят мою правоту. Ловушка захлопнута: он ошибся на этот счет. Но, с другой стороны, вот перчатка. Она у меня в кармане. Вы ведь не сомневаетесь в том, что это была перчатка, не так ли?”

“Я сомневаюсь только в ее важности.. Послушайте, пожалуйста. Вы действительно думаете, что убийца воспользовался этой перчаткой? Можете ли вы представить себе Элеонору Карвер, ударившую беднягу Эймса ножом, срывающую перчатку и подбрасывающую ее в воздух в порыве чистой радости — чтобы полиция нашла внутри ее инициалы? Кстати, она, должно быть, проплыла какое-то расстояние, если проделала путь от верхней площадки лестницы до двери Пола. “Тайна летающей перчатки”, триллер Скотленд-Ярда, автор Дэвид Ф. Хэдли… Обмани мои ожидания, тупица. Первоклассная, гарантированно британская инсценировка. Посадите Пола за решетку, чтобы он рассказал эту историю, и хороший адвокат поднимет вас на смех в суде. Но что вы делаете? Вы принимаете это доказательство без изменений и решительно отрицаете существование потайной двери! Вам не приходило в голову, что тогда люк, возможно, был открыт, а сейчас заперт по той поразительной причине, что кто-то запер его позже?

Хэдли внимательно посмотрел на него. На его лице появилась

мрачная улыбка. Он похлопал по карману, куда положил перчатку.

“Ты достаточно хорош в насмешках. Я всегда признавал это…”

“Но разве ты не видишь в этом никакого смысла?”

Собеседник заколебался. “Возможно, это твои собственные рассуждения, похожие на фейерверк. Но я не хочу никакой адвокатуры, и мне кажется, что вы занимаетесь тем, что называется насвистыванием на кладбище. Вы решили, что эта девушка невиновна…”

“Я знаю, что это не так. Послушайте, что вы собираетесь делать?”

- Наденьте на нее перчатку. Если она действительно принадлежит ей… А теперь успокойтесь и взгляните на обстоятельства дела. Улики совпадают вплоть до мельчайших деталей, вплоть до того, что она сама призналась, что у нее была привычка носить ключ в перчатке — и мы нашли ключ в этой перчатке!

“Мы решили, что круг подозреваемых в деле с универмагом сузился до Хандрета и Карвера. Хэндрет доказал свое алиби. Свидетели из “Гэмриджа” не разглядели лицо девушки, но во всем остальном описание в точности соответствует Элеоноре. Она даже призналась, что была в магазине во время убийства. …”

- А теперь, - с горечью прервал его доктор Фелл, - я приведу вам доказательства, которые соответствуют вашему делу и которые вас несказанно порадуют. У меня был разговор с Карвером—Йоханнусом. Он считает, что она виновна, и, по—видимому, пришел к такому выводу после ограбления и убийства в Гэмридже до такой степени поспешно, что вчера вечером солгал нам о том, что помнит причину, он сказал: “У нас были некоторые трудности с ней в детстве”, - передумал и заткнулся. Клептомания, мой мальчик. Клептомания, за пятерку.

“Ты шутишь?”

“Не-е-ет!” - проворчал доктор Фелл. “Хватай яркие предметы, вот и все. Наверное, все об этом знают. Единственная причина, по которой Ла Стеффинс не упомянула об этом вчера вечером, вероятно, заключалась в том, что ее ограниченное воображение не могло связать никого в ее собственном доме с убийством. Хватайте яркие предметы: браслеты, кольца, часы…. Если яркие предметы принадлежат вашему опекуну, запреты, прочно

укоренившиеся в прошлом, не позволяют вам брать их, за исключением случаев, когда они находятся вне его попечения — на попечении другого человека — или проданы кому-то другому. Эти запреты! Часы были проданы сэру Эдвину Пауллу; одни часы были проданы Боскомбу, а “Гэмридж” нес финансовую ответственность за сохранность остальных. Возьмите яркие предметы: часы, кольца, ножи для разделки мяса”.

Хэдли сражался со своим блокнотом.

“Вы что, совсем спятили?” потребовал ответа старший инспектор. “Вы выдвигаете неопровержимые доказательства против собственного клиента! У меня есть—”

Доктор Фелл глубоко вздохнул и замолчал.

“Я говорю вам это, — ответил он, - во-первых, для того, чтобы вы не могли сказать, что защита была несправедливой; во-вторых, чтобы вы увидели то, что я видел, надвигаясь одной смертоносной массой на ту девушку из первого… и в-третьих, потому что я не поверь хоть одному чертову слову из этого. Как и в случае с некоторыми другими твоими случайными обстоятельствами, Хэдли, это слишком хорошо, чтобы быть правдой… Мне продолжить и изложить твое дело? Его гораздо больше”.

“Какова защита?”

Доктор Фелл расхаживал взад и вперед по коридору, который, казалось, душил его.

“Я не знаю”, - глухо ответил он. “Я не могу прийти — пока. Послушайте, может, нам выбраться отсюда? Я бы предпочел, чтобы меня подслушали, а не задушили… Но если я расскажу вам о вашем деле и вобью все хорошие, крепкие гвозди в крышку гроба, вы дадите мне немного времени, чтобы вытащить их снова?”

Хэдли пошла впереди него к двери. - Вы думаете, что знаете, кто совершил убийство?

“да. И, как обычно, это последний человек, которого вы могли бы заподозрить — Нет, я не собираюсь вам говорить. Так оно и есть?”

Хэдли повозилась с пружинным замком, щелкая им взад и вперед.

- Девчонка Карвер виновна. Я почти уверен в этом. Но я готов признать, что ваша проклятая позитивность вызывает у меня беспокойство… Послушайте-ка! За неимением других доказательств, я могу подержать руку, пока не удостоверюсь в перчатке и не проверю все другие возможности; а пока мы позволим ей тоже…

Решительным жестом он открыл дверь.

и остановился. На верхней площадке лестницы он столкнулся лицом к лицу с сержантом Престоном, смуглолицым начальником отдела розыска.

- А, сэр! - сказал Престон с ухмылкой. - Я искал вас по всему дому. Я хотел сказать вам, что все в порядке. Хо-хо!"

"Все в порядке?"

"Да, сэр. Мы нашли вещи, очень аккуратно спрятанные в ее комнате, но мы их нашли"

Мелсон почувствовал, как у него перехватило горло, и услышал, как доктор Фелл что-то пробормотал, когда Хэдли задал очевидный вопрос.

- Комната молодой леди, сэр, - ответил Престон. - Комната мисс Элинор Карвер. Не могли бы вы спуститься и

видишь?"

Глава 16

Доказательство за панелью

Хэдли не смотрел на доктора Фелла, пока они спускались по лестнице. Возможно, сержант тоже почувствовал напряжение, потому что, бросив любопытный взгляд на старшего инспектора, он замолчал. Мелсон поймал себя на том, что с некоторым потрясением думает о том, что это стало очевидным: не просто обвинение, а нечто реальное, как смерть и тонкая веревка. Перед ним проплыло лицо Элинор Карвер — длинные коротко подстриженные волосы, голубые глаза с тяжелыми веками, страстный, чувственный рот, шевелящийся в беззвучной речи… Она гуляла с Гастингсом или уже вернулась? В Англии с ними быстро расправились. Три чистых воскресенья после вынесения приговора, а затем прогулка на рассвете. В нижнем коридоре

Хэдли повернулся к Престону.

“Зашитый в матрас, я полагаю?” резко спросил он, “или спрятанный за кирпичами? Прошлой ночью мы провели лишь поверхностный обыск”.

- Неудивительно, что вы не нашли этот материал, сэр. Нет. Он гораздо умнее. Я, конечно, должен был найти его в конце концов — я просто осматривался вокруг. Но помог несчастный случай. Убедитесь сами.

Комната Элинор находилась в задней части дома. Перед закрытой дверью миссис Стеффинс стояла в тени лестницы. У нее был взволнованный вид, словно по дому пронесся какой-то невысказанный слух. Они увидели в полумраке белки ее глаз.

“Там что-то происходит”, - пронзительно сказала она. “Я слышала, как они разговаривали. Они слишком долго пробыли в этой комнате, и они не пускают меня внутрь. У меня есть право войти туда… это мой дом… Йоханнус!”

Хедли вышел из себя.

“Уйдите с дороги”, - рявкнул он. “Уйдите с дороги и ведите себя тихо, или вам всем будет хуже. Берты!” Дверь в комнату Элинор приоткрылась, и выглянул сержант Беттс. - Выйди сюда и встань на страже. Если эта женщина не будет вести себя тихо, запри ее в ее комнате. А теперь, Престон…

Они вошли внутрь и отгородились от пронзительных криков. Это была маленькая, но с высоким потолком комната, очевидно, когда-то являвшаяся частью более просторной, отгороженной перегородкой. Два высоких окна с маленькими стеклами выходили на вымощенный кирпичом задний двор, но выступ деревянной кладовой закрывал даже этот вид. Стены были отделаны теми же прекрасными белыми панелями, что и в большинстве других комнат; в остальном же вся комната выглядела тесной и скудной. На каминной полке из белого мрамора красовалась кукла Крейзи Кэт и две или три фотографии кинозвезд в тонких рамках из искусственного серебра. Каким-то образом это выражало все остальное. Что касается остального: деревянная кровать, умывальник, открытый шкаф, в котором на вешалках развешаны платья в беспорядке, туалетный столик с большим зеркалом и фарфоровой лампой в форме маркизы восемнадцатого века, а на полу небольшой тканый коврик. У

камина стояла миссис Горсон, в ее карих глазах навыкате застыло испуганное выражение, а в пальцах болталась ручка щетки для чистки ковров. Они слышали ее дыхание

- Ну и что? - спросила Хэдли, оглядываясь по сторонам. - Я по-прежнему ничего не вижу. Что ты нашел и где это?

“ах! В этом-то все и дело, сэр, - кивнул Престон. - Я подумал, что должен дать вам возможность убедиться. Он подошел к стене между двумя окнами. Между ними висела плохая картина в размытых красках, на которой рыцарь в доспехах прижимал к своим наплечникам полураздетую девушку с длинными желтыми волосами. Шаги Престона скрипели по доскам. Он отодвинул картину в сторону.

- Я только начинал работать над этой стеной, сэр, и Беттс была со мной. Эта дама, - он кивнул в сторону миссис Горсон, - настояла на том, что ей нужно немного прибраться, и мы позволили ей продолжать. Она орудовала шваброй, и когда повернулась, ручка швабры ударилась об эту панель… Ну, тогда все было готово. Мне потребовалось больше времени, чтобы найти пружину. Но смотрите.

Он провел пальцем по верхней панели. Точно так же, как это произошло в комнате Карвера, сбоку от панели появилась вертикальная линия, правда, длиной всего около двух футов. Престон просунул пальцы внутрь и вдавил заслонку в стену.

“Как у старика”, - пробормотал Хэдли и хлопнул в ладоши. “Кажется, архитектор этого дома…” Он поспешил вперед, и они последовали за ним.

- Похоже, ее повесят, не так ли, сэр? - самодовольно осведомился Престон. - Я помню, как мы раскопали тайник того парня, Брикслы, убийцы с Кромвель-роуд;

вы помните, сэр, того, у которого рука жены была обмотана куском…”

“Тише!” взревел доктор Фелл. “Спокойно, Хэдли. …”

Все намеки на присутствие девушки собрались в этой комнате, чтобы сформировать ее образ. В отверстии, которое было выдолблено в кирпичах примерно на фут глубиной, лежали какие-то предметы, завернутые в старый рваный свитер и засунутые за коробку из-под обуви, как будто для большей

надежности. В коробке из-под обуви лежала стальная часовая стрелка с позолотой длиной около пяти дюймов и черная лайковая перчатка для левой руки, которая, без сомнения, была такой же, как та, что лежала в кармане Хэдли. Хэдли с таким рвением, что у него задрожали руки, отнес свернутый джемпер на кровать и развернул его.

Это был платиновый браслет с бирюзой. Пара сережек-подвесок с жемчугом. Похожий на череп предмет, размером чуть меньше человеческого кулака. Они покатились по белому покрывалу, когда Хэдли вытащила из-под них джемпер, и свет уродливо заиграл на серебристо-позолоченной поверхности черепа, который нелепо перевернулся, словно отрубленная голова. “Хватайте яркие предметы…”

- Нет! - раздался хриплый голос. Они услышали стук деревянной ручки о каминную полку и прерывистое дыхание. Миссис Горсон подошла к ним тяжелой походкой, прижав руку к пышной груди, глаза ее были навыкате. “Это неправильно”, - сказала она с яростной настойчивостью и указала на кровать. “Я говорю вам, Бог мне судья в эту минуту, что это неправильно. Я говорю вам, что они “съели ее”.

Хэдли выпрямилась.

- На этом все, миссис Горсон, - сухо сказал он. - Большое вам спасибо.

— Но я прошу вас, сэр, я прошу вас, — ее дыхание все еще было прерывистым, и она потянулась к лацкану его пиджака, - теперь подойдите и скажите мне, должен ли кто-нибудь знать лучше, чем я? А? Казалось, она пыталась загипнотизировать его коровьими глазами и покачиванием головы. “Э-э-э? Когда я прожила здесь одиннадцать лет, с тех пор как умерла старая миссис Карвер, и я знаю, что Миллисент Стеффинс, которая меня не обманет, хочет его, а он не хочет ее видеть….. Послушайте, сейчас! Совсем немного, сэр, и я смогла бы вам сказать…

- Хорошо, Престон. Уведите ее.

- И это сделала я, - внезапно сказала миссис Горсон. Ее глаза наполнились слезами. Она не сопротивлялась, когда Престон вытолкнул ее, как мешок с грязным бельем, но Мелсон взял себя в руки, потому что думал, что она закричит. Она действительно закричала, но только когда оказалась в коридоре.

- Беттс! - позвала Хэдли. — Где тебя черти носят? - Ах! Ты видел, что здесь? Хорошо. Затем спрыгивайте вниз после получения ордера. Нам лучше подготовиться заранее. Если возникнут какие-то проблемы, попросите их позвонить мне сюда и уточнить… Она уже пришла?"

"Нет, сэр".

"Тогда скажите Престону, чтобы он держался поближе к двери и привел ее ко мне, как только она придет. Но бегите за этой Горсон, и побыстрее!— и не позволяйте ей пока ни слова сказать о том, что произошло.

- Подождите секунду, Беттс, - сказал доктор Фелл. От его неуверенности не осталось и следа; он выглядел очень спокойным, опираясь на трость и неопределенно помахивая сержанту пальцем, в то время как сам пристально смотрел на Хэдли. "Вы уверены, что хотите сделать это сейчас? Почему бы просто не задержать ее и не дождаться окончания расследования?.."

"Я не хочу рисковать своей пенсией, перекладывая ответственность за заведомо виновную женщину".

"Но вы же понимаете, что погубите себя, если допустите ошибку? Вы знаете, что даже не дали женщине возможности объяснить это? Ты знаешь, что делаешь именно то, чего хочет от тебя настоящий убийца?

Хэдли пожал плечами. Затем он достал часы. - Если это удовлетворит вашу совесть, я окажу вам услугу за всю прошлую помощь. Сейчас двадцать минут первого. Она должна прийти с минуты на минуту… Он заколебался, уставившись на нее. - Если только… Боже милостивый! Ты думаешь, она сбежала? Она не пошла сегодня на работу, она пошла гулять с Гастингсом…

Он ударил кулаком по ладони и неуверенно обернулся. — Если это так…

- Ну, если это так, - возразил доктор Фелл, - то нет ничего проще, чем найти ее. И тогда я сниму свой протест, и вы сможете предъявить свой ордер на арест виновной женщины. Но она будет здесь. На какие уступки вы собирались пойти?

- Подожди в холле несколько минут, Беттс. …Я поговорю с ней, да. Ты ведешь себя так, будто я ожидал получить огромное

удовольствие от ареста этой девушки. Позволь мне сказать, что это не так. Я полностью согласен рассмотреть вашу версию дела — несмотря на доказательства, за которые можно было бы причислить к лику святых, — при условии, что вы дадите мне возможность ознакомиться с этим делом. Но вы этого не сделали. Все, что вы сделали, - это высмеяли существующие доказательства и пожаловались на мою тупость. Однако вы не можете полагаться только на догадки. Я никогда не видел, чтобы вы использовали в качестве оправдания такую заезженную чушь, как интуиция"; так что, если у вас есть какие-то реальные основания полагать, что она невиновна, дайте мне их услышать, и я постараюсь отвлечься от этих доказательств. …"

- Ах, это? - без всякого интереса переспросил доктор Фелл. Он взглянул на вещи на кровати, а затем на коробку из-под обуви, стоявшую в проеме. "Я знал, что мы должны найти большинство из этих вещей, даже когда не был уверен, в какой именно комнате, поэтому они не произвели на меня впечатления. Напротив, они подкрепили мою теорию. Я знал, что мы должны найти стрелку от часов и чью-то перчатку, а также, возможно, браслет и часы. Единственное, в чем я был абсолютно уверен, что мы не должны найти…" "Ну?"

"Это часы, взятые с витрины Гэмриджа. Вот моя позиция. У меня есть теория, которую я считаю верной. На пути к этому стояли два непреодолимых препятствия — не сама теория, я бы сказал, а то, как заставить вас или кого-либо еще поверить в это. Я нашел способ преодолеть одно из этих препятствий. Но другая настолько велика, что, честно говоря, я признаю, что потребуется нечто вроде чуда, чтобы устранить ее… С другой стороны, в вашей теории есть одно очень слабое место —"

- Это не теория; есть факты, в буквальном смысле неопровержимые факты, которые лежат на кровати и в этой коробке. Вы признали, что даже без них мы могли бы обвинить Элеонору Карвер в убийстве в универмаге…

"И убийство Эймса тоже, не забывайте", - сказал доктор Фелл, указывая на него. "Только убийство Эймса подтверждает это и доказывает все в целом".

- Ну, если присяжные поверят, что она ударила ножом продавщицу, они не будут против того, чтобы предположить, что она также убила инспектора полиции. Даже если предположить, что они сомневаются. Если мы повесим ее за убийство Эвана

Мандерса, для нее не будет большим утешением сказать, что присяжные, в конце концов, на самом деле не были уверены, что она убила Джорджа Эймса… И мои доводы против нее за убийство Эймса столь же убедительны.”

“я знаю. Но я не хочу слышать доказательств. На всякий случай, прежде чем я начну, расскажите мне точно, что, по вашему мнению, произошло здесь прошлой ночью.

Хэдли присел на край кровати и принялся неторопливо набивать трубку.

“По мере того, как я восстанавливаю это — я не говорю, что это точная схема; позже мы сможем внести в нее все необходимые коррективы, - Элинор знала, что за этим домом наблюдает полицейский и пытается завязать знакомство с его членами в том пабе…”

- Между прочим, в пабе, который, как известно, Элинор никогда не посещала и еще меньше знала о том, что там находится переодетый полицейский.

Хэдли смотрела на него почти добродушно. - Ты собираешься сражаться на каждом шагу, не так ли? Я не возражаю. Ни одно из этих возражений не имеет значения для проклятия жестянщика…. Карвер подозревал, что этот человек был офицером полиции (он сам нам об этом сказал), а Люсия Хандрет знала, что это был он (также по ее собственным показаниям). Так вот, вероятно ли, что кто-то из них будет держать новость в секрете и никогда не станет комментировать ее кому-либо еще? Это не так!— это выплывет наружу, хотя бы в непринужденной беседе. И если бы у Карвера были какие-то основания опасаться, что его любимая подопечная замешана в деле Гэм-Риджа (как вы говорите, он вам сказал), он бы намекнул. Короче говоря, есть дюжина способов, о каждом из которых она должна была знать…. Тем более, - добавил Хэдли, пытаясь раскурить трубку, - она, вероятно, знала, что кто-то шпионит за ней в доме, знает ее тайну и готовится сообщить в полицию, что это может быть…

- А! - проворчал доктор Фелл. - Мы возвращаемся к тому таинственному обвинителю, не так ли? И кто же был этим обвинителем?

- Миссис Миллисент Стеффинс, - спокойно ответил старший инспектор. - И я назову вам несколько чертовски веских причин. Я

не буду настаивать на очевидных фактах, что (1) она из тех, кто пишет анонимные письма, шпионит за своими домочадцами и тайно обращается в полицию; что (2) она должна была знать об этой потайной панели в стене, чего не знал бы здешний гость; и (3) она позаботится о том, чтобы Карвер не понял, что она была первой, кто обвинил его подопечную и навел полицию на ее след. …Вот, - сказал Хэдли со своей медленной усмешкой, - мое объяснение молчания обвинителя, без всякой туманной чепухи. Я не буду говорить, тогда—

- Ладно, ладно, - раздраженно прервал его доктор Фелл. “Вы можете опустить все то, о чем не хотели говорить. Выбросьте из головы все то, о чем вы и не подумали бы упомянуть. Что вы скажете о Стеффинсе?”

Хэдли постучал чубуком трубки по зубам.

“Я прошу вас вспомнить ее разговор об Элеоноре”.

“Что насчет этого?”

“Вы согласитесь, не так ли, что она самая разговорчивая из всех, кого вы когда-либо встречали?” “да.”

— И что она кричала на весь мир о любовной связи Элеоноры на крыше; о неблагодарности Элеоноры, эгоизме Элеоноры, жадности Элеоноры; фактически, обо всем, что касается Элеоноры, кроме…

- Да, ну и что?

- За исключением, - повторил Хэдли, после паузы наклоняясь вперед, - единственных фактов об Элеоноре, которые имели отношение к этому расследованию, и о которых она не могла не знать, что они имели отношение к делу. Она, должно быть, знала о своей клептомании — которая была бы гораздо лучшим оружием для коварных и неприятных замечаний, чем большинство из тех, что она использовала, — но она никогда даже не намекала на это, даже до того, как мы затронули тему ограбления Гэмриджа. На этот счет она хранила полное молчание. Она была слишком молчалива. Затем, когда мы все— таки подняли вопрос о Гэмридже и прямо в лицо обвинили одну из этих женщин, она по-прежнему ни словом не обмолвилась об Элеоноре, хотя, должно быть, прекрасно знала, что Элеонора была у Гэмриджа; она, конечно, поинтересовалась бы, почему Элеонора опоздала к чаю -вечеринка.

Все, что она сказала, было: “Элинор опоздала. И снова она была слишком молчалива. И это не могло быть так, как вы однажды пытались намекнуть, что она “не связывала убийство с кем-либо из домочадцев”; как я уже сказал, мы категорически заявили, что один из них ударил продавщицу ножом. Нет, упал. Она зашла слишком далеко, слишком невероятно далеко в противоположном направлении, на случай, если ее заподозрят в том, что она донесла на Элеонору, возлюбленную Карвера. Она молчала, как обвинитель, потому что она была обвинителем.”

После этого взрыва красноречия Хэдли прислонился к изножью кровати и принялся энергично раскуривать свою догорающую трубку. В его мрачных глазах промелькнули веселые искорки.

- Итак, мы видим, как старый медведь рычит, не так ли? спросил он, изучая холерическое выражение лица доктора Фелла. - Вот что я вам скажу. Мне нечего делать, пока не вернется моя жертва, и я так сильно переживаю по этому поводу, что не прочь продолжить изложение своего дела для обвинения. Когда я закончу, вы можете встать на защиту, если хотите. Доктор Мелсон будет присяжным заседателем. А?”

Доктор Фелл злобно ткнул в него тростью.

“Теперь я сумасшедший”, - сказал он. “Теперь я хороший и сумасшедший. Я и не подозревал, что вы тайком подбираете улики за моей спиной, а также спокойно присваиваете себе все то, что я вам высказал. Ладно, сейчас я расскажу вам кое-что, даже если для этого еще не пришло время. Да, я буду выступать в защиту. Я разнесу ваше хлипкое дело в пух и прах, вот что я сделаю. Я взорву ваш дом логики и буду танцевать на его развалинах. Ура! Я—!”

- Не волнуйтесь, - мягко посоветовал Хэдли. Он сдул облачко пепла со своей трубки. - Мне только что пришло в голову кое-что… Беттс!

- Сэр? - ответил сержант, просовывая голову внутрь. Казалось, он был поражен, увидев, как доктор Фелл яростно размахивает тростью.

— Беттс, найдите мистера Карвера…

- Подождите немного, - прервал его доктор. - В этом зале суда не должно быть репортеров. Немного изменив метафору, скажу, что если вы настаиваете на том, чтобы травить старого медведя, то

это нужно делать наедине”.

“Если хотите, то да. Я всегда могу уточнить некоторые вещи позже. В любом случае, Беттс, спросите мистера Карвера о часах, которые он смастерил для сэра Эдвина Пола. Спросите его, была ли заключена сделка и получил ли он оплату. Престон все еще присматривает за мисс Карвер?

“Да, сэр”.

Хэдли отмахнулась от него; он откинулся назад, опершись локтем о спинку кровати, и уставился на куклу Крейзи Кэт, раскинувшуюся на каминной полке.

“Итак, мы установили, что Элинор боится, что за ней наблюдает офицер полиции…”

- И предприняла шаги, чтобы убить его? - резко перебил доктор Фелл.

- Нет, я так не думаю. Я думаю, что она была всего лишь на стадии испуга, и что убийство произошло, так сказать, случайно. Вот так…

- Я в последний раз прерываю вас, Хэдли, - сказал доктор Фелл с большой серьезностью. - И я делаю это не для того, чтобы опровергнуть вас, а для того, чтобы кое-что понять. Я хочу знать, как вы относитесь к краже часовых стрелок. Это ваша главная трудность; и, как ни странно, она же является и моей, противоположной стороной. Если вы сможете представить хотя бы отдаленно правдоподобное объяснение того, почему Элеонора могла прищемить эти стрелки, я признаю, что защита будет доведена почти до предела. Сейчас, сейчас! Не говорите, что у вас нашли один из них, так как это доказывает, что она действительно украла его, и поэтому зачем спорить? Нет! Это визуальное доказательство, на которое я нападаю.

- Итак, она украла эти часовые стрелки либо (а) из чистой клептомании, либо (б) для осуществления глубоко продуманного плана убийства - и вы должны понимать, что любое из этих объяснений — вопиющая чушь. Конечно, у нее была спонтанная страсть к изготовлению часов и браслетов. Но это очень похотливая клептоманка, которая прокрадывается посреди ночи, взламывает дверной замок в своем собственном доме, кропотливо извлекает два больших стальных предмета, которые не имеют никакой ценности, кроме как в качестве металлолома, и

торжествующе уносит их обратно, чтобы спрятать в своем тайнике. Как бы вы ни называли Элеонору Карвер, я полагаю, вы не назовете ее совершенно сумасшедшей. В противном случае у вас могут возникнуть трудности с ее повешением.

- С другой стороны, этот глубоко продуманный план убийства, примененный к ней, становится бессмыслицей из—за всех улик, с помощью которых вы доказываете ее вину в нанесении ножевого ранения Гэмриджу. Предположим, она - та кобра, которая охотится за дешевыми кольцами и браслетами, которая, когда кто-то дотрагивается до ее руки, теряет голову, хватает первое попавшееся оружие и вспарывает живот мужчине, а затем бросается наутек, как уличный мальчишка, и спасается от поимки только благодаря невероятному везению. Очень хорошо. Если это та женщина, - сказал доктор Фелл, постукивая пальцем по ладони, - тогда я скажу вам, чего она не делала.

“Она не придумывала дьявольски изобретательный план использования часовой стрелки в качестве оружия. Она не учла его возможностей в качестве ножа, не прокралась туда и не стала терпеливо ждать на тот случай, если какой-нибудь любопытный полицейский нанесет ей визит посреди ночи. Это та часовая стрелка, Хэдли, которую вы не можете ассоциировать с Элеонорой или с тем, что вы знаете об Элеоноре - ни как о клептоманке, ни как об убийце”.

Хэдли не был впечатлен.

“Защита не может выступать в суде”, - сказал он. - Если вы выслушаете мои объяснения… Что за чертовщина!

Он выпрямился и огляделся. Из коридора снаружи донесся шум; топот

Шаги, шум голосов, резкий звук, похожий на пощечину, и глухой удар о дверь. Распахнув ее пинком, взволнованный сержант Престон схватил женщину, которая вырвалась и уставилась на них… Затем Люсия Хандрет остановилась и уставилась на вещи на кровати.

17

Доводы обвинения

Было уже слишком поздно прятать их, хотя Хэдли быстро постаралась сделать это так, чтобы не повредить отпечатки

пальцев, которые могли там остаться. Часы с черепом и браслет были на виду. Люсия Хандрет быстро перевела взгляд на открытую панель в стене, затем ее взгляд затуманился.

- Я доставил ее сюда в полном порядке, сэр, - с некоторым удовлетворением объявил Престон. На его бледной от гнева щеке проступили красные следы от пальцев, и он поправил галстук. — Она пыталась что-то сказать мне о том, что ее фамилия не Карвер, но вы велели мне привести ее сюда…

- Вы чертов дурак! ’ взревел Хэдли, утратив свое законное спокойствие. Он вскочил с кровати. — Разве вы не знали?..

“По внешнему виду нет, сэр”, - вмешался Престон, когда он уходил. “Беттс рассказала мне о симпатичной девушке примерно ее роста. Меня не было здесь прошлой ночью, и—”

“Где был Беттс? Он должен был быть там, чтобы увидеть…” Затем Хэдли, похоже, вспомнил, что послал Беттса на поиски Карвера. - Ладно, - добавил он грубовато. - Скажите, что это не ваша вина. А теперь уходите. Вам лучше остаться, мисс Хэндрет.

Мелсон внимательно изучал ее. Когда она вошла, лицо ее было ярко-красным, она тяжело дышала, меховой воротник пальто был расстегнут. Теперь она взяла себя в руки, и только слабый отблеск гнева придавал желтоватый оттенок ясным карим глазам. И она не попыталась пройти мимо предметов, которые увидела на кровати. Поправив шляпку, она спокойно посмотрела на него.

- Значит, это все-таки была наша Нелл, - сказала она презрительным тоном.

- Так оно и было. Почему ты говоришь “в конце концов”?

— Ну что ж. Причины. Я полагаю, что сейчас нет смысла молчать, хотя я и не думал, что вам, сыщикам, будет так уж трудно вытянуть правду из бедного старого Криса Пола. Вы нашли другую стрелку на часах или что заставило вас быть таким уверенным?”

В этой реплике было нечто такое, что заставило Мелсона вздрогнуть. “Правда от бедного старого Криса Пола?” Он надеялся, что выражение его лица не выдало его, потому что Хэдли оставался бесстрастным, а доктор Фелл рассеянно постукивал тростью по полу. Лючия, казалось, находила это занятие слегка неприятным и говорила без особого любопытства.

Ее глаза блуждали по убранству убогой комнаты, ноздри подергивались, и она слегка вздрогнула, словно при неприятном воспоминании. Когда Хэдли указал ей на стул, она, казалось, заколебалась, садиться ли на него. Затем она пожала плечами и устало опустилась на стул.

— Бедный старина Дон, - вырвалось у нее, и уголки ее рта опустились. - И это будет неприятно, и для большинства из нас это было неприятно. Я рада, что ты так быстро согласился. Я бы не хотел провести еще одну ночь под одной крышей с этой… с этой безумной дикой кошкой. О, это отвратительно. Но, видите ли, я не хотела вам говорить, потому что это выглядело бы как злоба или что—то в этом роде, а я знала, что Крис так и сделает - под давлением. И опять же, я действительно не знала… Что сказал Крис?"

Они увидели, что ее безразличная поза дрогнула от сильного нервного напряжения, по мере того как она постепенно осознавала важность происходящего. Она преувеличила свое презрение, сказав: "Я знала, что Крис так поступит"; и нерв в ее руке судорожно дернулся.

- Что он сказал, мисс Хэндрет? - повторил Хэдли и задумчиво посмотрел на свою трубку. - Что конкретно вы имеете в виду? Он много чего нам рассказал, и сегодня утром у него была довольно тяжелая голова.

"О том, как заставить Элеонору остановить часы, чтобы…" Она была проницательной женщиной. Еще произнося это, она уловила отголосок неправильной интонации в замечании Хэдли, как будто услышала звон фальшивой монеты. "Давайте поймем друг друга", - резко добавила она. - Вы понимаете, о чем я говорю?

Прежде чем Хэдли успела ответить, доктор Фелл прервал ее.

- Сейчас самое подходящее время для откровенных разговоров, мисс Хэндрет. Так что нет смысла пытаться выпытать у вас информацию. Нет, мы не понимаем, о чем вы говорите, но вы зашли так далеко, что вам пора высказаться. Для вашей будущей юридической карьеры будет не слишком хорошо, если вас обвинят в сокрытии информации. Да, мы поговорили с Полом. Если он что-то и знает об этих часовых стрелках, он нам не сказал, потому что мы его не спрашивали. Если подумать, мы даже не упомянули о том, что убийство было совершено с помощью часовой стрелки. … Было достаточно сложно объяснить

ему все остальное, не упоминая об этом.

— Значит, вы хотите сказать, - воскликнула она, - что на самом деле вы не нашли…

- О, мы нашли короткую кисть, ту самую, которой не хватало, - подтвердил доктор Фелл. - Она вон в той коробке из-под обуви. Покажите это ей, Хэдли. Вам не нужно беспокоиться о силе улик. Итак, мисс Хэндрет?

Она немного помолчала.

- Подумать только, - сказала она с какой-то дикостью, - что после всех принятых мною решений я все-таки позволила глупой полиции выставить меня на посмешище! Что ж, тебе повезло, вот и все. Ты… Она уставилась на куклу-кошку на каминной полке и вдруг рассмеялась. - Но все это было бы так глупо, если бы не обернулось ужасно. Это была шутка. Кто угодно, только не Элеонора, увидел бы это!" (Смех, или слезы, или ужас, или все вместе? Она промокнула глаза платочком.) "О, Крис вам все расскажет. Он рассказал мне эту историю до того, как я подслушала, как он рассказывал ей. Осмелюсь предположить, что он рассказал ей об этом только потому, что я бы ему не посочувствовал, и сказал, что это в точности как затруднение в рассказе Вудхауза, и — о, я знаю, что не должен был смеяться, но….

"Послушайте. Вы знаете, почему Крис отправился навестить старого сэра Эдвина? Он думал, что попал в ужасную переделку, и я так понимаю, что старик - настоящий ужас. Что ж, именно Крис, желая сохранить доброе отношение к своему богатому родственнику, настоял на том, чтобы старик заказал эти часы у лучшего мастера в городе, хотя с таким же успехом мог бы сделать и любой халтурщик; Крис сказал, что сам подарит часы сэру Эдвину. Все было бы в порядке, если бы речь шла только о том, чтобы заплатить за часы в качестве делового предложения. Но старик сказал "нет". Он знаком с Карвером, тот очень любит наручные часы, поэтому, по его словам, если Крис настоял на том, чтобы сделать ему этот подарок, им следовало бы поступить следующим образом

"отблагодарить мастера" в надлежащей форме.

"хорошо. Кажется, кто-то из часовых мастеров выставил на продажу старый хлам или что-то в этом роде, которым, как знал

сэр Эдвин, восхищался Карвер. Какие-то часы. Так пусть Крис их купит. Затем, когда часы Карвера будут закончены — они должны были быть готовы к сегодняшнему дню, — за ними должен был приехать сэр Эдвин, старый чучело, подарить часы Карверу, погрузить их в свою машину и отвезти Карвера в Роксмур, чтобы он их установил. Крис открыто рассказал мне об этой части, но остальное держалось в строжайшем секрете….”

“Когда это было?” спросила Хэдли, быстро делая пометки.

Она снова смеялась и была на грани истерики.

— Нет, четыре дня назад, в понедельник. …О, неужели ты не понимаешь, насколько это нелепо? У Криса хороший ежемесячный доход. Но затем, в прошлое воскресенье вечером, бедный идиот затеял игру в покер в каком-то клубе, когда был не в состоянии отличить фулл-хаус от двух пар, и избавился от всего, получив в придачу овердрафт в банке. В субботу на этой неделе, то есть завтра, ему должны были выплатить крупную сумму. Но в то же время он не мог позволить себе купить часы за пятьдесят шиллингов, не говоря уже о пятидесяти фунтах или сколько бы там ни было. Когда он был в таком бешенстве, я сказал: “Мой дорогой болван, почему бы тебе не сделать очевидную вещь? Купи эти часы, объясни свои трудности и выдай парню, которому они принадлежат, чек с датой отправки в субботу. Он знает сэра Эдвина и поймет”. Конечно, Крис и слышать об этом не хотел. Он сказал, что владелец часов был закадычным другом старого Эдвина; и если старик когда-нибудь услышит, что он такой упрямый, и узнает почему, то у него будут большие неприятности, и эти неприятности он пытался загладить, купив часы. И так далее. Ты знаешь. .,

- Говорю вам, это было так нелепо! Я сказал: “Ну, часы будут готовы к четвергу или пятнице”. Я сказал: “Ваша единственная надежда на то, что придет грабитель и утащит их, но ему понадобятся подъемный кран и грузовик, чтобы увезти их”. Тогда он встал на защиту… А потом, в среду утром, в день его отъезда, я услышал, как он рассказывал Элинор, тоже под строжайшим секретом…

Хэдли, как человек, который видит ответ на до сих пор неразрешимый вопрос, попытался подавить свое волнение, когда спросил::

“Руки были украдены в среду вечером? Да! И она не слышала о

трудностях, с которыми столкнулся Полл, до среды, другими словами, до тех пор, пока часы не были перенесены с их открытого места в комнату Карвера?

“да.”

- Продолжай. Что именно было сказано по этому поводу?

- Я слышал не все. Крис придал значение моим собственным словам, не сказав ей, где он их услышал, о том, что с ним покончено и что все, на что он мог надеяться, - это на грабителя с краном и грузовиком. Я бы не обратила на это никакого внимания, если бы меня вдруг не осенило, что эта маленькая дьяволица на самом деле воспринимает все всерьез! Я поняла это по ее голосу. Это Элеонора. Это чувство юмора Элеоноры, - довольно дико воскликнула Лючия. - Она сказала: “О, все не обязательно должно быть так плохо”. Тогда Крис пробормотал что-то в своей обычной манере, полной жалости к себе, и сказал без особого смысла: “Ну, все, что я могу сказать, это то, что я бы дал пятьдесят фунтов тому взломщику, который что-нибудь сделает с этими часамиИ тут же Элинор спросила: “Ты серьезно?” — Это было все, что я услышала”.

“Этого было достаточно”, - сказал Хэдли.

Доктор Фелл издал что-то похожее на стон. Доктор обхватил свою большую голову руками и взъерошил волосы на висках. Хэдли, глядя на него как бы рассеянно, вбивал свои слова, как гвозди.

“Можете ли вы связать кражу этих стрелок с тем, что нам известно об Элеоноре?” - повторил он. “Почему были украдены обе стрелки с часов? Почему они были украдены в среду вечером, когда часы были заперты, а не во вторник вечером, когда они были выставлены на всеобщее обозрение?” Вы сказали, что ответ будет простым, и так оно и есть. Фелл, все дело завершено и ясно как божий день. Защита не имеет оснований для возражений.

“Хм, да. Большое спасибо, мисс Хандрет. Это, - уныло произнес доктор Фелл, - несомненно, привело к разрыву. Большое спасибо. Возможно, вам будет интересно узнать, что впервые за всю вашу юридическую карьеру вам удастся отправить кого-то на виселицу.

Ее глаза расширились, и на них повисла пелена страха. Она с трудом подбирала слова, когда говорила::

“Ты хочешь сказать, что все это время обманывал меня? Боже

мой! Я бы не сказал вам, если бы не был уверен, что вы… вы сами сказали… Если то, что я вам сказал, заставило вас изменить свое мнение…

“Вы нисколько не изменили моего мнения. Вы только подтвердили мнение единственного человека, который имеет значение”.

— Ты… ты же не думаешь, — сказала она, задыхаясь, - что я стала бы лгать о…

- Пожалуйста, поймите мою позицию, - настаивала она и принялась колотить кулаком по подлокотнику кресла. “Неужели вы могли ожидать, что я промолчу, неужели вы могли ожидать, что я сделаю что-то еще, когда рядом со мной такая женщина, и я думаю Бог знает о чем; когда Дон без ума от нее и у него и так достаточно неприятностей с отцом…! Что я мог сделать?”

- Вы поступили совершенно правильно. Мисс Хэндрет, - сказал Хэдли с некоторой резкостью, - за исключением того, что, если бы вы рассказали нам об этом вчера вечером, вы бы избежали многих неприятностей. …”

- На глазах у Дона? Вряд ли! Кроме того, я не была уверена. Я ни в чем не была уверена, пока вы не заговорили о “Гэмриджз”, ограблении и убийстве в нем. Тогда я подумала, что все это видела. Она вздрогнула. - Теперь я могу идти? Жить— Жить немного сложнее, чем представлялось.

Она устало поднялась, и Хэдли поднялся вместе с ней.

“Я хочу задать вам еще два вопроса”, - сказал Хэдли, сверяясь со своим блокнотом. “Во-первых, знаете ли вы, что у Элинор Карвер когда-либо были какие-либо склонности к клептомании?”

Нерешительность. “Я ждал этого. Да. Я удивлялся, почему никто не упомянул об этом вчера вечером, особенно миссис Стеффинс. Я услышал это от нее. Старая ведьма, конечно, ненавидит меня, но каждый раз, когда она ссорилась с Элинор, ей приходилось с кем—нибудь об этом говорить.

Хэдли взглянула на доктора Фелла. - И наконец, - продолжил он, - у вас есть какая-нибудь достоверная информация о том, знала ли Элинор, что офицер полиции интересуется кем-то в этом доме?

“да. Я сам упоминал об этом. Однажды на прошлой неделе, я

забыл, в какой именно, мы с Элинор гуляли по полям, и я увидел мистера Деловитого, который сидел на скамейке и читал газету. Тогда я был чем-то недоволен; и, хотя я решил ничего не говорить об Эймсе, это вырвалось наружу. Я сказал что-то вроде: “Смотри под ноги”. А вот и сам Великий детектив в одном из своих знаменитых обличий.*”

“Что она сказала?”

“Ничего особенного. Она оглянулась на него и захотела узнать, откуда я это знаю. Но тут я спохватился и просто сказал, что, кажется, видел его где-то в суде. Потом я рассмеялся и сказал, что это была шутка”.

Хэдли закрыл блокнот. «Спасибо. На этом, я думаю, все. Я должен предупредить вас, помните, пока никому ничего не говорите. Это всего лишь вопрос часа или двух, но…

Когда она удрученно ушла, Хэдли некоторое время молчал, просматривая свои записи. Затем он поднял глаза.

“Да, - сказал он, - простите мне немного личной мстительности в этом бизнесе. Я признаю это; это дело клана. Сотрудник полиции, если вы забыли, был убит; человек, у которого не было оружия, получил удар ножом в спину. Я с удовольствием повешу убийцу.

“А теперь позвольте мне рассказать вам, что произошло прошлой ночью. У этой девушки были часовые стрелки, спрятанные за потайной панелью, которую она считала безопасной. Она не искала неприятностей. У нее была назначена встреча с Гастингсом на крыше, и, согласно ее собственным показаниям, она поднялась на нее без четверти двенадцать.

“А теперь вспомните, что мы решили вчера вечером. Мы решили, что Эймс наблюдал за нами и что он вошел в дом задолго до того, как позвонил в дверь ровно в полночь. Вы помните это? Позвонить в дверь, чтобы придумать какой-нибудь предлог для прихода в этот дом, было необходимо на случай, если его поймают; ему пришлось бы пройти через это, даже если бы он не вызвал подозрений. Он наблюдал за Элеонорой — вероятно, через эти окна, которые находятся на первом этаже. Когда он видит, что она уходит без четверти двенадцать, в плотном пальто, что означает, что она будет отсутствовать некоторое время, он проникает внутрь либо через открытую входную дверь, либо просто взломав одно из этих окон. Мы не уверены, рассказала ли

ему обвинительница, миссис Стеффинс, о секретной панели; в любом случае, он быстро обыскал бы всю комнату, чтобы убедиться во всех своих доказательствах.

- Но, - сказал Хэдли с мягким, торжествующим акцентом, - посмотрите, что получается даже из показаний самой Элинор, которые она дала нам. При обычном ходе событий она поднялась бы к Гастингсу на крышу, и Эймс получил бы свои показания. Но она добралась до двери наверху и обнаружила, что у нее нет ключа, который она потеряла внизу…"

"К черту ваши доказательства!" - проворчал доктор Фелл. "Боюсь, вы правы насчет того, что она спустилась вниз, как и сказала. Но…"

- Эймс неожиданно слышит, как она приближается; вы, наверное, заметили, - вставил Хэдли, ступая на скрипучий пол, - что здесь, в задней части дома, или в холле, нет толстого ковра. Он выключает свет и прячется в укрытие: под кровать, за дверь — вы, наверное, заметили, что все они открываются внутрь, — куда угодно. Она заходит поискать свой потерянный ключ, находит его и вдруг понимает, что кто-то рылся в комнате. Самый искусный сыщик не может сделать это, не оставив следов, вы же знаете. Ну, естественно, что она делает? Вспомнив об этом полицейском, она немедленно направляется к своей секретной панели и открывает ее, чтобы посмотреть…

Пока она стоит к нему спиной, Эймс, тихий в своих теннисных туфлях, но вовсе не бесшумный, выходит из комнаты. Недостаточно быстро. Она не собирается устанавливать сигнализацию; она прекрасно знает, что это не грабитель и что она совершенно потеряна, если поднимется тревога. Но эта наша кобра, которая схватила первое попавшееся оружие, когда ей угрожала опасность у Гэмриджа, сейчас делает именно то, что она делала тогда! Прямо перед ней тяжелая, заостренная стрелка часов, которые она украла для Кристофера Пола, и перчатки, которые она использовала, чтобы избежать попадания краски на пальцы. И она хватает их.

"А как же Эймс? Вот к чему я подхожу.

Вы поняли, в чем его трудность? У него, вероятно, было время выскочить за дверь и убежать. Он не боялся ее. Но опасность, с его точки зрения, заключалась в том, что, поскольку он не думал, что кто—то знает в нем детектива, она могла поверить, что он

настоящий грабитель, и включить сигнализацию. В случае поимки он мог бы оправдать себя; но он поставил бы полицейскому в известность о незаконных методах, возможно, был бы уволен, и, конечно, преждевременно дал бы понять своей жертве, что она его добыча! Он не мог позволить себе поимку. И, с тревогой или без тревоги, самый верный способ поймать преступника лежал прямо у входной двери. Он знал, что как раз в это время, ровно в полночь, полицейский будет совершать обход за этой дверью. И любой полицейский, который увидит в ярком свете уличного фонаря нищего бродягу, выскальзывающего в полночь из темного дома…

“С другой стороны, она могла его вообще не заметить. Возможно, она даже не была уверена в том, что это грабитель, поскольку ничего не было взято и (как он надеялся) ничего не потревожено. В любом случае, бежать было глупостью. Его лучшим и, по сути, единственным выходом было… Итак, господа присяжные заседатели? - предположил Хэдли.

Мелсон моргнул.

- А? - Да, конечно, - признался он. - Лучшим выходом для него было встать на пороге и смело нажать кнопку звонка Боскомба.

Последовала пауза. На этот раз Хедли усмехнулся.

- Вот именно. Если бы появился полицейский, он бы честно позвонил в колокольчик, чтобы назначить встречу, которую он мог бы доказать. Если бы на улицу выбежала женщина с широко раскрытыми глазами: “Грабитель, мадам? Как вы думаете, если бы я обчистил ваш номер, я был бы здесь и звонил в колокольчик? Я видел, как кто-то выходил отсюда, я видел, что дверь была открыта настежь, и я пытался разбудить вас.” Итак, он стоял перед широко открытой дверью, ожидая, выйдет ли она. Если она не выходила, это означало, что его никто не видел. Тогда он мог бы сразу вернуться к назначенной встрече, а позже продолжить прерванный поиск”.

Доктор Фелл накинул плащ на плечи.

“Хм. Есть ли у этого ученого джентльмена, - спросил он, - какие-нибудь доказательства, подтверждающие его историю с Арсеном Люпеном?

- У ученого джентльмена есть. Разве вы не помните, как долго он бил в колокол (как сказал нам Гастингс), хотя ему было велено

немедленно подняться наверх? Он проверял, все ли в порядке на горизонте. Вы помните, что сами обнаружили входную дверь распахнутой настежь, когда поднялись наверх с констеблем, который это заметил? Он, естественно, закрыл бы ее, если бы не хотел быть уверенным, что никто не нападет на него в темноте.

“А теперь давайте вернемся к нашей ручной кобре. Она вышла в темный коридор с ножом и перчатками. И вот враг, силуэт которого вырисовывался на фоне уличного фонаря, звонит в дверь и зовет на помощь. Это, должно быть, был самый ужасный момент в ее жизни. Если она не начнет действовать, ее поймают. Если она все-таки начнет действовать, ее могут увидеть в момент совершения убийства с украденной часовой стрелкой. Она могла бы рискнуть и убить его — заколоть ножом, как вора, который проник в дом, — если бы только он действительно проник в дом. Или она вообще осмелится на такой риск? Она должна что-то сделать, прежде чем кто-нибудь ответит на звонок. Вот он входит. Вот он идет через холл, а она прячется под лестницей. Вот он поднимается по лестнице.—

“И она его поймала”.

Хэдли закончил свои слова как-то резко, сжав кулак. Он посмотрел на Мелсона так, словно каждое его предложение было ударом в отместку за силу.

- И наконец, - сказал он, - на случай, если вы обвините такого старого человека, как я, в романтизме, я предоставлю вам окончательное, абсолютное, неопровержимое доказательство. Я сделаю это, объяснив то, что вы, Фелл, пытались высмеять как тайну Летающей перчатки. Это пришло мне в голову, когда я некоторое время назад осматривал ту лестницу и вспомнил кое-что, чего раньше не замечал, будучи слишком слепым. Но я могу объяснить вам, что это за летающая перчатка и почему она летает. Посмотрите на нее.”

Он достал из кармана перчатку, которая, по словам Кристофера Пола, лежала в коридоре на верхнем этаже, и расправил ее на колене.

“Теперь представьте, что вы на месте Элеоноры Карвер и крадетесь по лестнице следом за Эймсом. Инстинктивно она взяла обе перчатки, но на ней только одна. В одной руке у нее перчатка и стрелка часов, в другой - вторая перчатка, на палец которой она машинально надела ключ, оставшийся у нее от

первой, и сделала жест, чтобы избавиться от нее. Слева от нее стена, справа - перила. Понятно?

- Правильно! На втором шаге сверху, там, где начинаются пятна, она наваливается всем своим весом на спину Эймса и наносит удар. Под ее весом он оказывается почти на коленях. Он инстинктивно вскидывает обе руки; она вскидывает свободную руку, чтобы сохранить равновесие, автоматически ослабляя хватку на свободной перчатке. Кровь. Его рука дернулась вверх, и свободная перчатка, перелетев через верхний поручень, полетела в холл…"

Мелсон наклонился вперед.

"Но, Боже мой, чувак!" - воскликнул он, и академическое спокойствие разлетелось вдребезги. "В таком случае ее свободная рука, должно быть, была с правой стороны!"

"А это, - сказал Хэдли, - правая перчатка. Точно. Это не та рука, которая сжимала нож. На этой перчатке единственное кровавое пятно - прямо на ладони, там, где его никогда бы не было, если бы рука крепко сжимала это стальное древко. Следовательно…

Он медленно опустил кулак на изножье кровати.

"— теперь вы понимаете, почему угол удара Эймса был так сильно смещен вправо. Вы понимаете показания свидетелей, которые видели, как была убита продавщица в магазине "Гэмридж": "Мы стояли справа от нее, когда продавщица прошла мимо нас и коснулась ее руки. Она протянула другую руку и схватила разделочный нож. ..Это означает, джентльмены, что убийца Гэмридж была левшой. И, судя по имеющимся у вас неопровержимым доказательствам, Элинор Карвер тоже левша.

Он встал, подошел к камину и выбил свою трубку о мраморный край. Хэдли гордился собой как непреклонным логиком, который не гнушался драматических сцен. Мрачно улыбаясь, он оперся локтем о каминную полку и посмотрел на них.

- Есть вопросы, джентльмены? осведомился он.

Доктор Фелл хотел что-то сказать, но передумал и продолжил::

- Неплохо, Хэдли. "Какие люди и какие лошади будут сражаться против вас, когда звезды на своем пути будут на вашей стороне?" Хм. Буцефал внезапно превратился в пегаса. Чувак, ты прекрасно

говоришь! И все же я почему—то всегда с подозрением — очень с подозрением - отношусь к тем случаям, которые зависят от того, что кто-то левша. Это слишком просто… Всего один вопрос. Если все это правда, то что же тогда происходит с таинственной фигурой на крыше, которую видел Гастингс: фигурой с позолоченными руками? Как вы думаете, Гастингс солгал?

Хэдли положил трубку с видом человека, который что-то вспомнил.

- Носовой платок! - крикнул я. он пробормотал. - Ей-богу! Я таскал его с собой все утро, с тех пор как застал вас с Карвером за разглядыванием часов.

“Какой носовой платок?”

“Миссис Стеффинс. Я вам не говорил, не так ли?” Он достал из отдельного конверта скомканный батистовый носовой платок, пропитанный тем веществом, которое к этому времени пропитало все мысли Мелсона. “Нет, не пяльтесь. Это всего лишь золотая масляная краска, которую она использовала для росписи фарфора и керамики. Она не имеет ничего общего с другими красками, Престон нашел ее засунутой глубоко на дно сумки для стирки в ее комнате. Но она свежая, такая же свежая, как вчера вечером.

“Наш хороший друг Стеффинс, несомненно, была наблюдателем на крыше. Она поднялась из своей комнаты, которая выходит на потайную лестницу в нише Карвера, по другой лестнице, чтобы разобраться в этом романе на крыше, о котором, похоже, знали все остальные.

“Помните, что она была полностью одета. Помните также тот тюбик с краской, о котором я вам рассказывал? — он был раздавлен сверху, как будто кто-то приложил к нему руку. Именно это и произошло, потому что было темно. Она вышла из своей комнаты в темноте и, спотыкаясь, опиралась на тюбик с краской. Она вытерла руку носовым платком, не осознавая, сколько краски набралось в темноте, и поспешно вскочила, чтобы увидеть зловещих тварей на крыше. Там она случайно наткнулась на Гастингса в разгар беспорядков внизу. Краска на ее руке привела его в замешательство — он побежал к дереву, с какими результатами, мы знаем. Она видела, как он упал, и видела, как Люсия нашла его на краю крыши; иначе как она узнала, что он был в ее комнате? (Вы помните, она обратила на это наше внимание, как только я появился). Потом она на ощупь

спустилась вниз, увидела при свете, сколько краски у нее на руке, и решила умыться. Она сунула носовой платок в мешок для стирки и приготовилась закатить истерику перед всеми высшими богами, если кто-нибудь бросит на нее зловещий взгляд… Вам это кажется разумным?”

Доктор Фелл издал таинственный звук, который можно было истолковать как согласие или несогласие.

- Но это, - продолжал старший инспектор, - не является сейчас моим главным соображением. Я изложил суть дела “Рекс против Элинор Карвер”. Сегодня утром вы изложили список из пяти пунктов или вопросов, связанных с доказательствами, и я ответил на каждый из них. Я сделал это, несмотря на то, что вы насмехались над всеми очевидными доказательствами: украденными вещами, которые были у нее, часовой стрелкой на часах, перчатками, запачканными кровью. Я представил не только конкретные доказательства, но и мотив, возможность и характер обвиняемой; и я представил единственное объяснение, которое удовлетворительно согласуется со всеми этими противоречивыми фактами. Поэтому я утверждаю, что доказательства не оставляют разумных сомнений в виновности Элеоноры Карвер. Вы сказали, что разнесете мои доказательства в пух и прах, но у вас нет ни одного факта, который вы могли бы назвать своим. Это, милорд и джентльмены, - сказал Хэдли с широкой улыбкой, - дело для обвинения. А теперь, если можете, опровергните его.

Он насмешливо сел. И доктор Фелл, накинув плащ на плечи, встал, готовясь к защите.

Глава 18

Доводы защиты

- Милорд, - произнес доктор Фелл, рассеянно кивнув в сторону “Кази Кэт” на каминной полке, - и господа присяжные заседатели.

Он прочистил горло, издав рокочущий звук, похожий на боевой клич. Он накинул на плечи плащ и встал лицом к кровати. В этом плаще и с растрепанной копной густых, с проседью волос он был похож на толстого адвоката, готовящегося к бою.

- Милорд и джентльмены, - продолжил он, поправляя очки поудобнее и глядя поверх них. “Непредубежденному слушателю вполне могло бы показаться, что, с одной стороны, случай и совпадение сговорились сообщить моему ученому другу все

подтверждающие факты и подробности, необходимые для его дела; в то время как мне, с другой стороны, они, по-видимому, сообщили только то, что в обычных кругах может быть описано как удар под дых. Его успех в этом отношении почти невероятен. Ему нужно найти всего одну зацепку, а он находит шесть. Стоит ему только открыть рот, чтобы выдвинуть теорию, как тут же кто-нибудь входит в дверь и подтверждает ее. Мне это не нравится. Я не верю, что даже действительно виновный человек мог оставить после себя столько изобличающих улик, если он усыпал мостовую уликами от этого места до “Слона и замка”. Я настаиваю на том, чтобы рассматривать это дело как дело об убийстве, а не как погоню за бумагами. И именно на выводах, сделанных из этого убеждения, я основываю свое дело”.

“Слушайте, слушайте!” - ободряюще сказал Хэдли.

- И, - невозмутимо продолжал доктор Фелл, - если мой ученый друг согласится ненадолго замолчать и закрыть свою жирную голову, я продолжу развивать эту защиту. Начать с. Джентльмены, это хорошо известное правило в птицеводстве…

- Послушайте, - возмутился Хэдли, вставая. - Вы можете быть вольны в своих действиях, как вам заблагорассудится. Но я возражаю против того, чтобы вы превращали это в фарс. Во-первых, у меня нет времени на шутки, а даже если бы и было, мне кажется, что это довольно дурной тон, когда человека действительно убивают и речь идет о чьей-то жизни. Если вам есть что сказать, говорите; но, по крайней мере, имейте приличие быть серьезным.”

Доктор Фелл снял очки. Затем он перестал быть судьей и заговорил очень тихо.

- Вы этого не видите, не так ли? Вы не поверите мне, если я скажу, что никогда в жизни не был так отчаянно серьезен? Я пытаюсь уберечь эту девушку от ареста, если не от чего похуже, и, между прочим, спасти вашу собственную официальную голову единственным понятным вам способом — показав вам, с чем вы столкнулись. Я не специалист в области права. Но я действительно много знаю об адвокатах и их методах. И я покажу вам, что такой человек, как Гордон-Бейтс или сэр Джордж Карнахан, если они проведут с ним инструктаж, сделает с вашим бедным старым делом, когда вы его представите. Я могу ошибаться. Но, видит Бог, я никогда не был более практичным.

- Очень хорошо. Тогда продолжайте, - пробормотал Хэдли. Казалось, ему было не по себе.

- В птицеводстве существует хорошо известное правило, - продолжил доктор Фелл, снова взяв себя в руки, - избегать двух ошибок, которые с тех пор стали аксиомой, а именно: (а) Не кладите все яйца в одну корзину и (б) Не кладите все яйца в одну корзину. считайте своих цыплят до того, как они вылупятся. Обвинение сделало и то, и другое, что является фатальным совпадением. Обвинение сделало два своих обвинения взаимозаменяемыми. Если эта женщина убила Эвана Мандерса, она также убила Джорджа Эймса. Если эта женщина убила Джорджа Эймса, она также убила Эвана Мандерса. Каждое обвинение строится на другом и является его частью. Стоит нам только поставить под сомнение одно из них, и мы, таким образом, дискредитируем оба.

“Например, у нас есть эта перчатка, перчатка для правой руки. Обвинение утверждает, что эта перчатка не могла быть надета на руку, которая ударила Эймса ножом. Из раны, как мы видели, вытекла кровь, которая пропитала бы ее, в то время как на этой перчатке есть не только очень маленькое кровавое пятно, но и пятно, расположенное в таком месте, что мой ученый друг категорически заявляет, что его не могло бы быть, если бы эта рука держала перчатку. оружие. - хорошо! Мой ученый друг приводит доказательства, которые определенно доказывают, что убийца Гэмридж была левшой. Поскольку Элеонора Карвер в “Убийстве Эймса”, должно быть, нанесла удар левой рукой в перчатке, то два убийцы - это одно и то же лицо.

- Вот это, - сказал доктор Фелл и многозначительно кивнул своей большой головой, - я и называю “сложить все яйца в одну корзину”. В то время как это… — он неуклюже подошел к панели в стене, открыл коробку из-под обуви, достал перчатку для левой руки и, развернувшись, бросил ее на кровать. - Это то, что я называю подсчетом цыплят до того, как они вылупятся. Вот перчатка, которой, по утверждению обвинения, должно было быть совершено убийство. Но осмотрите ее, джентльмены, и вы не найдете на ней ни единого пятнышка крови. Мой ученый друг утверждает, что удар не мог быть нанесен без большого количества крови. Следовательно, согласно собственным доводам обвинения, мы доказываем: (1) что Элинор Карвер не была левшой, как убийца Гэмридж, и (2) что при убийстве инспектора Эймса ни одна из этих перчаток вообще не могла быть использована”.

Хэдли поднялся со своего места, словно в процессе астральной левитации. Он схватил перчатку с кровати и уставился на доктора Фелла….

- Мы хотим, чтобы все это было понято, - прогремел доктор, - потому что на этот раз обвинение явно не собирается идти на попятный. По прошествии этого времени мой ученый друг не собирается утверждать, что он имел в виду что-то другое и что, в конце концов, перчатка была надета на правую руку. Он сам доказал, что это не так. А я доказал невозможность леворукости. Если на свободную правую перчатку попали брызги крови, когда она находилась в нескольких футах от раны, то, мягко говоря, мы должны потребовать, чтобы обвинение показало нам хотя бы какой-нибудь микроскопический след на руке, оставивший рану. Его нет. Следовательно, Элинор Карвер не убивала Эймса. Следовательно, она не была левшой, ударившей ножом Эвана Мандерса. И эти перчатки, единственная реальная улика против нее, должны быть проигнорированы, когда все дело обвинения рухнет под тяжестью собственной логики."

Чтобы показать, что он еще не закончил, доктор Фелл добавил: "Гм!" - и достал красную бандану, чтобы промокнуть лоб. Затем он просиял.

- Остановитесь немного, - сказал Хэдли с упрямым спокойствием.

"Возможно, я выдал себя — немного. Возможно, в волнении от возбуждения дела (которое, как я уже говорил, было всего лишь набросками), я зашел слишком далеко. Но эти другие реальные доказательства…"

- Милорд и джентльмены, - продолжал доктор Фелл, засовывая бандану обратно в карман. - Обвинение так быстро заняло позицию, которую я предсказывал, что мне нет необходимости указывать на то, насколько ущербным стало его дело. Но позвольте мне продолжить. Другая сторона сама доказала, что перчатками она не пользовалась. Но одна была найдена рядом с телом, а другая — за этой панелью, и если она их туда не клала, то из этого следует, что это сделал кто—то другой - с единственной целью, чтобы ее повесили, и это я попытаюсь доказать.

"Рассматривая эти другие "реальные улики" против нее, я сначала разберусь с убийством Гэмриджа. Как кто-то уже упоминал, я наметил пять пунктов, которые следует рассмотреть

в связи с этими двумя преступлениями. … Хммм. Дай мне этот конверт, Мелсон. Так…. И когда я перейду к их обсуждению, я попрошу разрешения пересмотреть их.

Он подозрительно оглядел присутствующих поверх очков, но в его взгляде не было и намека на насмешку. Хэдли сидел, держа в руке перчатку и покусывая черенок погасшей трубки.

- Поскольку мы опровергли обвинение в леворукости, единственное определенное обвинение, что еще связывает Элинор Карвер с убийцей Гэмриджа? Что она, вероятно, была блондинкой (кто-то говорит, брюнеткой, но оставим это в стороне), что она была молода и носила одежду, обычную для большинства женщин. Это вызывает у меня удивление, если не сказать радость. Другими словами, именно неопределенность описания, которое вы используете, доказывает, что это была Элеонора Карвер. Вы говорите, что убийцей могла быть определенная женщина, исключительно на том основании, что в Лондоне очень много других женщин, похожих на нее. Это все равно, как если бы вы сказали, что Джон Доу был безоговорочно виновен в убийстве с использованием шарфа в Лидсе, потому что человек, которого видели убегающим с места преступления, с таким же успехом мог быть кем-то другим. Во-вторых, у вас есть собственное признание Элеоноры, что в тот день она была у Гэмриджа; это не похоже ни на признание убийцы, ни на признание Элеоноры Карвер, как вы изобразили ее в образе убийцы. Но я скажу вам, на что это похоже. Это похоже на попытку кого—то, кто знал, что она была там в тот день; кто заметил внешнее сходство с ней в газетных сообщениях и знал, что опознать ее невозможно; кто прочитал описание украденных вещей и увидел, что, за одним исключением, их также невозможно идентифицировать -чтобы обвинить ее в преступлении.

“Подождите!” - вмешалась Хэдли. “Это становится просто фантастическим. Допустим, свидетели не смогли опознать ее, но у нас есть украденные вещи. Вот они перед вами”.

“Вы думаете, они уникальные?”

“Уникальные?”

- У вас есть браслет и пара сережек. Как вы думаете, вы не могли бы прямо сейчас зайти в магазин Гэмриджа и купить двадцать точных копий этих двух изделий? Они не уникальны; их выпускают в большом количестве, и ни один браслет или кольцо

не могут быть однозначно идентифицированы как те, что были украдены двадцать седьмого августа. Вам же не придет в голову арестовывать каждую женщину, которую вы увидите в таком наряде. Нет, мой мальчик. Среди украденных предметов есть только один, который можно идентифицировать без сомнения, а именно часы семнадцатого века от Carver's, выставленные в Гамридже. Они уникальны. Это, и только это, безошибочно указывает на Элеонору Карвер. И очень важно, - сказал доктор Фелл, - что это единственная из украденных вещей, которая осталась у вас.

Хэдли приложил руки ко лбу.

"Вы ожидаете, что я поверю, - потребовал он ответа, - что две точные копии украденных вещей оказались спрятаны за этой панелью случайно?"

- Не случайно. Преднамеренно. Я постепенно пытаюсь показать моему ученому другу, - отрезал доктор Фелл, ударив кулаком по каминной полке, - что все совпадения, которые сбивают нас с толку и сбивают с толку, вовсе не были случайностями. Все вело к этому. Клептоманские наклонности Элинор были хорошо известны; именно это навело убийцу на мысль. Он (или она) увидел шанс, который был заранее спланирован в преступлении Гэмриджа. Приблизительное описание убийцы подходило под Элеонору; Элеонора была в магазине; Элеонора не могла доказать свое алиби. Но для этого требовалось много доказательств. Вот почему человек, стоящий за всем этим дьявольским замыслом, попытался дополнить его, стащив часы с черепом Маурера из шкатулки Боскомба. Боскомб должен был поверить, что она их украла, потому что этот дьявол знал, что Боскомб прикроет ее. Предполагалось, что вы поверите, что она украла его, потому что вы не поверили бы ни одной истории, которую Боскомб рассказал бы о его исчезновении. И вы оба угодили прямо в ловушку. А теперь давайте продолжим с этими "реальными доказательствами", которые у вас есть против нее. Я уже отмечал, что пропала единственная реальная улика, уникальные часы, которые действительно могли бы осудить Элеонору. Почему они пропали? Конечно, если бы кто-то захотел возложить вину на Элеонору, эти часы были бы единственной вещью, которую он (или она) с абсолютной уверенностью "спрятал" бы за панель. Но их там нет. И единственная разумная гипотеза, объясняющая его отсутствие — независимо от того, считаете ли вы все еще Элеонору виновной или верите в мою собственную теорию, — заключается в том, что никто его туда не клал, потому что некому

было его туда класть.

- Я задал вам этот вопрос своим пятым пунктом, - прогремел доктор Фелл, глядя на конверт в своей руке, - об этом. В записке Мелсона говорится: “Убийца из универмага не стал красть часы, принадлежащие Карверу, хотя дома это было сделать проще, а пошел на опасный риск, стащив их с витрины в переполненном универмаге”. - Но почему?— Конечно, это очевидно. Ни у одной женщины в этом доме не возникло безумного желания украсть часы, которые все они, должно быть, видели десятки раз до этого. Безумный порыв возник у кого-то другого. На самом деле безумный порыв исходил от какой-то женщины, которая не живет в этом доме; от какой-то женщины, о которой мы, вероятно, никогда не слышали; от какой-то женщины, о которой мы, вероятно, никогда не услышим из-за ее безымянности среди восьми миллионов человек! Это убийца из универмага. Дьявол в этом доме просто воспользовался ее преступлением; использовал его как зацепку, чтобы сфабриковать недостаточные улики против Элеоноры, чтобы навести полицию на след Элеоноры, а затем убил офицера полиции, который был вызван на основании поддельных улик, которые должны были отправить Элеонору на эшафот за оба преступления!”

Хэдли был так взволнован, что швырнул свой портфель на пол и в ярости повернулся к доктору Феллу.

“Я в это не верю!” - закричал он. “Это одна из ваших проклятых риторических фраз. Это чистая теория, и притом гнилая теория. Вы не можете этого доказать! Ты не можешь обвинять того, чье существование даже не можешь доказать! Ты…

- Я что, заставил вас бежать? - мрачно спросил доктор Фелл. - По крайней мере, я думаю, что вы беспокоитесь. Почему бы вам не взглянуть на этот браслет и на эти часы с черепом и не проверить, нет ли на их полированной поверхности хоть одного отпечатка пальца? Вы говорите, Элеонор считала, что панель надежна: тогда на обеих должны быть десятки ее отпечатков, если это правда. Но это не так. Их вообще не будет — это было единственное, с чем не смог справиться фальсификатор улик. Парень, теперь ты понимаешь, почему тебе нужно было искать только одну подсказку, чтобы найти шесть? Ты понимаешь, почему тебе стоило только открыть рот, чтобы выдвинуть теорию, и кто-то входил в эту дверь и подтверждал ее? Тогда вы понимаете, почему этот случай напугал меня и почему я могу поверить в злых духов. Здесь присутствует настоящий злой дух, который

ненавидит эту девушку с терпеливым, смертельно опасным, блестящим коварством, ненавидит ее так, как галерный раб ненавидит надсмотрщика за плетьми, а неудача ненавидит успех. Весь замысел состоял в том, чтобы сплести веревку вокруг ее шеи и сломать ее, как это обычно делают люди, двумя руками…. Теперь мне продолжать, или вы боитесь выслушать мое дело?

— Вы все еще не можете доказать… - начала Хэдли, но негромко. Он взял свой портфель, и голос его стал задумчивым.

“Продолжайте”, - сказал Мелсон, чья твердая рука продолжала делать пометки.

Доктор Фелл, тяжело дыша, переводил взгляд с одного из них на другого, его лицо еще больше покраснело, а большой палец был засунут в пройму широченного жилета. Серый свет, лившийся из окон, освещал унылое небо и задний двор. Он продолжал уже тише:

Итак, возвращаясь к этим пяти пунктам, я перехожу к четвертому. Это повторяющийся и неприятный вопрос о том, почему были украдены обе стрелки часов и почему они не были украдены, когда часы были выставлены на всеобщее обозрение. Я расскажу вам, почему это было сделано. Это было сделано потому, что все улики должны были указывать на Элеонору как на убийцу Эймса. Простая кража одной часовой стрелки не указывала ни на кого. Но часовая стрелка, лишняя стрелка, которую нельзя было использовать в качестве оружия и удаление которой было пустой тратой времени, должна была быть найдена у Элеоноры как явное свидетельство вора. Это также, но в большей степени, стало причиной того, что мы ждали до вечера среды, чтобы украсть руки. Похоже, никому из присутствующих здесь не пришло в голову, что вор ждал, пока среда закончится к четвергу или пятнице.“Я сказал: “Ваша единственная надежда на то, что грабитель придет и утащит это, но ему понадобятся подъемный кран и грузовик, чтобы увезти это”. Тогда он получил свое. затем, в среду утром, утром того дня, когда он ушел, я услышал, как он рассказывал Элеоноре, тоже под строжайшим секретом…”

Хэдли, как человек, который видит ответ на до сих пор неразрешимый вопрос, попытался подавить свое волнение, когда спросил::

“Руки были украдены в среду вечером? Да! И она не слышала о трудностях, с которыми столкнулся Полл, до среды, другими

словами, до тех пор, пока часы не были перенесены с их открытого места в комнату Карвера?

“да.”

- Продолжай. Что именно было сказано по этому поводу?

- Я слышал не все. Крис придал значение моим собственным словам, не сказав ей, где он их услышал, о том, что с ним покончено и что все, на что он мог надеяться, - это на грабителя с краном и грузовиком. Я бы не обратила на это никакого внимания, если бы меня вдруг не осенило, что эта маленькая дьяволица на самом деле воспринимает все всерьез! Я поняла это по ее голосу. Это Элеонора. Это чувство юмора Элеоноры, - довольно дико воскликнула Лючия. - Она сказала: “О, все не обязательно должно быть так плохо”. Затем Крис пробормотал что-то в своей обычной манере, полной жалости к себе, и сказал без особого смысла: “Ну, все, что я могу сказать, это то, что я бы отдал пятьдесят фунтов тому взломщику, который что-нибудь сделает с этими часами. И тут же Элинор спросила: “Ты серьезно?” — Это было все, что я услышала”.

“Этого было достаточно”, - сказал Хэдли.

Доктор Фелл издал что-то похожее на стон. Доктор обхватил свою большую голову руками и взъерошил волосы на висках. Хэдли, глядя на него как бы рассеянно, вбивал свои слова, как гвозди.

“Можете ли вы связать кражу этих стрелок с тем, что нам известно об Элеоноре?” - повторил он. “Почему были украдены обе стрелки с часов? Почему они были украдены в среду вечером, когда часы были заперты, а не во вторник вечером, когда они были выставлены на всеобщее обозрение?” Вы сказали, что ответ будет простым, и так оно и есть. Фелл, все дело завершено и ясно как божий день. Защита не имеет оснований для возражений.

“Хм, да. Большое спасибо, мисс Хандрет. Это, - уныло произнес доктор Фелл, - несомненно, привело к разрыву. Большое спасибо. Возможно, вам будет интересно узнать, что впервые за всю вашу юридическую карьеру вам удастся отправить кого-то на виселицу.

Ее глаза расширились, и в них появился страх. Она с трудом подбирала слова, когда говорила:

“Ты хочешь сказать, что все это время обманывал меня? О Боже! Я бы не сказала тебе, если бы не была уверена, что ты… ты сказал… Если то, что я вам сказал, заставило вас изменить свое мнение…”

“Вы нисколько не изменили моего мнения. Вы только подтвердили мнение единственного человека, который имеет

значение”.

— Вы… вы же не думаете, — сказала она, задыхаясь, - что я стала бы лгать о… - Нет.

- Пожалуйста, поймите мою позицию, - настаивала она и начала колотить кулаком по подлокотнику кресла. - Неужели вы могли ожидать, что я буду молчать, что я буду делать что-то еще, когда рядом со мной такая женщина, и я думаю Бог знает о чем; когда Дон без ума от нее и у него и так достаточно неприятностей с отцом?.. ! Что я мог сделать?

- Вы поступили совершенно правильно, мисс Хэндрет, - сказал Хэдли с некоторой резкостью, - за исключением того, что, если бы вы рассказали нам об этом вчера вечером, вы бы избежали многих неприятностей. …”

- На глазах у Дона? Вряд ли! Кроме того, я не была уверена. Я ни в чем не была уверена, пока вы не начали рассказывать о “Гэмридже”, ограблении и убийстве в нем. Тогда мне показалось, что я все это видела. Она вздрогнула. - Теперь я могу идти? Жить — Жить немного сложнее, чем представлялось.

Она устало поднялась, и Хэдли поднялся вместе с ней.

“Я хочу задать вам еще два вопроса”, - сказал Хэдли, сверяясь со своим блокнотом. “Во-первых, знаете ли вы, что у Элинор Карвер когда-либо были какие-либо склонности к клептомании?”

Нерешительность. “Я ждал этого. Да. Я удивлялся, почему никто не упомянул об этом вчера вечером, особенно миссис Стеффинс. Я услышал это от нее. Старая ведьма, конечно, ненавидит меня, но каждый раз, когда она ссорилась с Элинор, ей приходилось с кем—нибудь об этом говорить.

Хэдли взглянула на доктора Фелла. - И наконец, - продолжил он, - у вас есть какая-нибудь достоверная информация о том, знала ли Элинор, что офицер полиции интересуется кем-то в этом доме?

“да. Я сам упоминал об этом. Однажды на прошлой неделе, я забыл, в какой именно, мы с Элинор гуляли по полям, и я увидел мистера Деловитого, который сидел на скамейке и читал газету. Тогда я был чем-то недоволен, и, хотя я решил ничего не говорить об Эймсе, это вырвалось наружу. Я сказал что-то вроде: “Смотри под ноги”. А вот и сам Великий детектив в одном из своих знаменитых обличий”.

“Что она сказала?”

“Ничего особенного. Она оглянулась на него и захотела узнать, откуда я это знаю. Но тут я спохватился и просто сказал, что, кажется, видел его где-то в суде. Потом я рассмеялся и сказал, что это была шутка”.

Хэдли закрыл блокнот. «Спасибо. На этом, я думаю, все. Я должен предупредить вас, помните, пока никому ничего не говорите. Это всего лишь вопрос часа или двух, но…

Когда она удрученно ушла, Хэдли некоторое время молчал, просматривая свои записи. Затем он поднял глаза.

“Да, - сказал он, - простите мне немного личной мстительности в этом бизнесе. Я признаю это; это дело клана. Сотрудник полиции, если вы забыли, был убит; человек, у которого не было оружия, получил удар ножом в спину. Я с удовольствием повешу убийцу.

- А теперь позвольте мне рассказать вам, что произошло прошлой ночью. У этой девушки были часовые стрелки, спрятанные за потайной панелью, которую она считала безопасной. Она не искала неприятностей. У нее была назначена встреча с Гастингсом на крыше, и, согласно ее собственным показаниям, она поднялась на нее без четверти двенадцать.

“А теперь вспомните, что мы решили вчера вечером. Мы решили, что Эймс наблюдал за нами и что он вошел в дом задолго до того, как позвонил в дверь ровно в полночь. Вы помните это? Позвонить в дверь, чтобы придумать какой-нибудь предлог для прихода в этот дом, было необходимо на случай, если его поймают; ему пришлось бы пройти через это, даже если бы он не вызвал подозрений. Он наблюдал за Элеонорой — вероятно, через эти окна, которые находятся на первом этаже. Когда он видит, что она уходит без четверти двенадцать, в плотном пальто, что означает, что она будет отсутствовать некоторое время, он проникает внутрь либо через открытую входную дверь, либо просто взломав одно из этих окон. Мы не уверены, рассказала ли ему обвинительница, миссис Стеффинс, о секретной панели; в любом случае, он быстро обыскал бы всю комнату, чтобы убедиться во всех своих доказательствах.

- Но, - сказал Хэдли с мягким, торжествующим акцентом, - посмотрите, что получается даже из показаний самой Элинор, которые она дала нам. При обычном ходе событий она поднялась

бы к Гастингсу на крышу, и Эймс получил бы свои показания. Но она добралась до двери наверху и обнаружила, что у нее нет ключа, который она потеряла внизу…”

“К черту ваши доказательства!” - проворчал доктор Фелл. “Боюсь, вы правы насчет того, что она спустилась вниз, как и сказала. Но…”

- Эймс неожиданно слышит, как она приближается; вы, наверное, заметили, - вставил Хэдли, ступая на скрипучий пол, - что здесь, в задней части дома, или в холле, нет толстого ковра. Он выключает свет и прячется в укрытие: под кровать, за дверь — вы, наверное, заметили, что все они открываются внутрь, — куда угодно. Она заходит поискать свой потерянный ключ, находит его и вдруг понимает, что кто-то рылся в комнате. Самый искусный сыщик не может сделать это, не оставив следов, вы же знаете. Ну, естественно, что она делает? Вспомнив об этом полицейском, она немедленно направляется к своей секретной панели и открывает ее, чтобы посмотреть…

Пока она стоит к нему спиной, Эймс, тихий в своих теннисных туфлях, но вовсе не бесшумный, выходит из комнаты. Недостаточно быстро. Она не собирается устанавливать сигнализацию; она прекрасно знает, что это не грабитель и что она совершенно потеряна, если поднимется тревога. Но эта наша кобра, которая схватила первое попавшееся оружие, когда ей угрожала опасность у Гэмриджа, сейчас делает именно то, что она делала тогда! Прямо перед ней тяжелая, заостренная стрелка часов, которые она украла для Кристофера Пола, и перчатки, которые она использовала, чтобы избежать попадания краски на пальцы. И она хватает их.

“А как же Эймс? Вот к чему я подхожу.

Вы поняли, в чем его трудность? У него, вероятно, было время выскочить за дверь и убежать. Он не боялся ее. Но опасность, с его точки зрения, заключалась в том, что, поскольку он не думал, что кто—то знает в нем детектива, она могла поверить, что он настоящий грабитель, и включить сигнализацию. В случае поимки он мог бы оправдать себя; но он поставил бы полицейскому в известность о незаконных методах, возможно, был бы уволен, и, конечно, преждевременно дал бы понять своей жертве, что она его добыча! Он не мог позволить себе поимку. И, с тревогой или без тревоги, самый верный способ поймать преступника лежал прямо у входной двери. Он знал, что как раз в

это время, ровно в полночь, полицейский будет совершать обход за этой дверью. И любой полицейский, который увидит при ярком свете уличного фонаря нищего бродягу, выскальзывающего в полночь из темного дома…

С другой стороны, она могла вообще его не видеть. Она могла даже не быть уверена в том, что это грабитель, поскольку ничего не было взято и (как он надеялся) ничего не потревожено. В любом случае бежать было глупо. Его лучшим и, по сути, единственным выходом было… Ну, господа присяжные заседатели? Предположил Хэдли.

Мелсон моргнул.

“А? Да, конечно”, - признал он. “Лучшим выходом для него было встать на пороге и смело нажать на звонок Боскомба”.

Последовала пауза. На этот раз Хедли усмехнулся.

“Вот именно. Если бы появился полицейский, он бы честно позвонил в дверь, чтобы назначить встречу, которую он мог доказать. Если бы из комнаты выбежала женщина с широко раскрытыми глазами: “Грабитель, мадам? Как вы думаете, если бы я вломилась в ваш номер, я была бы здесь и звонила в дверь? Я видел, как кто-то выходил отсюда, я видел, что дверь была открыта настежь, и я пытался разбудить вас.” Итак, он стоял перед широко открытой дверью, ожидая, выйдет ли она. Если она не выходила, это означало, что его никто не видел. Тогда он мог бы сразу вернуться к назначенной встрече, а позже продолжить прерванный поиск”.

Доктор Фелл накинул плащ на плечи.

“Хм. Есть ли у ученого джентльмена, - спросил он, - какие-либо доказательства, подтверждающие его эпизод с Арсеном Люпеном?

“У ученого джентльмена есть. Разве вы не помните, как долго он продолжал бить в колокол (как сказал нам Гастингс), хотя ему было велено немедленно подняться наверх? Он проверял, все ли в порядке. Вы помните, что сами обнаружили входную дверь распахнутой настежь, когда поднялись наверх с констеблем, который это заметил? Он, естественно, закрыл бы ее, если бы не хотел быть уверенным, что никто не нападет на него в темноте.

“А теперь давайте вернемся к нашей ручной кобре. Она вышла в темный коридор с ножом и перчатками. И вот враг, силуэт

которого вырисовывался на фоне уличного фонаря, звонит в дверь и зовет на помощь. Это, должно быть, был самый ужасный момент в ее жизни. Если она не начнет действовать, ее поймают. Если она все-таки начнет действовать, ее могут увидеть в момент совершения убийства с украденной часовой стрелкой. Она могла бы рискнуть и убить его — заколоть ножом, как вора, который проник в дом, — если бы только он действительно проник в дом. Или она вообще осмелится на такой риск? Она должна что-то сделать, прежде чем кто-нибудь ответит на звонок. Вот он входит. Вот он идет через холл, а она прячется под лестницей. Вот он поднимается по лестнице.—

“И она его поймала”.

Хэдли закончил свои слова как-то резко, сжав кулак. Он посмотрел на Мелсона так, словно каждое его предложение было ударом в отместку за силу.

- И наконец, - сказал он, - на случай, если вы обвините такого старого человека, как я, в романтизме, я приведу вам окончательное, абсолютное, неопровержимое доказательство. Я сделаю это, объяснив то, что вы, Фелл, пытались высмеять как Тайну Летающей перчатки.“Это пришло мне в голову только тогда, когда я некоторое время назад осматривал эту лестницу и вспомнил кое-что, что я был слишком слеп, чтобы заметить раньше. Но я могу объяснить вам, что это за летающая перчатка и почему она летает. Взгляните на нее.*

Он достал из кармана перчатку, которая, по словам Кристофера Пола, лежала в коридоре на верхнем этаже, и расправил ее на колене.

- А теперь представьте, что вы на месте Элеоноры Карвер, поднимаетесь по лестнице следом за Эймсом. Инстинктивно она взяла обе перчатки, но надела только одну. В одной руке у нее перчатка и стрелка часов, в другой - вторая перчатка, на палец которой она, словно желая избавиться от нее, уронила ключ, который машинально сохранила от первой. Слева от нее стена, справа перила. Понятно?

- Правильно! На втором шаге сверху, там, где начинаются пятна, она наваливается всем своим весом на спину Эймса и наносит удар. Под ее весом он оказывается почти на коленях. Он инстинктивно вскидывает обе руки; она вскидывает свободную руку, чтобы сохранить равновесие, автоматически ослабляя

хватку на свободной перчатке. Кровь. Его рука дернулась вверх, и свободная перчатка, перелетев через верхний поручень, полетела в холл…”

Мелсон наклонился вперед.

“Но, Боже мой, чувак!” - воскликнул он, и академическое спокойствие разлетелось вдребезги. “В таком случае ее свободная рука, должно быть, была с правой стороны!”

“А это, - сказал Хэдли, - правая перчатка. Точно. Это не та рука, которая сжимала нож. На этой перчатке единственное кровавое пятно - прямо на ладони, там, где его никогда бы не было, если бы рука крепко сжимала это стальное древко. Следовательно…

Он медленно опустил кулак на изножье кровати.

“— теперь вы понимаете, почему угол удара Эймса был так сильно смещен вправо. Вы понимаете показания свидетелей, которые видели, как была убита продавщица в магазине Гэмриджа: “Мы стояли справа от нее, когда продавщица прошла мимо нас и коснулась ее руки. Она протянула другую руку и схватила разделочный нож. - …Это означает, джентльмены, что убийца Гэмридж была левшой. И, судя по неопровержимым доказательствам, представленным вам, Элинор Карвер тоже левша.”

Он встал, подошел к камину и выбил трубку о мраморный край, Хэдли гордился собой как непреклонным логиком, который не чурается драматизма. Мрачно улыбаясь, он оперся локтем о каминную полку и посмотрел на них.

- Есть вопросы, джентльмены? - осведомился он.

Доктор Фелл хотел что-то сказать, но передумал и продолжил::

- Неплохо, Хэдли. “Какие люди и какие лошади будут сражаться против вас, когда звезды на своем пути будут на вашей стороне?’ Хм. Буцефал внезапно превратился в пегаса. Чувак, ты прекрасно говоришь! И все же я почему—то всегда с подозрением — очень с подозрением - отношусь к тем случаям, которые зависят от того, что кто-то левша. Это слишком просто… Всего один вопрос. Если все это правда, то что же тогда происходит с таинственной фигурой на крыше, которую видел Гастингс: фигурой с позолоченными руками? Как вы думаете, Гастингс солгал?

Хэдли положил трубку с видом человека, который что-то вспомнил.

- Носовой платок! - крикнул я. он пробормотал. - Ей-богу! Я таскал его с собой все утро, с тех пор как застал вас с Карвером за разглядыванием часов.

“Какой носовой платок?”

“Миссис Стеффинс. Я вам не говорил, не так ли?” Он достал из отдельного конверта скомканный батистовый носовой платок, пропитанный тем веществом, которое к этому времени пропитало все мысли Мелсона. “Нет, не пяльтесь. Это всего лишь золотая масляная краска, которую она использовала для росписи фарфора и керамики. Она не имеет ничего общего с другими красками”. Престон нашел ее засунутой глубоко на дно сумки для грязного белья в ее комнате. Но она свежая, такая же свежая, как вчера вечером.

“Наш хороший друг Стеффинс, несомненно, была наблюдателем на крыше. Она поднялась из своей комнаты, которая выходит на потайную лестницу в нише Карвера, по другой лестнице, чтобы разобраться в этом романе на крыше, о котором, похоже, знали все остальные.

“Помните, что она была полностью одета. Помните также тот тюбик с краской, о котором я вам рассказывал? — он был раздавлен сверху, как будто кто-то приложил к нему руку. Именно это и произошло, потому что было темно. Она вышла из своей комнаты в темноте и, спотыкаясь, опиралась на тюбик с краской. Она вытерла руку носовым платком, не осознавая, сколько краски набралось в темноте, и поспешно вскочила, чтобы увидеть зловещих тварей на крыше. Там она случайно наткнулась на Гастингса в разгар беспорядков внизу. Краска на ее руке привела его в замешательство — он побежал к дереву, с какими результатами, мы знаем. Она видела, как он упал, и видела, как Люсия нашла его на краю крыши; иначе как она узнала, что он был в ее комнате? (Вы помните, она обратила на это наше внимание, как только я появился). Потом она на ощупь спустилась вниз, увидела при свете, сколько краски у нее на руке, и решила умыться. Она сунула платок в сумку для стирки и приготовилась закатить истерику перед всеми высшими богами, если кто-нибудь бросит на нее зловещий взгляд… Это кажется вам разумным?”

Доктор Фелл издал загадочный звук, который можно было истолковать либо как согласие, либо как несогласие.

- Но это, - продолжал старший инспектор, - сейчас меня не интересует больше всего. Я изложил суть дела “Рекс против Элинор Карвер”. Сегодня утром вы изложили список из пяти пунктов или вопросов в связи с доказательствами, и я ответил на каждый из них. Я сделал это, несмотря на то, что вы насмехались над всеми очевидными доказательствами: украденными вещами, которые были у нее, часовой стрелкой на часах, перчатками, запачканными кровью. Я представил не только конкретные доказательства, но и мотив, возможность и характер обвиняемой; и я представил единственное объяснение, которое удовлетворительно согласуется со всеми этими противоречивыми фактами. Поэтому я утверждаю, что доказательства не оставляют разумных сомнений в виновности Элеоноры Карвер. Вы сказали, что разнесете мои доказательства в пух и прах, но у вас нет ни одного факта, который вы могли бы назвать своим. Это, милорд и джентльмены, - сказал Хэдли с широкой улыбкой, - дело для обвинения. А теперь, если можете, опровергните его.

Он насмешливо сел. И доктор Фелл, накинув плащ на плечи, встал, готовясь к защите.

Глава 18

Доводы защиты

- Милорд, - произнес доктор Фелл, рассеянно кивнув в сторону “Крейзи Кэт” на каминной полке, - и господа присяжные заседатели.

Он прочистил горло, издав рокочущий звук, похожий на боевой клич. Он накинул на плечи плащ и встал лицом к кровати. В этом плаще и с растрепанной копной густых, с проседью волос он был похож на толстого адвоката, готовящегося к бою.

- Милорд и джентльмены, - продолжил он, поправляя очки поудобнее и глядя поверх них. “Непредубежденному слушателю вполне могло бы показаться, что, с одной стороны, случай и совпадение сговорились сообщить моему ученому другу все подтверждающие факты и подробности, необходимые для его дела; в то время как мне, с другой стороны, показалось бы, что они сообщили только то, что в обычных кругах может быть описано как удар под дых. Его успех в этом отношении почти

невероятен. Ему нужно найти всего одну зацепку, а он находит шесть. Стоит ему только открыть рот, чтобы выдвинуть теорию, как тут же кто-нибудь входит в дверь и подтверждает ее. Мне это не нравится. Я не верю, что даже действительно виновный человек мог оставить после себя столько изобличающих улик, если он усыпал мостовую уликами от этого места до “Слона и замка”. Я настаиваю на том, чтобы рассматривать это дело как дело об убийстве, а не как погоню за бумагами. И именно на выводах, сделанных из этого убеждения, я основываю свое дело”.

“Слушайте, слушайте!” - ободряюще сказал Хэдли.

- И, - невозмутимо продолжал доктор Фелл, - если мой ученый друг согласится ненадолго замолчать и закрыть свою жирную голову, я продолжу развивать эту защиту. Начать с. Джентльмены, это хорошо известное правило в птицеводстве…

- Послушайте, - возмутился Хэдли, вставая. - Вы можете быть вольны в своих действиях, как вам заблагорассудится. Но я возражаю против того, чтобы вы превращали это в фарс. Во-первых, у меня нет времени на шутки, а даже если бы и было, мне кажется, что это довольно дурной тон, когда человека действительно убивают и речь идет о чьей-то жизни. Если вам есть что сказать, говорите; но, по крайней мере, имейте приличие быть серьезным.”

Доктор Фелл снял очки. Затем он перестал быть судьей и заговорил очень тихо.

- Вы этого не видите, не так ли? Вы не поверите мне, если я скажу, что никогда в жизни не был так отчаянно серьезен? Я пытаюсь уберечь эту девушку от ареста, если не от чего похуже, и, между прочим, спасти вашу собственную официальную голову единственным понятным вам способом — показав вам, с чем вы столкнулись. Я не специалист в области права. Но я действительно много знаю об адвокатах и их методах. И я покажу вам, что такой человек, как Гордон-Бейтс или сэр Джордж Карнахан, если они проведут с ним инструктаж, сделает с вашим бедным старым делом, когда вы его представите. Я могу ошибаться. Но, видит Бог, я никогда не был более практичным.

- Очень хорошо. Тогда продолжайте, - пробормотал Хэдли. Казалось, ему было не по себе.

- В птицеводстве существует хорошо известное правило, -

продолжил доктор Фелл, снова взяв себя в руки, - избегать двух ошибок, которые с тех пор стали аксиомой, а именно: (а) Не кладите все яйца в одну корзину и (б) Не кладите все яйца в одну корзину. считайте своих цыплят до того, как они вылупятся. Обвинение сделало и то, и другое, что является фатальным совпадением. Обвинение сделало два своих обвинения взаимозаменяемыми. Если эта женщина убила Эвана Мандерса, она также убила Джорджа Эймса. Если эта женщина убила Джорджа Эймса, она также убила Эвана Мандерса. Каждое обвинение строится на другом и является его частью. Стоит нам только поставить под сомнение одно из них, и мы, таким образом, дискредитируем оба.

“Например, у нас есть эта перчатка, перчатка для правой руки. Обвинение утверждает, что эта перчатка не могла быть надета на руку, которая ударила Эймса ножом. Из раны, как мы видели, вытекла кровь, которая пропитала бы ее, в то время как на этой перчатке есть не только очень маленькое кровавое пятно, но и пятно, расположенное в таком месте, что мой ученый друг категорически заявляет, что его не могло бы быть, если бы эта рука держала перчатку. оружие. - хорошо! Мой ученый друг приводит доказательства, которые определенно доказывают, что убийца Гэмридж была левшой. Поскольку Элеонора Карвер в “Убийстве Эймса”, должно быть, нанесла удар левой рукой в перчатке, то два убийцы - это одно и то же лицо.

- Вот это, - сказал доктор Фелл и многозначительно кивнул своей большой головой, - я и называю “сложить все яйца в одну корзину”. В то время как это… — он неуклюже подошел к панели в стене, открыл коробку из-под обуви, достал перчатку для левой руки и, развернувшись, бросил ее на кровать. - Это то, что я называю подсчетом цыплят до того, как они вылупятся. Вот перчатка, которой, по утверждению обвинения, должно было быть совершено убийство. Но осмотрите ее, джентльмены, и вы не найдете на ней ни единого пятнышка крови. Мой ученый друг утверждает, что удар не мог быть нанесен без большого количества крови. Следовательно, согласно собственным доводам обвинения, мы доказываем: (1) что Элинор Карвер не была левшой, как убийца Гэмридж, и (2) что при убийстве инспектора Эймса ни одна из этих перчаток вообще не могла быть использована”.

Хэдли поднялся со своего места, словно в процессе астральной левитации. Он схватил перчатку с кровати и уставился на доктора Фелла

- Мы хотим, чтобы все это было понято, - прогремел доктор, - потому что на этот раз обвинение явно не собирается идти на попятный. По прошествии этого времени мой ученый друг не собирается утверждать, что он имел в виду что-то другое и что, в конце концов, перчатка была надета на правую руку. Он сам доказал, что это не так. А я доказал невозможность леворукости. Если на свободную правую перчатку попали брызги крови, когда она находилась в нескольких футах от раны, то, мягко говоря, мы должны потребовать, чтобы обвинение показало нам хотя бы какой-нибудь микроскопический след на руке, оставивший рану. Его нет. Следовательно, Элинор Карвер не убивала Эймса. Следовательно, она не была левшой, ударившей ножом Эвана Мандерса. И эти перчатки, единственная реальная улика против нее, должны быть проигнорированы, когда все дело обвинения рухнет под тяжестью собственной логики."

Чтобы показать, что он еще не закончил, доктор Фелл добавил: "Гм!" - и достал красную бандану, чтобы промокнуть лоб. Затем он просиял.

- Остановитесь немного, - сказал Хэдли с упрямым спокойствием.

— Возможно, я немного выдал себя. Может быть, в волнении от возбуждения дела (которое, как я уже говорил, было всего лишь набросками). Возможно, я зашел слишком далеко. Но эти другие реальные улики…

- Милорд и джентльмены, - продолжал доктор Фелл, засовывая бандану обратно в карман. - Обвинение так быстро заняло позицию, которую я предсказывал, что мне нет необходимости указывать на то, насколько ущербным стало его дело. Но позвольте мне продолжить. Другая сторона сама доказала, что перчатками она не пользовалась. Но одну нашли рядом с телом, а другую - за этой панелью. Если она их туда не клала, значит, это сделал кто—то другой — с единственной целью, чтобы ее повесили, и я попытаюсь это доказать.

"Рассматривая эти другие "реальные улики" против нее, я сначала разберусь с убийством Гэмриджа. Как кто-то уже упоминал, я наметил пять пунктов, которые следует рассмотреть в связи с этими двумя преступлениями. … Хммм. Дай мне этот конверт, Мелсон. Так…. И когда я перейду к их обсуждению, я попрошу разрешения пересмотреть их.

Он подозрительно оглядел присутствующих поверх очков, но в

его взгляде не было и намека на насмешку. Хэдли сидел, держа в руке перчатку и покусывая черенок погасшей трубки.

- Поскольку мы опровергли обвинение в леворукости, единственное определенное обвинение, что еще связывает Элинор Карвер с убийцей Гэмриджа? Что она, вероятно, была блондинкой (кто-то говорит, брюнеткой, но оставим это в стороне), что она была молода и носила одежду, обычную для большинства женщин. Это вызывает у меня удивление, если не сказать радость. Другими словами, именно неопределенность описания, которое вы используете, доказывает, что это была Элеонора Карвер. Вы говорите, что убийцей могла быть определенная женщина, исключительно на том основании, что в Лондоне очень много других женщин, похожих на нее. Это все равно, как если бы вы сказали, что Джон Доу был безоговорочно виновен в убийстве с использованием шарфа в Лидсе, потому что человек, которого видели убегающим с места преступления, с таким же успехом мог быть кем-то другим. Во-вторых, у вас есть собственное признание Элеоноры, что в тот день она была у Гэмриджа; это не похоже ни на признание убийцы, ни на признание Элеоноры Карвер, как вы изобразили ее в образе убийцы. Но я скажу вам, на что это похоже. Это похоже на попытку кого—то, кто знал, что она была там в тот день; кто заметил внешнее сходство с ней в газетных сообщениях и знал, что опознать ее невозможно; кто прочитал описание украденных вещей и увидел, что, за одним исключением, их также невозможно идентифицировать -чтобы обвинить ее в преступлении.

“Подождите!” - вмешалась Хэдли. “Это становится просто фантастическим. Допустим, свидетели не смогли опознать ее, но у нас есть украденные вещи. Вот они перед вами”.

“Вы думаете, они уникальные?”

“Уникальные?”

- У вас есть браслет и пара сережек. Как вы думаете, вы не могли бы прямо сейчас зайти в магазин Гэмриджа и купить двадцать точных копий этих двух изделий? Они не уникальны; их выпускают в большом количестве, и ни один браслет или кольцо не могут быть однозначно идентифицированы как те, что были украдены двадцать седьмого августа. Вам же не придет в голову арестовывать каждую женщину, которую вы увидите в таком наряде. Нет, мой мальчик. Среди украденных предметов есть только один, который можно идентифицировать без сомнения, а

именно часы семнадцатого века от Carver's, выставленные в Гамридже. Они уникальны. Это, и только это, безошибочно указывает на Элеонору Карвер. И очень важно, - сказал доктор Фелл, - что это единственная из украденных вещей, которая осталась у вас.

Хэдли приложил руки ко лбу.

"Вы ожидаете, что я поверю, - потребовал он ответа, - что две точные копии украденных вещей оказались спрятаны за этой панелью случайно?"

- Не случайно. Преднамеренно. Я постепенно пытаюсь показать моему ученому другу, - отрезал доктор Фелл, ударив кулаком по каминной полке, - что все совпадения, которые сбивают нас с толку и сбивают с толку, вовсе не были случайностями. Все вело к этому. Клептоманские наклонности Элинор были хорошо известны; именно это навело убийцу на мысль. Он (или она) увидел шанс, который был заранее спланирован в преступлении Гэмриджа. Приблизительное описание убийцы подходило под Элеонору; Элеонора была в магазине; Элеонора не могла доказать свое алиби. Но для этого требовалось много доказательств. Вот почему человек, стоящий за всем этим дьявольским замыслом, попытался дополнить его, стащив часы с черепом Маурера из шкатулки Боскомба. Боскомб должен был поверить, что она их украла, потому что этот дьявол знал, что Боскомб прикроет ее. Предполагалось, что вы поверите, что она украла его, потому что вы не поверили бы ни одной истории, которую Боскомб рассказал, чтобы объяснить его исчезновение. И вы оба угодили прямо в ловушку. А теперь давайте продолжим с теми реальными доказательствами, которые у вас есть против нее. Я уже отмечал, что пропала единственная реальная улика, уникальные часы, которые действительно могли бы осудить Элеонору. Почему они пропали? Конечно, если бы кто-то захотел возложить вину на Элеонору, эти часы были бы единственной вещью, которую он (или она) с абсолютной уверенностью "спрятал" бы за панель. Но их там нет. И единственная разумная гипотеза, объясняющая его отсутствие — независимо от того, считаете ли вы все еще Элеонору виновной или верите в мою собственную теорию, — заключается в том, что никто его туда не клал, потому что некому было его туда класть.

- Я задал вам этот вопрос своим пятым пунктом, - прогремел доктор Фелл, глядя на конверт в своей руке, - об этом. В записке Мелсона говорится: "Убийца из универмага не стал красть часы,

принадлежащие Карверу, хотя дома это было сделать проще, а пошел на опасный риск, стащив их с витрины в переполненном универмаге". Ну, почему?— Конечно, это очевидно. Ни у одной женщины в этом доме не возникло безумного желания украсть часы, которые все они, должно быть, видели десятки раз до этого. Безумный порыв возник у кого-то другого. На самом деле безумный порыв исходил от какой-то женщины, которая не живет в этом доме; от какой-то женщины, о которой мы, вероятно, никогда не слышали; от какой-то женщины, о которой мы, вероятно, никогда не услышим из-за ее безымянности среди восьми миллионов человек! Это убийца из универмага. Дьявол в этом доме просто воспользовался ее преступлением; использовал его как зацепку, чтобы сфабриковать недостаточные улики против Элеоноры, чтобы навести полицию на след Элеоноры, а затем убил офицера полиции, который был вызван на основании поддельных улик, которые должны были отправить Элеонору на эшафот за оба преступления!"

Хэдли был так взволнован, что швырнул свой портфель на пол и в бешенстве уставился на доктора Фелла.

"Я в это не верю!" - закричал он. "Это часть вашей проклятой риторики. Это чистая теория, и притом гнилая теория. Вы не можете этого доказать! Вы не можете обвинять того, чье существование даже не можете доказать! Вы…

- Я что, заставил вас скрываться? - мрачно спросил доктор Фелл. - По крайней мере, я думаю, что вы обеспокоены. Почему бы вам не взглянуть на этот браслет и на эти часы с черепом и не проверить, есть ли на их полированной поверхности хоть один отпечаток пальца? Вы говорите, что Элеонора считала, что панель безопасна: тогда на обоих должны быть десятки ее отпечатков, если это правда. Но это не так. Их вообще не будет — это единственное, с чем не смог справиться фальсификатор улик. Чувак, теперь ты понимаешь, почему тебе нужно было только искать

одна зацепка, чтобы найти шесть? Вы понимаете, почему вам стоило только открыть рот, чтобы выдвинуть теорию, и кто-то вошел в эту дверь и подтвердил ее? Тогда вы понимаете, почему этот случай напугал меня и почему я могу поверить в злых духов. Здесь присутствует настоящий злой дух, который ненавидит эту девушку с терпеливым, смертельно опасным, блестящим коварством, ненавидит ее так, как галерный раб ненавидит надсмотрщика за кнутом, а неудача ненавидит успех. Весь

замысел состоял в том, чтобы сплести веревку вокруг ее шеи и сломать ее, как это обычно делают люди, двумя руками…. Теперь мне продолжать, или вы боитесь выслушать мое дело?

— Вы все еще не можете доказать… - начала Хэдли, но негромко. Он взял свой портфель, и голос его стал задумчивым.

“Продолжайте”, - сказал Мелсон, чья твердая рука продолжала делать пометки.

Доктор Фелл, тяжело дыша, переводил взгляд с одного из них на другого, его лицо еще больше покраснело, а большой палец был засунут в пройму широченного жилета. Серый свет, лившийся из окон, освещал унылое небо и задний двор. Он продолжал уже тише:

Итак, возвращаясь к этим пяти пунктам, я перехожу к четвертому. Это повторяющийся и неприятный вопрос о том, почему были украдены обе стрелки часов и почему они не были украдены, когда часы были выставлены на всеобщее обозрение. Я расскажу вам, почему это было сделано. Это было сделано потому, что все улики должны были указывать на Элеонору как на убийцу Эймса. Простая кража одной часовой стрелки не указывала ни на кого. Но часовая стрелка, лишняя стрелка, которую нельзя было использовать в качестве оружия и удаление которой было пустой тратой времени, должна была быть найдена у Элеоноры как явное свидетельство вора. Это также, но в большей степени, стало причиной того, что они ждали до вечера среды, чтобы украсть стрелки. Похоже, никому из присутствующих здесь не приходило в голову, что вор ждал до вечера среды, потому что до этого момента часы не были покрыты позолотой.

- Неужели мой ученый друг не понимает всей простоты этого? Весь футляр покрыт позолоченной краской! Так и должно было быть. Где были бы ваши улики против Элеоноры как убийцы Эймса, если бы не эти золотые мазки, демонстративно нанесенные на пару ее перчаток, одна из которых была спрятана за панелью, а другая брошена не слишком демонстративно близко к мертвецу? И, если вам нужны дополнительные подтверждения, подумайте о ключе. Настоящий убийца должен был украсть этот ключ у нее. Этот маленький ключ, джентльмены, был самым важным во всем плане, потому что без него план был бы невозможен. Элеонор должна была лечь спать пораньше, и у нее не было бы алиби на любую ночь, какую бы вы ни выбрали, если только она не поднималась на крышу, чтобы встретиться со

своим любовником. Это должно быть невозможно. Она, должно быть, попала в ловушку, не имея возможности пройти через эту дверь. И когда ключ больше не понадобился убийце, он был возвращен на палец перчатки, чтобы нанести еще один сокрушительный удар по ней.

Поспешно вмешался Хэдли:

- Допускаю все это на секунду… Хотя, конечно, я не возражаю; но допускаю это как гипотезу… Тогда как насчет перчаток? Черт возьми! Чем больше я об этом думаю, тем больше понимаю, как много зависит от этих перчаток! Вы, кажется, доказали, что ни один из них не использовался…"

"Хм, да. Это вас беспокоит, не так ли?" Доктор усмехнулся, а затем стал очень серьезным. - Но дело в том, что я не говорю вам, что произошло на самом деле. Я говорю вам только о том, чего не было. - нет, нет. Мне еще не пришло время указывать вам, кто настоящий убийца".

У Хэдли отвисла челюсть. - Ты так не думаешь, да? И все же пытаешься убедить меня? Боже мой! сейчас не время для твоих салонных мистификаций! Я все еще думаю, что я прав…

- Нет, не совсем. По крайней мере, я так не думаю, - ответил доктор Фелл, изучая его с мрачным вниманием. - Я потряс вас, но вы находитесь в том неуверенном состоянии, когда я не решаюсь изложить все, что со мной происходит. Он увидел, как старший инспектор нервно сжимает и разжимает кулаки, и в его голосе зазвучали неподдельная серьезность. - Чувак, это не салонная мистификация! Даю вам слово, я слишком взволнован, чтобы прибегнуть к своей обычной тактике "наблюдайте, джентльмены, у меня ничего нет в запасе". Я не осмеливаюсь сказать вам, иначе я бы так и сделал. Вы в таком состоянии, что бросились бы проверять это. Мы столкнулись с самым коварным дьяволом под безобидной маской, с которым я когда-либо надеялся сразиться. Одно пропущенное слово — и коварный враг заговорит в ответ, и в своем нынешнем состоянии ты сметешь все, над чем я трудился, и снова примешься преследовать Элеонору.

- Послушай, Хэдли. Он яростно вытер лоб. - Чтобы довести начатое до конца, чтобы вбить таран в твою храбрую башку, продолжу с моим пунктом номер три, который гласит:

"Все обвинения и судебное разбирательство против одной из этих

женщин за убийство Эвана Мандерса исходят от неустановленного лица, которое в настоящее время под сильнейшим давлением отказывается общаться с нами".

"Именно так. В этом суть и секрет всей схемы. Вдумайтесь хорошенько в эти слова, пока я их анализирую. Какое объяснение может кто-нибудь дать этому? Сторона обвинения говорит: "Потому что этим обвинителем была миссис Стеффинс. Ненавидя Элеонору и желая разоблачить ее как убийцу, она, тем не менее, отказалась давать показания открыто, потому что боялась гнева старого Карвера из—за обвинения любимицы старого Карвера. "Я утверждаю, что никто в здравом уме не мог поверить в это ни на мгновение - даже те, кто все еще верил в виновность Элеоноры. Что говорится в отчете самого Эймса? В нем говорится: "Информатор был готов подтвердить на свидетельской скамье вышеуказанные утверждения".

"Как вы понимаете, на свидетельской скамье. Это все равно, что сказать, что у вас есть секрет, который вы боитесь раскрыть шепотом в собственном доме, но, с другой стороны, вы не возражаете против того, чтобы его передали по радио. Если и были какие-то вещи, которые, как она опасалась, повлияют на Карвера, если они будут произнесены наедине, то вряд ли они будут более успокаивающими, если она выскажет их в открытом судебном заседании.

"Хэдли, я сказала, что в отчете Эймса было несколько моментов, которые звучали очень подозрительно. Это один из них. Скажите, если хотите, что миссис Стеффинс была обвинительницей, но в таком случае вы должны сказать, что она также была убийцей. Тот, кто рассказал Эймсу всю эту ложь, сделал это только с одной целью — заманить Эймса на верную смерть в этот дом. Этот человек, по словам Эймса, дал показания о том, что видел у обвиняемого оружие. …Собственность Элеоноры Карвер, если бы Эймс не был таким скрытным, и это стало бы еще одной вехой на пути девушки… к тому, что она увидела "часы в витрине Гэмриджа, одолженные Дж. Карвером". Ничто другое не заинтересовало бы Эймса. Ну, и где же эти часы? Их здесь нет, как и остальных тщательно подготовленных улик. Их здесь никогда не было. Это была приманка для Эймса, предназначенная для того, чтобы в буквальном смысле подкараулить его, как череп Маурера должен был стать подкараулкой для Элеоноры. Что еще видел обвинитель? Элеонора сжигала пару окровавленных лайковых перчаток в вечер убийства Гэмриджа. Хэдли, вы когда-нибудь пробовали сжигать лайковые перчатки? В следующий раз,

когда вы разведете костер на заднем дворе своего дома, попробуйте это сделать; но только необыкновенная женщина смогла бы пронести эти проклятые трофеи обратно с Оксфорд-стрит и провести следующие двенадцать часов над ревущим пламенем, терпеливо превращая дубленую кожу в пепел… Прочтите отчет Эймса еще раз. Изучите несоответствия, слишком осторожное поведение обвинителя, его настойчивое стремление к секретности, противоречие в том, что обвинитель готов рассказать все это, но при этом упирает на малую (по-видимому) важность открытого введения Эймса в дом. И вы увидите, что этому может быть только одно объяснение.

Итак, мы, наконец, возвращаемся к началу. Мое второе замечание указывает на то, что убийца Эймса не был убийцей Гэмриджа по причинам, которые я привел. Мой первый пункт указывает на суть дела и на весь вывод, к которому мы должны были прийти: если мы примем все остальные алиби, то тяжесть подозрений должна лечь либо на Лючию Хандрет, либо на Элеонору Карвер. Но даже это могло быть сведено к минимуму, и было почти мгновенно сведено к минимуму, когда женщина из Хандрет представила алиби, слишком убедительное, чтобы его можно было опровергнуть. Тогда я был уверен. Элинор, и только ей одной, суждено было стать жертвой одного из самых изощренных и дьявольских заговоров с целью убийства на моей памяти.

- Милорд и джентльмены! Он выпрямился и положил руку на каминную полку. “В заключение, есть несколько моментов, которые защита с радостью признает. Никто не был настолько любезен, чтобы подделать доказательства для нас, как это было сделано для моего ученого друга. Поэтому мы должны полагаться только на правду, и, не обладая ни магическими свойствами, ни сотрудничеством с полицией, мы не можем предъявить настоящего убийцу Гэмриджа. Мы не можем привести никаких “неопровержимых фактов”, которые при тщательном рассмотрении могут привести к гибели тистлдауна. Мы не можем рассказать бессвязную историю о полицейских, которые звонят в колокольчики, выходя из дома, и через две минуты после того, как их застукали за обыскиванием чьей-то комнаты, беспечно заходят снова, чтобы убийца мог подстеречь их в темноте. Мы не представляем себе убийцу, настолько разборчивого в одежде, чтобы носить с собой две перчатки, когда ей нужна только одна, а потом по необъяснимым причинам не воспользоваться ни одной из них. Нам даже трудно представить себе полицейского, готового к опасности, который поднимается по двадцати трем ступенькам, даже не подозревая, что кто-то наступает ему на пятки. Но

оставим это. Все, что мы хотели сделать, - это посеять обоснованные сомнения в правоте обвинения, ту маленькую крупицу неуверенности, которая должна заставить вас вынести вердикт “невиновен”; и я утверждаю, джентльмены, что мы это сделали”.

И Хэдли, и Мелсон были так взволнованы, что подпрыгнули и резко обернулись, когда дверь с грохотом распахнулась без стука. Сержант Престон резко сказал: “Я не хочу допустить ошибку на этот раз, сэр. Но, по-моему, она сейчас поднимается по ступенькам. Она пытается отгородиться от репортеров, и с ней молодой человек, у которого забинтована голова. Не следует ли мне—?”

Из-за быстро бегущих тусклых облаков в серой комнате стало еще темнее, а в трубе завыл ветер. Хэдли стояла лицом к доктору Феллу. Оба стояли прямо и смотрели друг другу в глаза, а Мелсон слышал, как громко тикают его часы. Каждая нервная сила в комнате была сосредоточена и боролась между собой.

- Ну и что? - сказал доктор Фелл. Он оттолкнулся локтем от каминной полки, и одна из фотографий в рамке с металлическим звоном опрокинулась.

Хэдли быстро шагнул вперед. Он завернул вещи, лежавшие на кровати, в старый свитер, сунул все это в отверстие и закрыл панель.

“Хорошо”, - сказал он глухим голосом. “Хорошо. Нет смысла тревожить ее, если она этого не делала”.

Затем он повысил голос. “Где, черт возьми, Беттс? Не позволяйте ей общаться с прессой! Почему Беттс не на месте, чтобы позаботиться о…?”

Испытывая почти тошнотворное облегчение, Мелсон услышал, как сержант сказал: “Он разговаривает по телефону уже десять минут, сэр. Я не знаю, что это… А!”

Послышался топот торопливых шагов. Беттс, все еще невозмутимый, но с немного дрожащими руками, оттолкнул Престона в сторону и закрыл дверь.

— Сэр… - начал он довольно хрипло.

- В чем дело? Выскажитесь, пожалуйста?”

“Позвоните из Скотленд-Ярда, сэр. Это очень важно. Помощник комиссара. … Я не думаю, что мы сможем получить этот ордер, даже если захотим. Они нашли женщину, которая занималась делом Гэмриджа”.

Хэдли промолчал, но его пальцы крепче сжали портфель.

- Да, сэр. Это— это наша знакомая. Сегодня утром она пыталась совершить налет на магазины Харриса, и ее задержали. В отделе полиции Марбл-Арч говорят, что в этом нет никаких сомнений. Когда они привезли ее домой, то обнаружили, что примерно половина драгоценностей и остальные вещи были украдены во время обысков в течение некоторого времени. Когда они нашли эти часы — те, что принадлежат мистеру Карверу, — она не выдержала и попыталась выброситься из окна. Сравнение отпечатков пальцев показало, кем она была. Одного из ее сообщников тоже задержали, но другого…

“Кто это?”

- Ну, сэр, в настоящее время она работает под именем Хелен Грей, это систематический бизнес; она работает в крупных магазинах и избавляется от товара через забор. У нее всегда есть двое сообщников—мужчин, которые прикрывают ее…

Он остановился, вероятно, из-за любопытных выражений на лицах присутствующих. Снова стало очень тихо. Послышался скрип досок, когда Хэдли отступил назад. Тяжело дыша, он оглянулся на доктора Фелла. И лицо доктора Фелла озарилось безмятежностью Юпитера, которая постепенно превратилась в широкую сонную улыбку. Он накинул плащ на плечи. Прочистив горло, он неуклюже отошел от камина, повернулся и отвесил Крейзи Кэт глубокий поклон.

- Милорд, - звенящим голосом произнес доктор Фелл, - защита не возражает.

Глава 19

Продолжение в таверне

В баре таверны “Герцогиня Портсмутская”, расположенной в изгибе маленькой заводи под названием Портсмут-стрит, до сих пор поговаривают об обеде, который устраивали в прокуренном зале с низкими стропилами на заднем дворе как-то днем в начале сентября. Обед был подан неким чрезвычайно толстым

джентльменом для четырех гостей. Он продолжался с половины второго до четверти пятого. Он был отмечен не только своими размерами — хотя сам толстый джентльмен съел стейк и пирог с почками размером почти с раковину… но также и за веселый шум. Полный джентльмен просунул голову в барную стойку, снял широкополую шляпу и объявил, что все напитки для собравшихся там завсегдатаев за его счет. Он обратился к компании с речью, в которой содержались непонятные намеки на то, что его враг находится у бедра, или какая-то подобная чепуха; но ему бурно аплодировали, пока его товарищ, высокий парень с военной стрижкой, не вбежал в комнату и не увел его, несмотря на протесты компании.

Этот обед навсегда остался в памяти Мелсона приятным воспоминанием. Но лучше всего ему запомнилась небольшая сцена, предшествовавшая этому, когда Элинор и Дональд Гастингс изучали меню в столовой, а трое других перешли в отдельный бар, чтобы промочить пересохшие глотки перед тем, как выпить пива. Доктор Фелл посмотрел на Хэдли, а Хэдли посмотрела на доктора Фелла. Но ни один из них не произнес ни слова, пока доктор не издал протяжное и удовлетворенное “Хааа!” и не поставил свой стакан.

— И самое замечательное в этом обстоятельстве, - сказал он, с восхищением опуская свой первый бокал на стойку, - то, как мы оба использовали показания Грей и двух ее сообщников - ложные показания, чтобы отвести подозрения от преступления самого Грея. Вы использовали ложь, чтобы осудить Элеонору, а я использовал ту же ложь, чтобы защитить ее. Конечно, мы поверили Грею. Почему нет? Там были три явно не связанных друг с другом человека, незаинтересованные наблюдатели, которые рассказали одну и ту же историю. Грей не убежал. Она просто уронила нож, вскрикнула, указала на призрака, солгала со знанием дела… и была вынуждена отступить. Почему она должна была потерять голову и ударить Мэндерса ножом?”

Хэдли уставился на свой стакан и покрутил в руках его содержимое. “Ну, это означало бы верную тюрьму, если бы они задержали ее по подозрению и сравнили отпечатки пальцев с документами. В любом случае, это был дурацкий трюк. Ее наверняка повесят, а может быть, и остальных вместе с ней”. Он нахмурился. - Что меня интересует, так это то, что это новый трюк в сфере супер-магазинных краж. Если у кого-то возникали подозрения, к нему подходил модно одетый молодой человек. Вам показалось, что вы видели эту даму? Чепуха! Я сам наблюдал

за ней, и… — Невзрачный на вид респектабельный мужчина с другой стороны тоже качает головой и робко соглашается. Грей благодарит их и раздраженно уходит, прежде чем можно будет позвать представителей власти. Неплохо! Бижутерия по двадцать фунтов за штуку. .. они, должно быть, заработали пару тысяч за две недели. Продавщица, вероятно, заметила ее раньше и не собиралась заниматься ерундой. Если бы она не потеряла голову… Он со стуком поставил стакан на стол. “О, да. Мы поверили ей. Но теперь, когда я начинаю думать об этом…

- Прошу прощения, - согласился доктор Фелл, виновато кивая. - Да, я тоже об этом думал.

- О чем думал?

- Это заявление, которое, казалось, доказывало, что убийца был левшой. Грей, по всей вероятности, не хотела этого говорить. Это была оговорка в ее драматическом рассказе. “Продавщица подошла, протянула другую руку” и все остальное. Такая оплошность может возникнуть в случае наспех придуманной лжи. Она не говорила, что женщина была левшой. Никто об этом не подумал и даже не придал этому значения, пока… хм!”

“Ладно, ладно! Замять это дело”.

- Блузка тоже была великолепной, - любезно продолжил доктор Фелл. - Я не придаю этому значения. Если это доставит вам какое-то удовольствие, то старика это полностью обмануло; хотя мне показалось немного странным, что, хотя Грей была достаточно близко, чтобы порвать блузку, она так и не увидела лица девушки. Хм. Она сунула перчатки в карман и ждала так хладнокровно, как только могла. Эти ее показания о том, что убийца был в перчатках, также опубликованные в газетах, были еще одним намеком на нашего убийцу из Линкольнс—Инн—Филдс. … Нет, Хэдли, единственное, что “я-же-тебе-говорил”, которое старик может извлечь из всей этой неразберихи, - это мое предупреждение остерегаться о делах, которые основаны на том, что кто-то левша. Они все подозрительны. Следуйте по пути благоразумия и не допускайте, чтобы кто-то наносил удары левой рукой, выбрасывал окурок и прятал диктофон за дверью.

“Кстати, Элеонора не левша”, - задумчиво заметил Хэдли. “Я попросил ее записать адрес ее работодателя”. Его раздражение и недоумение росли. “Все дело в том, что, черт возьми, что нам теперь делать?”

Он не получил удовлетворения, доктор Фелл просто сказал, что в свое время будет много разговоров. С тех пор как его защита была подтверждена, он был необычно молчалив. Прежде чем они вышли из дома, он одолжил у Хэдли один из ключей от двери на лестничную площадку; никто не пошел с ним наверх, но он сказал, что хочет взглянуть на засов на люке, и, когда вернулся, был в необычайно хорошем настроении. Однако он высказал одно дельное предложение. Когда встревоженный старший инспектор задумался, как им следует поступить с Элинор в сложившейся ситуации, он изложил план, который был полностью одобрен Хэдли.

“Ну что ж, мы, конечно, пригласим ее на ланч, и юного Гастингса с ней”, - сказал он. “У меня на уме небольшой эксперимент”.

“Эксперимент?”

“Вот так. К этому времени все в доме, вероятно, уже знают, что вы намеревались арестовать Элеонору. Даже если миссис Хандрет будет молчать, есть миссис Горсон. Скорее всего, Стеффинс узнал это от нее, и то, что знает Стеффинс, знают все остальные. - хорошо! Тем лучше! Пусть они и дальше так думают. Мы выйдем и громким голосом пригласим Элеонору на обед; ее не было дома, она ничего не знает и не заподозрит, что мы вкладываем в это какой-то зловещий смысл. Остальные услышат: у них будет только одно объяснение. Затем мы идем на ланч, где можем все ей объяснить и посмотреть, что она сама скажет по этому поводу. После этого мы возвращаемся — без Элеонор. Мы опрашиваем каждого члена семьи, сначала сообщая им, что она была взята под стражу, а затем категорически заявляя, что она была освобождена, потому что дело против нее, вне всякого сомнения, закрыто. Эй? Чувак, мне было бы очень интересно понаблюдать за выражением чьего-нибудь лица, когда мы опубликуем это последнее заявление. Это кого-нибудь ужасно встряхнет, и с этого момента наступит решающий момент во всем деле.

“Хорошо!” - сказал Хэдли. “Чертовски хорошо! Но что, если кто-нибудь устроит скандал или помешает нам, когда мы будем выходить с ней из дома?”

“Мы просто настаиваем на том, что идем обедать. Это единственный способ заставить их поверить, что это не так”.

Никто не вмешался, что удивило Мелсона. Он ожидал, что миссис Стеффинс выскочит из темного угла, как чертик из табакерки, и

задаст прямой вопрос. Но поблизости никого не было видно. В этом тихом доме у Мелсона возникло странное ощущение, что он похож на привидение; никто не шевелился, но он чувствовал, что несколько человек неподвижно стоят у закрытых дверей и прислушиваются. Слышно было потрескивание угля в камине, но шагов не было слышно…

Обед, за которым, по крайней мере, первые два часа никто не упоминал о текущих делах, прошел на ура. Доктор Фелл, как уже говорилось, был в веселом настроении; даже Хэдли расслабился, хотя обращался с Элинор неуклюже и преувеличенно вежливо и, казалось, не мог оторвать от нее глаз. Мелсон впервые услышал, как Хэдли смеется. Он даже рассказал забавный анекдот из серии “The many current” о некой знаменитой киноактрисе, чьи широкие прелести привлекали к себе внимание, и неожиданно весело осклабился. И Элинор, и Гастингс были в восторге. Они, как она сказала доктору Феллу, приняли решение.

“Я покидаю это место, - сказала она, - как только смогу. Я говорила вам, что достаточно долго была сентиментальной дурой, и я это имела в виду. И тогда все будет замечательно, если только полиция не устроит скандал из-за моего ухода? Они ведь этого не сделают, правда?

- Ха-ха! - воскликнул доктор Фелл, и его сияющее лицо показалось из-за большой оловянной кружки. - Устроят скандал? Нет, я так не думаю. Ха-ха! У тебя есть какие-нибудь планы?”

В длинной комнате с низким потолком, ярким камином и выкрашенными в голубой цвет голландскими изразцами стенами, были окна с изогнутыми стеклами, выходящими на деревья сада. Они жили в городе, где шум уличного движения не нарушал их собственного шума. В комнате царила та приятная сырость, которая вызывает запах старого дерева, пива и трехсотлетнего дымящегося ростбифа. Мелсон был доволен. Как разумный человек, он предпочитал хорошо приготовленный ростбиф и крепкий горький эль любым другим деликатесам, сотворенным богами; ему доставляли глубокое удовольствие стропила на потолке, опилки на морщинистом дощатом полу, дубовые скамьи с высокими спинками. Дерево скамеек тоже было обшарпанным, и на этом фоне привлекательность Элинор Карвер — не красота, а похотливая привлекательность — ярко выделялась. Она не была подавленной, но и истерики, как прошлой ночью, в ней не было. Она испытывала глубокое удовольствие от принятого решения, которое перестало давить на мысли. Мелсон изучал бледно-

голубые глаза с чуть приподнятыми в уголках веками, довольно широко расставленные; полные серьезные губы, которые могли внезапно дрогнуть от смеха; длинные коротко подстриженные волосы темно-золотистого цвета. Рядом с ней сидел Гастингс, чья одежда больше не была в беспорядке, а привлекательное, хотя и несколько незрелое лицо без йода выглядело более человечным. Оба они чертовски хорошо проводили время. Они часто смотрели друг на друга, смеялись, и оба, по настоянию доктора Фелла, поглощали изрядное количество крепкого эля.

- Планы? - повторила она, наморщив лоб. — Только то, что мы собираемся пожениться, что само по себе безумие, но Дон говорит…

- Да кому какое дело? - любезно осведомился Гастингс, подводя итог всей своей философии. Он со стуком поставил кружку на стол. - Мы как-нибудь справимся. Кроме того, мы все равно будем голодать первые шесть лет, даже после того, как я сдам экзамены. Закон! К черту закон! У меня есть идея, что мне следует заняться страхованием. Послушайте, сэр. Разве вы не согласны со мной, что страховка — это то, что нужно, единственное, что нужно мужчине, который…

- Вы этого не сделаете, - заявила Элинор, поджав губы.

- Хо-хо-хо, - сказал другой. Он стал откровенным. - Все дело в том, что… Затем он замолчал, с любопытством глядя на доктора Фелла, который излучал сияние своего существа, словно Призрак рождественского подарка. - Послушайте, сэр, это забавно. Если быть до конца откровенным, я всегда ненавидел копов до смерти. Но вы не похожи на… на… ну, вы понимаете. Вы тоже, - добавил он, обращаясь к Хэдли любезно, но с некоторым сомнением. - Видите ли, это не шутка, когда твой старик….. когда он попадает в беду, а у тебя есть имя, которое можно использовать для множества каламбуров, и даже газетчики это делают и отпускают свои дурацкие шуточки. “Надежда отложила то или иное” и все такое. Я имею в виду…”

Хэдли осушил свою кружку и поставил ее на стол. У Мелсона возникло ощущение, что шутки закончились и Скотленд-Ярд потихоньку переходит к делу.

- У вас обоих, молодой человек, - заметил Хэдли, изучая их с некоторой опаской, - есть все основания быть благодарными полиции. Или, если не полиции, то, по крайней мере, доктору

Феллу.

“Чепуха!” - взревел доктор, тем не менее, в полном восторге. “Хе-хе-хе”. Хе-хе-хе. Выпейте еще, вы двое! Хе-хе-хе”.

“Как же так?”

“Ну, сегодня утром был большой скандал…” Хэдли повертел в руках вилку и поднял глаза, как будто внезапно что-то вспомнив. “Кстати, мисс Карвер. В той вашей комнате, помните, вы дали нам разрешение на обыск? Когда она кивнула, ее глаза все еще были ясными, он нахмурился при этом воспоминании. “Там случайно нет секретной панели или чего-то в этом роде?”

“Конечно, есть. Я спрашиваю, откуда вы это узнали? Вы нашли это? Оно находится между окнами, за той картиной. Если нажать на пружинку—

“Я полагаю, вы там ничего не храните?” Хэдли попыталась пошутить. “Например, ваши любовные письма?”

Она улыбнулась в ответ. Она казалась абсолютно невозмутимой.

“Скорее нет! Я не открывала его много лет. Если вас интересуют секретные панели, то здесь их несколько. Я могу рассказать вам о нем все. Кажется, какой—то человек, владевший этим заведением в тысяча семьсот — или, может быть, в тысяча восемьсот - году, был старым мошенником или что-то в этом роде…”

Гастингс был заинтригован и полон энтузиазма. - Привет! - воскликнул он и уставился на нее. - Послушай, почему ты мне об этом не сказала? Клянусь Господом, - с жаром воскликнул он, - если я чего-то и хотел, больше всего на свете, так это дом с потайным ходом! Ух ты! Подумай, как весело тебе было бы с людьми, когда они…

- Здесь нет никакого потайного хода, глупышка. Только эти места. Я своим не пользовалась… — она непонимающе посмотрела на старшего инспектора, и в ее глазах появилась жесткость. — Ну, с тех пор, как была ребенком. Нет, спасибо. Не сейчас.

Хэдли заметила, как скривились его губы. “почему нет? Простите за любопытство, но я должен подумать…

- Что бы это могло быть? О, я раньше этим пользовался. Когда я была маленькой, у меня был пакет со сладостями, который я

хотела спрятать; а когда мне было пятнадцать, жил-был мальчик на побегушках из магазина в Холборне — он до сих пор там, — улыбнулась она, - который писал мне письма… Ну, и там были другие времена… — Она быстро отогнала от себя мысль, пришедшую ей в голову, и покраснела. - Миссис Стеффинс знала об этом. Она знала, где я их прячу. Однажды она меня ужасно отлупила за одно из этих писем. Я больше никогда не был таким дураком, чтобы прятать там то, что хотел сохранить в тайне.

“Кто-нибудь еще знает об этом?”

“Насколько я знаю, нет, если только им кто-нибудь не сказал. Может быть, Дж.” Она пристально посмотрела на него. «почему? Все в порядке, не так ли?

Хэдли улыбнулся с ноткой прежней мрачности. “Конечно, это не касается вас”, - заверил он ее. “Но, если возможно, я хочу, чтобы вы были уверены в этом вопросе. Это может оказаться важным”.

“хорошо… Я все еще не могу собраться с мыслями — остановись немного. Может быть, Люсия Хандрет думает так же. Она старалась, чтобы в ее голосе не слышалось враждебности. “Дон сказал мне сегодня, что они двоюродные братья, о чем, я думаю, он мог бы сказать мне и раньше, и доверился мне…”

- Ну, ну! - поспешно вмешался Гастингс. — Что вам нужно, так это еще одно…

— Неужели вы думаете, что меня волновало, - спросила она с некоторым напряжением, - ограбил ли ваш отец пятьдесят банков, перестрелял ли всех управляющих, отравил ли людей - или сделал что-нибудь еще? И, в конце концов, вы всего лишь двоюродная сестра этой женщины, знаете ли. На самом деле вы не родственники. Она замолчала, несколько смутившись, и попыталась отмахнуться от этой темы, как смахнула бы крошки со стола: пропустив много. “Что я говорила о панелях? О да. Она может знать, потому что, по—моему, в ее комнате есть какой—то прибор - я забыл, какой именно, - но, по-моему, она спрашивала меня, и я не уверен, сказал ли я ей. Мисс Лючия Митци Хандрет хочет, чтобы ее отравили.”

- Ну-ну! - воскликнул Гастингс, поспешно протягивая руку за кружкой.

- Продолжайте, мисс Карвер. Есть ли в этом доме кто-нибудь, кто вас ненавидит?

Воцарилась удивленная тишина.

“Ненавидит меня? О, вы имеете в виду миссис… Я спрашиваю, что вы имеете в виду? О чем вы думаете? Ненавидит меня? Нет. Я им нравлюсь”. Она добавила с некоторым испугом: “Не так ли? Иногда я думаю, что даже тот, кто мне нравится, любит меня слишком сильно”. Она заколебалась, глядя в себя. “Что вы имеете в виду? Я вижу это по твоему лицу, это что-то ужасное.

“Успокойся. Сначала я хочу, чтобы ты подумала обо всех них. Подумай о каждом из них по очереди, прежде чем я расскажу тебе кое-что, что ты должна знать”.

Он позволил этому дойти до себя. Самому Мелсону потребовалось время, чтобы понять и исследовать каждый аспект теории, изложенной доктором Феллом, — ее возможности, а также чудовищное значение. “Хитрейший дьявол под безобидной маской” — все банальности проплывали перед его мысленным взором, казавшиеся тем более ужасными, что были банальными.

Огонь в камине затрещал, и он вздрогнул, когда Хэдли начал говорить.

Долгое время спустя старший инспектор утверждал, что, если бы он не подчеркнул одну конкретную часть рассказа, которую, учитывая характер показаний, он не мог не подчеркнуть, они, возможно, уже тогда уловили бы проблеск истины. Но это вопрос. Излагая суть дела, Хэдли был тактичен, на каждом шагу давая понять, что у него нет сомнений в невиновности Элинор. Но задолго до того, как он закончил, Гастингс с проклятиями встал и, подойдя к камину, принялся бешено колотить по нему кулаком, а Элинор сидела очень тихо, бледная и дрожащая.

Она долго не могла вымолвить ни слова, но в ее глазах светилась вера. Когда Гастингс вернулся и сел за стол, обхватив голову руками, она посмотрела на него с каменным выражением лица. Она спросила, поджав губы::

“Ну, что ты о ней теперь думаешь?”

Пауза. Гастингс поднял взгляд.

“Думаешь? Думаешь о ком?”

“Не притворяйся”, - произнес безжизненный голос. Затем он перешел в ярость. “Ты знаешь это так же хорошо, как и я. Как и

ты, как и все здесь присутствующие. Я сказал, что мисс Лючия Митци Хандрет хотела отравления. Я был неправ. Она хочет, чтобы ее повесили. Я знал, что не нравлюсь ей, но не думал, что все настолько плохо.

- Все, что я знаю, - ответил Гастингс тихим дрожащим голосом, - это то, что мой долг полиции выплачен. Если бы не вы, сэр… Он посмотрел на доктора Фелл. - Боже! это трудно понять; не ошибись снова, старушка. Это не могла быть Люсия. Должно быть, это какая-то ошибка. Ты ее не знаешь…"

- "Хорошо. Защищай ее!" - воскликнула Элинор. Она была напряжена и дрожала, и внезапно слезы навернулись ей на глаза. "Это то, что она сказала, грязная маленькая проныра? Я не буду такой, как она. Я не буду стоять так невозмутимо, как тебе хочется, и отпускать милые, холодные, гадкие замечания, и задирать нос. Я подойду и выцарапаю этой маленькой проныре глаза, и набью ей морду!" Она так сильно дрожала, что растерянный и неуклюжий Гастингс обнял ее одной рукой, но она стряхнула это и отвернулась, прежде чем снова повернуться к Хэдли со спокойной яростью. "Ты понимаешь это, не так ли? Кто тебя обманул и рассказал тебе все это? Она так и сделала. Даже из-за этой истории со стрелками на часах. Она охотится за Доном, вот и все. Она бы рассказала, — тут—то и прорезалась вся суть происходящего, — она бы рассказала о том, что я делал, когда они избивали меня за то, что я брал вещи. Да, я признаю это. Я не думаю, что я нужна тебе сейчас, Дон, не так ли? - спросила она. - Но мне все равно. Можешь убираться к дьяволу, мне все равно. Она ударила по столу и отвернулась.

Доктор Фелл сделал единственно возможную вещь, чтобы успокоить ее. Он позвонил официанту и заказал бренди перед закрытием. Они подождали, пока утихнет буря, пока Гастингс не сможет приблизиться к ней так, чтобы она не вздрогнула от отвращения. Затем Хэдли снова вмешалась:

- Значит, вы действительно думаете, что мисс Хэндрет виновна?

Она хрипло рассмеялась.

"Значит, вы хотите помочь нам, не так ли? Вы хотите увидеть, как поймают настоящего преступника?" Когда она кивнула, Хэдли продолжил настаивать на своем. "Тогда возьмите себя в руки и подумайте. Например, эта история со стрелками на часах. Вы говорили об этом с мистером Поулом?

“да. О, это правда! Но я никогда не задумывался об этом дважды. То есть я мог бы подумать об этом, но дверь Джея была заперта, и как я мог?”

“Следовательно, кто-то, должно быть, подслушал ваш разговор”.

“Естественно. Она это сделала”.

Хэдли стала возражать. “Конечно, конечно. Только, видите ли, чтобы убедиться в правоте нашего дела, мы должны быть уверены, что никто другой не мог подслушать. Где вы с ним разговаривали?”

Поразмыслив, Элинор мрачно добавила: “И никто другой этого не делал и не мог сделать… кроме, может быть, миссис Горсон, но она не в счет. Я расскажу вам, когда это было. Было восемь часов утра в среду, и ни души не было ни на ногах, ни поблизости от нас. Я, видите ли, собиралась на работу, а Крис спустился вниз с чемоданом, чтобы успеть на поезд в восемь двадцать пять с Паддингтонского вокзала. Мы вышли на улицу, и Крис окликнул парня на улице и попросил его сбегать за такси. Когда мы ждали на крыльце, Крис рассказал мне о своих трудностях. Он был трезв. Теперь я припоминаю, что окна той би… той женщины были открыты; я помню, как колыхались занавески. Мы разговаривали негромко, и рядом с нами никого не было, только, по-моему, миссис Горсон как-то раз зашла в дом, чтобы вытряхнуть швабру или что-то в этом роде. Я рассказала ему то, что она подслушала. Потом подъехало такси, и я поехала с Крисом; он высадил меня на Оксфорд-стрит в конце Шафтсбери-авеню”.

Хэдли забарабанила пальцами по столу. Он взглянул на доктора Фелла, но не произнес ни слова, пока официант не убрал со стола и не принес кофе и бренди.

- Есть одна вещь, которая мне не совсем понятна, - продолжил он. - Вы в двух словах объяснили, как можно испортить часы?

“Это она тебе сказала?” - спросила Элеонора, как бы набрасываясь на него. “Я говорю, значит, она у нас в руках!”

“Нет, она этого не говорила. Она только намекнула—”

- Потому что теперь я вспомнила, - вмешалась Элеонора с неподражаемым рвением, - я даже не упоминала об этом, пока мы не оказались в такси, где никто не мог услышать. Крис долгое

время молчал, ерзая на месте. Ты же знаешь, какой он. Он сказал: “Послушайте, как вы могли так расшатать эту штуку?” Я имею в виду, что вы не могли просто взять и разбить ее кувалдой. Я имею в виду, я не хочу, чтобы эта чертова штука была испорчена. Я сказал: “Нет, но вы могли бы взять отвертку и отрезать одну из рук”

“Только одну из рук?”

“да. Но он становился все мрачнее и мрачнее. Он сказал, что хочет поспешить в какой-нибудь клуб и написать записку в последней попытке занять денег. Так что, если милая маленькая мисс Хандрет сказала вам, что слышала это…

- И еще кое-что. Хэдли достал из своего портфеля перчатку для левой руки; он не совершил ошибку, показав ту, на которой было пятно крови. В его тоне появилось легкое чувство юмора. “Вот часть улик, подготовленных против вас. Она принадлежит вам?”

“нет. Я никогда не покупаю черное”. После минутного отвращения она осмотрела его. “И перчатки тоже хороши. Веселая малышка! Восемь шиллингов и шесть пенсов, чтобы повеситься. Хотя они мне немного велики”.

- Скоал, - рассеянно прохрипел доктор Фелл. Он отодвинул свой стакан. - Кстати, пока все задают вопросы, не возражаете, если я задам один?— Хорошо! Я не хочу совать нос в секреты, которые не касаются убийства, но как часто вы, молодые люди, встречались ночью на этой крыше? У вас были обычные вечера или как?”

Она улыбнулась. Теперь она была спокойнее.

“Я прекрасно понимаю, что это кажется глупым”, - заявила она. “И никого из нас это не волнует. Да, у нас, как правило, были свои вечера, субботы и воскресенья”.

“Но никогда в течение недели?”

— Почти никогда - на крыше, конечно. Иногда мы встречались в центре города в среду днем; мы встретились в прошлую среду, в тот день, о котором я вам рассказывал. Дон пытался убедить меня сделать то, что я делаю сейчас. Я был так сыт по горло, что мы договорились встретиться в четверг вечером. Вот как это произошло… Дорогая Люсия тоже все знала об этих встречах; не думайте, что она этого не знала! Я все прекрасно понимал. Она

рассказала Крису…”

- Привет! - раздался голос из одной из темных комнат, и группа вздрогнула. Дверь закрылась. К ним подошел Кристофер Полл, взволнованный, но в хорошем настроении, со стаканом в руке.

- Привет! - повторил он, взмахнув стаканом. - Мне показалось, что мое имя упомянули, или мне показалось? Я вам не помешал, не так ли?

Глава 20

Письмо под полом

Старший инспектор, поспешно запихивая перчатку обратно в портфель, тихо выругался. Он не забыл, что “Герцогиня Портсмутская” была местом встреч членов семьи, как он и сказал доктору Феллу; но это было удобно, так как находилось недалеко от последнего жилища Эймса, которое еще не было исследовано, и он был уверен, что никто из компании Карвера никогда не беспокоил его. чтобы вернуться в столовую. Что ж, он ошибался. Мелсон услышал, как он яростно прошептал: “Соглашайся-со-всем-что-я-скажу”. Затем он обратился к вновь прибывшему почти приветливо.

Мистер Полл не был пьян. У него был такой вид, словно он собирался куда-то отправиться, потому что в одной руке он решительно сжимал шляпу и зонтик, а в другой держал стакан. Но он был в том раздвоенном состоянии, когда, если добрый товарищ предлагает перед уходом выпить еще по рюмочке на скорую руку, весы колеблются, чаша весов опускается, и смертный человек остается пьяным в стельку. Он был свежевыбрит и порозовел, усы подстрижены щеточкой, а тонкие светлые волосы гладко зачесаны. Он был одет в синюю саржу искусного покроя, которая делала его менее тучным, и галстук какой-то яркой расцветки. Но его глаза все еще были налиты кровью; он казался дружелюбным, но нервничал.

- Мы были бы очень рады, - продолжал Хэдли, - если бы вы присоединились к нам на несколько минут. Есть несколько вопросов. …Мы обсуждали вчерашнее убийство… — Он взглянул на него и не стал вдаваться в подробности.

- Отвратительное дело, - сказал Полл с некоторой горячностью. - Отвратительное дело. Не правда ли? Боже мой!

Он поспешно отхлебнул виски с содовой и пододвинул стул. Он бросил тревожный взгляд на Элинор, но не стал продолжать.

- Вы точно знаете, что произошло?

“да! Я ни за что на свете не пойму, что это значит, черт возьми!” Снова настороженный взгляд. “Но я хотел спросить…”

“Хотел спросить о чем?”

“Ну, черт возьми! не захотите ли вы задать мне еще какие-нибудь вопросы”. Полл ответил несколько обиженным тоном, который тут же затих. Он заерзал. - Послушайте. Скажи мне. Я все еще был в очень плохом настроении, когда разговаривал с тобой сегодня утром, не так ли?”

Тон Хэдли стал резким. “Ты же не собираешься сказать нам, что не помнишь, что ты сказал?”

“Нет, нет. Я помню это достаточно хорошо. Все, что я могу сказать, — он глубоко вздохнул, — как вы думаете, было очень благородно не сказать мне, что этот парень покончил с… с тем, кем он был? Теперь я спрашиваю вас!

“Почему это должно вас интересовать?”

“Вы знаете. Ты чертовски усложняешь задачу, старина.

Он отхлебнул из стакана. — Дело в том, что я разговаривал с Лючией Хандрет, и…

- В самом деле, - сказала Элинор с тем придыханием, которое предшествует вспышке гнева. В глазах ее появился странный, нереальный блеск. Затем что-то сотрясло ее тело, словно дрожь, и Мелсон заподозрил, что кто-то не по-джентльменски пнул ее под столом. Полл впервые обратился к ней с просьбой.

“Старушка, клянусь, клянусь на стопке Библий, я никогда не говорил, что видел тебя в том зале! Это было то, о чем я думал…”

“Что вы подумали, - вмешалась Хэдли, - когда узнали, что офицера полиции ударили стрелкой от часов?”

“Это не то, что, по-вашему, подумала я. Честное слово!”

- Особенно с помощью стрелки часов, которые вы попросили мисс Карвер украсть для вас?

Элинор, казалось, снова собиралась вмешаться, но Гастингс удержал ее за руку. Проницательный, умный взгляд Гастингс переместился с Пола на старшего инспектора и все понял. Он наклонился вперед, положив локоть на стол; Мелсон чувствовал, что он готов придать ситуации убедительный театральный вид, если потребуется.

- Но я этого не делал, старина, - запротестовал застигнутый врасплох Полл. Он оглянулся через плечо. - Послушай, не говори так громко. Я вовсе этого не делал. Кроме того, мне это было не нужно. Я занял деньги, понимаешь. Не хотел встречаться с этим парнем лицом к лицу — одолжил денег перед этим — пошел в клуб и написал объяснительную записку. Решил, что мне лучше записаться к нему на прием, понимаете, и я подумал: “Черт возьми! поезд ушел, но если у меня назначена встреча, я все равно не смогу сесть на поезд, не так ли?”

“Спокойно. Ты хочешь сказать, что все-таки не поехал в Девон?”

“О да. Но только в среду вечером. Видите ли, я пообещал старику, так что мне пришлось уехать. Но у меня были деньги, и не было причин уговаривать старика, так что я просто развернулся и вернулся в город. Что? Конечно, вчера днем я наткнулся на каких-то парней, а когда проснулся сегодня утром, то был уверен, что снова не обкурился, но мои деньги поступят завтра, так что все в порядке. Абсолютно. Что?”

Хэдли прервала этот отчаянный разговор, пытаясь выиграть время. “Давайте вернемся к нашей теме, мистер Полл.— Вас удивит, если я сообщу, что был выдан ордер на арест мисс Карвер?”

Полл достал носовой платок, и тот задрожал в его руках.

“Ты не можешь этого сделать”, - настаивал он довольно яростно. “Говори громче, Элинор. Скажите что-то. Вот что я скажу. Некоторые парни - убийцы, а некоторые - нет. То же самое и с женщинами. Черт возьми! в это слишком трудно поверить”

- “Но мисс Хэндрет в это верит?”

- “Ну, Люсия не такая, как все. Ей не нравится Элинор. Но мне нравится”.

- “И все же вы согласны с мисс Хэндрет, не так ли?”

— Я… нет, я… я не знаю… О, черт возьми!

Веки Хэдли дрогнули. Он оперся локтем о стол и, пристально глядя на Пола, сказал:

- Тогда вы будете рады услышать, что попытка бросить тень подозрения на мисс Карвер была полностью дискредитирована, и она - единственный человек, который, как мы уверены, не совершал убийства.

- А? - спросил Панлл после долгой паузы. Огонь в камине потрескивал, разбрасывая по комнате причудливый свет, так что оловянные тарелки на подставках, казалось, сумеречно покачивались. От старого дерева исходил призрачный скрип. Полл сидел, прижав платок ко лбу, словно заподозрив шутку. - А? - спросил он и попросил Хэдли повторить. Старший инспектор так и сделал. Когда Полл заговорил снова, по всему кругу послышался шум выдыхаемого воздуха; у Мелсона возникло ощущение, что тень появилась и исчезла.

“Ну, так зачем же ты тогда хочешь надуть парня?” - спросил он с какой-то ворчливой слабостью. - Ты держишь меня здесь и смотришь на меня, как на браконьера, черт возьми! Но я рад, что ты можешь мыслить здраво. Слышишь, старушка?

“Я слышу”, - очень тихо ответила Элеонора. Она сидела, сцепив пальцы, застыв на месте. Затем она откинула назад волосы, двигая головой и шеей с неосознанной грацией, но не сводя с него глаз. “Спасибо за помощь, Крис”.

- О, все в порядке, - поспешно возразил он. Какая-то интонация в ее тоне на мгновение привлекла его внимание, но он отбросил все предположения о скрытом смысле, который она могла иметь. Вокруг него царила атмосфера дружелюбия и неудачи. — Я… я тебе еще нужен? Если нет, я ухожу. Это отвратительное дело, но пока из-за меня ни у кого не будет неприятностей…

- Боюсь, тебе нужно немного отдохнуть. На самом деле, - сказал Хэдли своим самым вкрадчивым тоном, - у вас есть приглашение. Совсем скоро двое моих юных друзей собираются в кино, и они настаивают, чтобы вы пошли с ними. Они чувствуют, что атмосфера дома немного напряженная и что ваш разговор может усугубить ее. Вы ведь настаиваете на том, чтобы он поехал с вами, не так ли?

Он посмотрел на Гастингса, который тут же кивнул. Худощавое

лицо Гастингса ничего не выражало, но его темные глаза устремились на старшего инспектора.

- Мы настаиваем на этом, - согласился он, незаметно ощупывая свой карман. - Ха. Хо-хо! Да, мы настаиваем, - продолжил он более твердым тоном. - Нет ничего лучше празднования, не так ли? Программа должна быть трехчасовой. Я просто хотел спросить, например, не стоит ли нам начать прямо сейчас?

- Подождите немного, - сонно сказал доктор Фелл. - Я хотел спросить… Скажите мне, мистер Полл. Что-нибудь еще прояснилось из тумана прошлой ночи?"

Собеседник, который пытался разобраться в последней ситуации, пришел в себя.

"Ты имеешь в виду, помнишь что-нибудь? Нет. Прости, старина, прости. Ни черта. Извините. Я пытался весь день".

"Даже после того, как мисс Хандрет рассказала вам о случившемся?" - "Боюсь, что нет".

"Хех". - На его красном и сияющем лице блеснул маленький глаз. - Но, может быть, у вас есть идея… теория… о том, что могло произойти? После того, как наша первая теория провалилась, мы начали искать зацепки.

Полл стал более доверительным, даже немного польщенным. Из внутреннего кармана он достал плоскую серебряную фляжку, сделал вид, что предлагает ее всем, и сделал большой глоток. Чаша весов задрожала и накренилась, наливая решающую порцию виски. Его голос стал более хриплым и доверительным.

- Это не совсем по моей части, не так ли? Нет. Вот что я всегда говорю. Есть парни, которые думают, и есть парни, которые делают. Если бы я что-то сделал, я был бы одним из тех, кто делает, но я этого не делаю. Следите за мной? Хорошо. Я не претендую на многое, но вот что я вам скажу. - Он постучал указательными пальцами по столу. - Мне не нравится этот парень, Стэнли.

Хэдли выпрямился.

— Ты хочешь сказать, - сказал он в наступившей тишине, - что подозреваешь… - Ну-ну! Я сказал, что он мне не нравится, - упрямо настаивал Поулл, - но это не так. И он это знает, так что

это не секрет. Но когда Лючия рассказала мне, я подумал: “Привет!” - Ничего особенного. может быть. Виски говорит и заставляет думать. Но почему у ружья два ствола? Потому что птиц всегда больше, чем одна, иначе на что была бы похожа стрельба? Хорошо. Убит офицер полиции, и дело плохо. И в том же доме живет еще один офицер полиции. И Люсия говорит, что эти двое парней знали друг друга и работали вместе. Они не собираются задавать никаких вопросов по этому поводу?”

В глазах Гастингса вспыхнул нетерпеливый огонек. Он погас; он сжал кулаки и откинулся на спинку стула.

“Господи! как бы я хотел верить тебе!” - сказал он. “Но это бесполезно — вы не знаете всей истории… о том, что произошло…. И даже в остальном, я — именно я, единственный человек на свете!— могу дать этой свинье полный отчет о состоянии ее здоровья. Он все это время был в комнате. Я видел его”.

“А вы видели?” - спросил доктор Фелл.

Он не повышал голоса. Но что-то в его тоне заставило всех замолчать, и в тишине резко звякнула ложка.

- Вы видели его в комнате все это время? - продолжал доктор Фелл, и на этот раз он повысил голос. - Да, вы видели Боскомба. Но видели ли вы Стэнли? Вы заметили Стэнли? Если я правильно помню, он был за ширмой”.

Гастингс перевел дыхание. Он просматривал воспоминания и не мог найти ничего, что ему понравилось бы. “прости. Ты никогда не представляешь, как бы я хотел это поддержать. Возможно, я и не заметил Стэнли. Но я видел дверь — в лунном свете. И никто не входил и не выходил.

Доктор Фелл потерял интерес. “Почему вам не нравится Стэнли?” - Спросил он Пола.

“Черт возьми! он околачивается поблизости, так что, если вы знаете, что

Я имею в виду. Вечно у тебя на пути. Сидит в комнате Босси, пьет его бренди и молчит по полчаса, а когда все-таки заговаривает, то это что-то чертовски неприятное. Это он, между прочим, постоянно твердит об испанской инквизиции.

Доктор Фелл скосил сонно-насмешливый взгляд в угол потолка.

- Гм, да. Снова бедная старая испанская инквизиция. Господа, как же писатели-фантасты превозносили ее, а все остальные не понимали! Помните “ужасы” Вольтера — “Суровый трибунал”, “Памятник монашеству”, “Что значит быть праведным”, “ужасающий мем”, - написанные в то время, когда в просвещенной Франции людей могли без суда и следствия заключать в Бастилию и держать там, пока они не сгниют? Конечно, к тому времени инквизиция стала слабоумной и не вырывала человеку язык или не отрубала руку за политическое преступление, как во Франции, но это неважно. Когда-то у меня был молодой друг, писатель, который собирался написать исторический роман о своей жизни, о живописных ужасах инквизиции. Он был полон энтузиазма. Он собирался изобразить, как мерзкие инквизиторы причмокивают от удовольствия, восхищаясь изобретением новых пыток, а молодой шотландский герой-мореплаватель борется в их объятиях; насколько я помню, все это должно было закончиться схваткой на мечах с Торквемадой на крышах Толедо…. Затем, к несчастью, он начал читать свидетельства. Он перестал читать художественную литературу и начал читать факты. И чем больше он читал, тем большее отвращение испытывал, и тем больше рассеивались его блестящие иллюзии. Джентльмены, мне искренне жаль, что приходится развеивать все эти кровожадные иллюзии, но я должен сообщить, что он в отчаянии сдался и теперь является озлобленным человеком”.

Даже Хэдли был взволнован этим.

“Я не хочу, чтобы ты снова срывался на лекцию”, - огрызнулся он. “Но ты же не защищаешь это, не так ли? Ты же не отрицаешь, что твоему шотландскому герою угрожали бы пытки и сожжение на костре?”

“Вовсе нет. По крайней мере, опасность была ненамного больше, чем в Шотландии. В его родном городе ботинок и отвертка были законной частью судебного процесса над любым человеком за что угодно. Испания сожгла бы его на костре так же быстро, как это сделала бы Англия, если бы он отрицал существование будущей жизни, согласно пуританскому постановлению 1648 года; как Шотландия сожгла две тысячи предполагаемых ведьм, а старый добрый Кальвин сжег Сервета. То есть в Испании его бы сожгли, если бы он не отрекся от своих слов, чего у него на родине не

было бы возможности сделать. К сожалению, на костер не отправился ни один человек, который был готов отречься от своих слов до оглашения окончательного приговора. … Нет, я не защищаю это, - сказал доктор Фелл, постукивая тростью по столу. — Я только говорю, что никто не критикует это за тот реальный вред, который оно причинило: разрушение нации, вечное пятно на семье мала Сангре, тайные свидетели на суде (тоже приятная особенность английского права) и неизбежность осуждения за какое-либо преступление, каким бы легким оно ни было, любого, кто привлечен к ответственности. судебный процесс. Считайте это неправильным. Но не воспринимайте это как кошмар. Скажите, что инквизиторы пытали и сжигали людей, как это делали гражданские власти в Англии. Но они были людьми, которые верили, пусть и ошибочно, в душу человека, а не в группу полоумных школьников, злонамеренно мучающих кошку".

Гастингс закурил сигарету. Пламя спички вспыхнуло в темнеющей комнате, и впервые он показался Элеоноре старше, чем она была на самом деле.

"У вас была цель рассказать все это, сэр", - скорее констатировал он, чем спросил. "что это?"

— Потому что, с одной стороны, меня интересует отношение мистера Пола к Стэнли, а с другой…

"да?"

Доктор Фелл очнулся от своих мыслей и резко сел. У них было впечатление, что паутина разорвана, а страхи на мгновение рассеялись.

- Вот и все, - объявил он. - Хм. То есть, на данный момент это все. А теперь идите все трое на это шоу. У меня есть для вас несколько последних инструкций. Ты проследишь, чтобы за ними следили, молодой человек?— Верно. Он посмотрел на часы. - Вы все должны вернуться домой ровно в девять часов вечера, и не раньше. Ты не должен говорить ни слова, когда доберешься туда, ни о чем. Понятно? Тогда ура!"

Они нерешительно поднялись, а Полл - с некоторой поспешностью.

- Я не знаю, что у тебя на уме, - сказала Элинор, сжав кулаки, - или почему ты все это для меня сделал. Все, что я могу сказать, это спасибо.

Она не могла продолжать. Она плотнее запахнула пальто, на мгновение закрыла глаза и поспешила прочь, Гастингс последовал за ней. Шаги затихли. Трое мужчин сидели за столом в угасающем свете камина, и долгое время никто не произносил ни слова.

- Нам нужно пойти и осмотреть комнату Эймса, - наконец произнес Хэдли тусклым голосом. Он сжал и разжимает ладони. - Мы теряем время. Но я не знаю, что делать. Почему-то все так расстроилось. За последний час или около того у меня в голове промелькнула дюжина новых предположений. Все они возможны, все они даже вероятны — и я не могу ухватить ни одно из них! Затем то, что сказал этот молодой дурак Полл. это тоже заставило меня задуматься. …"

"Да", - согласился другой. "Я так и думал, что так и будет".

"Например. Я продолжаю возвращаться к одному из пунктов, которые вы упомянули сегодня утром, и к одной из самых больших трудностей. Анонимное письмо привело Эймса в этот квартал, чтобы он заинтересовался этим домом.

Могло ли это быть анонимным? Вот с чем я не могу смириться. Когда я сам работал на такой работе, я знаю, что не должен был обращать особого внимания на неподписанное письмо, в котором мне предлагалось прикинуться дураком и спрятаться где-нибудь в надежде услышать что-нибудь интересное. Господи, нет! — Только не с таким потоком безумных писем, которые поступают в Скотленд-Ярд по поводу гораздо менее важных дел, чем убийство Гэмриджа. Эймс был скрупулезен, да. Но был ли он таким же безумно скрупулезным, как все остальные?. .. С другой стороны, если письмо пришло из источника, который он знал и считал достоверным… Черт возьми! ничего не работает! Он стукнул кулаком по столу. — Я вижу дюжину возражений, и все же…

- Хэдли, - резко сказал доктор Фелл, - вы хотите, чтобы правосудие восторжествовало?

- А я хочу? Учитывая то, что произошло? Боже мой! если бы мы могли раздобыть какие—нибудь улики, чтобы поймать убийцу, тогда…

- Я спрашивал вас не об этом. Я спросил, хотите ли вы, чтобы правосудие восторжествовало.

Хэдли уставился на него, и во взгляде его появилось подозрение.

“Мы не можем допустить нарушения закона”, - отрезал он. - Ты сделал это однажды, в деле Безумного шляпника, чтобы кого-то защитить; и, признаюсь, ты сделал это с моего разрешения. Но на этот раз… Что у тебя на уме?

Лицо собеседника нахмурилось.

- Я не знаю, осмелюсь ли я на это! - проворчал доктор Фелл. - Даже если это сработает. А если и сработает, то не зайдет ли это слишком далеко. О, это было бы справедливо! Не сомневайтесь в этом! Но однажды я уже жонглировал динамитом, в том ужасном деле, и… иногда это не дает мне покоя. Он стукнул себя по лбу. - Я поклялся никогда больше этого не делать, и все же я не вижу другого выхода… если только…

“О чем ты вообще говоришь?”

“Я дам шанс своей последней надежде, прежде чем испробую ее. Не волнуйся! Это не причинит вам никакого вреда. А теперь я пойду с вами и осмотрю жилище Эймса. После этого я хочу часа четыре побыть наедине с собой.

“Один?”

“Во всяком случае, без вас двоих. Вы будете следовать моим инструкциям?”

“Хорошо”, - сказал Хэдли, после того как они коротко переглянулись. “Ну что?”

- Я хочу, чтобы в мое распоряжение была предоставлена машина с водителем, но без каких-либо признаков того, что это полицейская машина. Выделите мне двух ваших людей для специальной работы; они не обязательно должны быть умными — на самом деле, я бы предпочел, чтобы они ими не были, — но они должны быть осмотрительными. И, наконец, вы должны проследить, чтобы все члены нашей семьи Карвер были дома к девяти часам вечера. Вы должны быть там с двумя вашими людьми….

Хэдли поднял взгляд от защелки своего портфеля.

“Вооружены?” он спросил.

“да. Но они должны оставаться вне поля зрения и ни при каких обстоятельствах не доставать оружие, пока я не прикажу. Они

должны быть самыми рослыми и нервными из всех, кто у вас есть, потому что там наверняка будет драка и может начаться порез. А теперь давайте начнем."

Мелсон, не склонный к действию, почувствовал неприятный холодок под ложечкой, когда последовал за остальными. Но он отказался признать это. Он собирался хотя бы мельком взглянуть на убийцу, прежде чем сбежать… если он действительно сбежит. Откуда вы знали, что сделали бы в подобных обстоятельствах? В конце концов, это был всего лишь мужчина — или женщина. Что за чертовщина! И все же он чувствовал себя беспомощным….

Под набухшими серыми облаками маленькая улочка казалась нереальной. Оно было того мучнисто-серого цвета, который появляется на лондонском небе перед наступлением сумерек или грозой; и сильный ветер пронизывал деревья Линкольнс-Инн-Филдс. За поворотом Портсмут-стрит, окруженные нимбом, мерцали несколько газовых фонарей. Здесь были низкие кирпичные дома с выпуклыми фасадами и окнами, и, как ни странно, бутафорская лавка старинных безделушек на углу придавала всей улице вид гравюры Крукшенка. Сверившись со своим блокнотом, Хэдли повел их грязным переулком между кирпичными стенами — одним из тех неожиданных гнездышек домов внутри домов, с опрокинутыми дымоходами и увядшей геранью в ящиках на подоконниках. Когда он дернул за шнур звонка в доме с номером 16, сначала воцарилась упорная тишина, а затем из недр дома донесся медленный лязгающий звук, похожий на приближение призрака. Затем маленькая толстая женщина с лицом, похожим на жирную сковороду, сдвинула кепку на глаза, тяжело задышала и подозрительно оглядела их. Ее ключи снова звякнули.

- Йеза, чего ты хочешь? - спросила она без всякой интонации. — Вам нужна комната, а? - Нет? Хотите посмотреть, кто это? Меня зовут? Меня зовут Хис, его нет дома, - объявила она и тут же попыталась захлопнуть дверь.

Хэдли просунул ногу внутрь, и тут начались трудности. Когда он, наконец, прояснил ситуацию, женщина знала только две вещи, на которых настаивала, — что она и ее муж были хорошими людьми и что они абсолютно ничего ни о чем не знали. Она нисколько не испугалась. Она просто упорно оставалась без информации.

"Я спрашиваю вас, у него когда-нибудь были посетители?"

“Может быть. Я не знаю. Какие еще сюрпризы?”

“Кто-нибудь когда-нибудь приходил к нему?”

“Может быть”, - Он пожимает плечами. “Может быть, и нет. Я не знаю. Мой Карло - хороший человек, у нас все хорошо, спросите у полисмена. Мы ничего не знаем”.

“Но если бы кто-нибудь пришел к нему, вам пришлось бы открыть дверь, а?”

Это не произвело на нее впечатления. “Зачем? Я говорю, что он не калека, как вы это называете, а? Может быть, он может спуститься вниз. Я не знаю”.

“Вы когда-нибудь видели кого-нибудь с ним?”

“нет.”

Подобные нападки, с вариациями и повторами, продолжались до тех пор, пока Хэдли не разозлился. Доктор Фелл попытался заговорить по-итальянски, но у него был сильный акцент, и это привело лишь к болтовне ни о чем. Хэдли был побежден еще до того, как начал, и знал это. Свидетель, который когда-то жил в страхе перед мафией, держит язык за зубами, даже когда мафии больше не существует; угрозы со стороны закона - ничто. Наконец, в соответствии с его приказом, она вразвалочку поднялась по темной лестнице и открыла дверь в комнату.

Хэдли чиркнул спичкой и зажег газовую горелку. Краем глаза он продолжал наблюдать за женщиной, которая спокойно расположилась в комнате, но, казалось, не замечал ее. Это была маленькая, пустая комната, окна которой выходили на переплетение дымоходов. В ней стояли железная кровать, туалетный столик с кувшином и раковиной для умывания, треснувшее зеркало, стол и стул с прямой спинкой. В квартире было на удивление чисто, но больше в ней ничего не было, кроме потрепанного чемодана и кое-какой одежды, развешанной в шкафу, да пары старых ботинок в углу.

Пока старший инспектор расхаживал по скрипучему полу без ковра, Мелсон поймал себя на том, что, как и Хэдли, наблюдает за бесстрастным ртом женщины. Ее взгляд был устремлен куда-то вдаль…. Хэдли перебирал одежду в шкафу, но ничего не нашел; губы оставались бесстрастными. Он осмотрел комод; все так же бесстрастно. Он приподнял и ощупал матрас; бесстрастный до

презрения. Поединок продолжался. Не было слышно ни звука, кроме скрипа досок и пения желто-голубого газа. Когда он наклонился к одной части пола, рот немного изменился. Когда он приблизился к плинтусу на стене возле окна, все изменилось еще больше.

Внезапно Хэдли наклонился и притворился, что что-то ищет.

- Итак, миссис Караччи, - мрачно объявил он, - вы солгали мне, не так ли?

“нет. Я не знаю, что говорю вам!”

“Вы солгали мне, не так ли? Да, вы солгали. У мистера Эймса в комнате была женщина, не так ли? Вы понимаете, что это значит. Вы лишитесь лицензии на содержание меблированных комнат, и вас депортируют; может быть, отправят в тюрьму.

“нет!”

- Будьте осторожны, миссис Караччи. Я собираюсь подать на вас в суд, к главному судье, и он все поймет. Это была женщина, не так ли?”

“нет. Никакой женщины в доме не было! Мужчина, может быть, но не женщина!”

Она страстно ударила себя в грудь, и ее дыхание стало прерывистым.

“Это все, что я знаю! Я бедная женщина. Я ничего не знаю—”

“Убирайтесь”, - сказала Хэдли. Он прервал бурю причитаний, вытолкав ее за дверь, и ее звонкое сопрано то усиливалось, то затихало, перекрывая удары в дверь, пока он запирал ее на засов. Он достал перочинный нож и щелкнул большим лезвием.

“Там, под окном”, - объяснил он. “Оторвалась доска. Возможно, там что-то спрятано. Но я подозреваю, что это всего лишь его деньги. Возможно, они у нее”.

Когда Мелсон и доктор склонились над ним, он приподнял доску. Из углубления под стропилами он достал несколько предметов. Бумажник из свиной кожи со штампом Г.Ф.А., в котором лежали полицейские удостоверения, но не было денег. Связка ключей, шелковый кисет с табаком и пенковая трубка, пачка дешевых

конвертов, канцелярский блок, хорошая авторучка и книга в бумажном переплете под названием “Искусство часового дела”.

“Никаких заметок”, - сказал Хэдли, кряхтя поднимаясь. “Я боялся, что их не будет”. Он перелистал страницы книги. “Изучает свою последнюю роль, бедняга. И ему даже это не сошло с рук. Карвер увидел — Боже милостивый!”

Хэдли отскочила назад, когда сложенный лист почтовой бумаги выскользнул из-под страницы и упал на пол: письмо с подписью вверху. Хэдли что-то пробормотал, пытаясь поднять его, и его трясущиеся пальцы сначала не смогли его поймать. …

“Дорогой Джордж”, - говорилось в напечатанной на машинке записке.: Я знаю, вы будете удивлены, услышав это от меня спустя столько лет, и я знаю, вы думаете, что я пытался ударить вас в глаз из-за дела Хоуп-Гастингс. Я не скажу, что пытаюсь загладить свою вину, но я скажу, что хочу посмотреть, не смогу ли я сделать что-то, что вернет мне расположение Властей, даже если это будет обычная работа. У меня есть информация по делу об убийстве Гэмриджа, которое вы ведете, и оно очень интересное. Держите это в секрете и не пытайтесь увидеться со мной, пока я не напишу вам снова. Я свяжусь с вами. Это ВАЖНОЕ дело.”

На нем была дата: “Хэмпстед, 29 августа”, и подпись: “Питер И. Стэнли”. Они посмотрели друг на друга. Тонко запищал газ.

Глава 21

Невероятный лунный свет

В половине девятого того же вечера, после какого-то суматошного дела в Скотленд-Ярде, Хэдли и Мелсон выехали на набережную в машине Мелсона, и Хэдли был в бреду. Ему пришлось понизить голос, потому что на заднем сиденье находились сержант Беттс и констебль в штатском ростом шесть футов шесть дюймов, отзывающийся на имя Спаркл. Но, тем не менее, он неистовствовал, и его стиль вождения был диким.

- Я беседовал с помощником комиссара, - сказал он, - и мне нечего было ему сказать, кроме того, что Фелл затеял какой-то фокус-покус, а я даже не знал, где он находится. Рабочий стол завален делами — был ограблен загородный дом какого-то крупного дельца, и звонил сам комиссар полиции. Полный бардак. Ты должен радоваться, что не побоялся обратиться в отдел находок”.

“А как же письмо Стэнли?”

- Фелл взял его. Мне, заметь, было приказано пока ничего не говорить. Я не возражал. Боже мой! ты… Фелл… понимаешь, что это значит, если Стэнли виновен? Один полицейский, пусть и бывший, обвиняется в убийстве другого? Разразится скандал, который всколыхнет полицию, а возможно, и правительство. Дело Роджера Кейсмента - ничто по сравнению с этим! Вы заметили, что я не упомянул Стэнли в сегодняшних газетах; ни слова, ни строчки о его причастности к этому?.. Тогда тем хуже, если он виновен. Я только молюсь, чтобы это было не так. Я расспросил Белчестера, это помощник комиссара, и он вышел из себя. Мы платим Стэнли пенсию. Похоже, этот человек сумасшедший…” — “В буквальном смысле?”

“В буквальном смысле сумасшедший, и несколько раз он был на волосок от того, чтобы получить сертификат. Вообще-то, так и должно быть. Но его сестра связалась с кем-то из начальства… Я не знаю, в чем тут дело. Конечно, его никогда не повесят, если он виновен; он отправится в Бродмур, где ему самое место. Но видите ли вы лидера, например, в “Утреннем трубаче”? Давайте рассмотрим странный случай с сумасшедшим полицейским, которого нынешние власти в течение нескольких лет поддерживали и баловали, вместо того чтобы поставить в такое положение, при котором он больше не сможет причинить вреда. Разве не странно, что власти пытались замять это дело, когда этот человек вышел из себя и убил старшего детектива-инспектора, к которому он давно испытывал ревность, точно так же, как несколько лет назад он убил банкира, против которого до сих пор ничего не доказано” и т.д. Я говорю вам…”

Большая машина вильнула, чтобы не врезаться в тачку, и с ревом помчалась дальше сквозь легкий туман и дождь, из-за которых фонари на набережной были размыты. Мелсон почувствовал, как забилось у него сердце, когда их занесло; но вся эта безумная затея была наполнена легкостью и возбуждением, как будто машина сама мчалась к завершению дела. Его пальцы крепче сжали дверцу.

- Но что, - спросил он, - думает Фелл?

- Все, что я могу сказать Феллу, - ответил старший инспектор, - это то, что он должен сам принять свое лекарство. Он не может принимать и то, и другое одновременно. Если его версия всего этого дела верна — я имею в виду насчет Элеоноры, — то Стэнли

не может быть виновен! Это был бы полный бред, это сделало бы бессмысленным все остальное. Неужели вы этого не понимаете? Если бы я только мог доказать, что найденное нами письмо - подделка! Но это не так! Я показал его нашему почерковеду, приложив промокашку к самому письму, и он клянется, что оно абсолютно подлинное. На этом все обрывается. Это загоняет Стэнли в угол… В то время как все, что я могу сейчас сделать, - это следовать указаниям Фелла, вернуться в дом и сказать толпе Карверов, что мы решили освободить Элеонору. Кажется, это несколько разочаровывает, не так ли? В любом случае, вот и вы. Если бы этот молодой дурак Полл не…

Он осекся и больше не проронил ни слова, пока машина не остановилась под моросящим дождем у дома № 16. Китти Прентис, чьи опухшие красноватые глаза свидетельствовали о недавних слезах, не открыла дверцу. Она отскочила назад со странным писком, как игрушка, заглянула через плечо Хэдли, ничего не увидела и схватила его за руку.

- Сэр! О, сэр, вы должны рассказать. Они арестовали мисс Элинор? Они арестовали, сэр? О, это ужасно! Вы должны рассказать! Мистер Карвер в бешенстве, он звонил в Скотленд-Ярд, но не смог вас найти, и они ничего ему не сказали, и…

Хэдли, очевидно, опасался, что преждевременная радость приведет к слишком быстрому разоблачению, которое произведет дурной эффект на остальных. Его взгляд заставил ее замолчать, хотя выражение его лица подтверждало это свидетельство.

“Я ничего не могу вам сказать. Где они?”

Она замолчала как вкопанная и указала на гостиную. Через мгновение ее лицо медленно сморщилось от слез. Хэдли быстро направилась к двери гостиной. В доме ощутимо повисла новая атмосфера: спешки и напряженного ожидания, стиснутые руки и лица, готовые вот-вот сморщиться, как у Китти. В наступившей тишине Мелсон услышал тиканье часов в мастерской, как и прошлой ночью, но на этот раз они тикали быстрее. Из гостиной донесся приглушенный голос Люсии Хандрет, повысившей голос.:

— …Повторяю, я рассказал вам все, что мог. Если вы будете продолжать, я сойду с ума. Я обещал никому не рассказывать, но могу предупредить, что вам лучше быть готовым к…

Хэдли постучал.

Белая дверь с фарфоровой ручкой и большим ключом открылась, как театральный занавес, и наступила внезапная тишина. Карвер, крупный и взъерошенный, все еще в домашнем пиджаке и шлепанцах, остановился перед камином. От того, как он сжимал короткую трубку, напряглись челюстные мышцы, и Мелсон увидел, как блеснули зубы, когда один уголок его губы приподнялся. Миссис Стеффинс, с платочком под заплаканными глазами и морщинистым лицом, подняла голову с того места, где она сидела, привалившись к столу; она икнула и всхлипнула как раз перед тем, как ее пронзил вид Хэдли. Лючия Хандрет стояла, выпрямившись во весь рост, у камина, скрестив руки на груди, и сильно покраснела.

На секунду эта картина застыла, эмоции замерли в своей кульминации и в странных искажениях лиц в кульминационный момент; в то время как их потоки - ненависть, слезы, гнев или ликование - ощутимо выплескивались на зрителей. Они ощущали эти эмоции, как жар огня. Затем Люсия Хандрет перевела дух. Карвер сделала шаг вперед, и костяшки пальцев миссис Стеффинс, уронившей руку на стол, хрустнули.

“Я так и знала!” - внезапно воскликнула миссис Стеффинс, словно услышав подтверждение. От слез ее лицо стало ужасно уродливым. “Я знала это, помни! Я предупреждала тебя! Я говорила тебе, что это придет в этот дом. …”

Карвер медленно сделал еще один шаг вперед, заслонив свет лампы своими широкими плечами. В его бледно-голубых глазах ничего нельзя было прочесть.

“Вы заставили нас долго ждать”, - сказал он. “Ну?”

“Что, - резко спросил Хэдли, - вы хотите знать?”

“Я хочу знать, что вы сделали. Вы арестовали Элинор?”

“Мисс Хэндрет, - ответил старший инспектор без тени иронии, - несомненно, дала вам некоторое представление о том, о чем мы говорили в кабинете мисс Карвер сегодня днем…”

Бледно-голубые глаза впились в нее. Карвер сделал легкий жест. Казалось, он стал еще больше и приблизился, хотя и не двинулся с места.

- Дело не в этом, господин инспектор. Совсем не в этом. Единственное, что нас интересует, это правда ли это?

- Какой позор! - воскликнула миссис Стеффинс и принялась бешено колотить руками по столу. - Какой ужасный позор! Арестована за убийство. В этом доме. Жить в этом доме, и чтобы ее имя фигурировало в газетах как арестованной за убийство. Я могла бы вынести все, что угодно.

Хедли обвела присутствующих бесстрастным взглядом.

“Да, я должна вам кое-что сказать, если вы помолчите. Где мистер Боскомб?

- Он ничего не сказал. Но он такой же дурак, - сказала Люсия и ударила ногой по каминной полке. - Он пошел искать своего адвоката для нее. Он говорит, что у вас нет никакого дела, не было и никогда не будет…

- Он совершенно прав, мисс Хэндрет, - очень тихо сказал Хэдли.

И снова они застыли неподвижно в тишине, в той странной иллюзии, что их лица, казалось, были запечатлены камерой. Мелсон почувствовал, как у него зазвенело в ушах. В тишине голос Хэдли прозвучал громко.

“Улики против нее, - продолжил он, - уничтожены. У нас нет дела, не было его и никогда не будет. Мы узнали об этом сегодня днем, как раз вовремя, чтобы подготовиться к… чему—то еще”. В этом есть что-то зловещее. - Она развлекалась в театре с молодым человеком, за которого собирается вскоре выйти замуж, и скоро должна быть здесь.

Мелсон наблюдал за Люсией и миссис Стеффинс. На лице последней было лишь глупое выражение, как у пьяного, который возится с ключами. Затем пришло осознание, и она поникла. Ее голова откинулась на спинку стула в неосознанном театральном жесте, а дрожащие губы произнесли слова, которые, Мелсон мог бы поклясться, были “Слава Богу”.

- Ты с ума сошла? - спросила Люсия Хандрет.

Это был не вопрос, а быстрое, резкое, недоверчивое утверждение. Она сделала шаг вперед. Ее грудь поднялась и опустилась.

“Вам это не нравится, мисс Хандрет?”

“Пожалуйста, не пытайтесь быть учтивой. Я— я не испытываю ни радости, ни неудовольствия. Я просто не могу в это поверить. Это

шутка? Ты сказал мне сегодня утром…

“да. Но с тех пор мы слышали и другие вещи. Боюсь, что не все ваши доказательства были… полностью подтверждены, если вы меня понимаете? Я думаю, что вы понимаете.

“И все же со всеми этими доказательствами…” Ее голос начал повышаться. “Что она сказала? Что она вам сказала?” Вы хотите сказать, что Дон действительно собирается м—что вы имеете в виду?”

Затем Карвер пересек поле зрения Мелсона. Он сунул погасшую трубку обратно в рот и шумно затянулся. Он выглядел так, словно с его плеч свалился огромный груз; не из-за злости на проделку или даже любопытства, а из-за энергии, которую он черпал из своих хрупких костей теперь, когда для этого больше не было повода.

- Спасибо вам за ваш здравый смысл, - заметил он довольно дрожащим голосом. “Вы напугали нас больше, чем когда-либо. По крайней мере, теперь мы, кажется, в безопасности. Что—чего вы от нас хотите?”

Они услышали тихий хлопок входной двери, шаги и где-то настойчиво зазвонил телефон. Явно не зная, что делать, Хэдли поднял руку и стал ждать. Послышались приглушенные голоса, а шелест дождя стал громче. Затем появилась Китти.

- Доктор Фелл здесь, сэр, - сказала она старшему инспектору. - И они хотят, чтобы ты позвонил. …”

Через открытую дверь Мелсон увидел забрызганный дождем плащ доктора, который стоял к ним спиной и что-то торопливо шептал сержанту Беттсу и констеблю Спарклу. Через мгновение они скрылись из виду. Доктор Фелл, держа в руке широкополую шляпу, ввалился в комнату, когда Хэдли вышел. Они не разговаривали; лицо доктора было тяжелым от усталости.

— А, добрый вечер, - поприветствовал он их, слегка отдуваясь. - Я как раз вовремя, как мне кажется. Кажется, мы всегда ставим этот дом на уши, но я рад сообщить, что сегодняшний вечер, вероятно, будет последним.

“В последний раз?” повторил Карвер.

“Я надеюсь на это. - Я надеюсь познакомиться с настоящим

убийцей, - сказал доктор Фелл, - сегодня вечером. При таких обстоятельствах вы должны позволить мне отослать вас всех из этой комнаты, пока я вас сюда не позову. Идите, куда хотите, но никто из вас не должен покидать дом. …Без истерик, мэм! - добавил он, поворачиваясь к миссис Стеффинс. Казалось, он возвысился. - По-моему, я вижу по вашим глазам, что вы собираетесь обвинить мисс Хэндрет в том, что она является причиной всех ваших неприятностей и беспокойства. Возможно, так оно и есть, но сейчас не время это обсуждать…. Мистер Карвер, не могли бы вы, пожалуйста, присмотреть за этими дамами? Все вы должны находиться в пределах досягаемости."

Он отступил назад. Приглушенный шумом дождя, колокол Линкольнс-Инн пробил девять. В самый разгар ударов, словно по условленному сигналу, под чьим-то пальцем начал отрывисто гудеть дверной звонок, а под сильной рукой застучал большой дверной молоток. Китти бросилась открывать. Голоса вновь прибывших стихли, когда Элинор, стряхивая капли с пальто, вышла в холл, чтобы ее могли видеть те, кто находился в гостиной. За ее спиной маячили Гастингс, угрюмо ликующий; Боском, сдержанно довольный; и Поулл, слегка пьяный и очень мокрый, озадаченно стоящий со свернутым зонтиком под мышкой.

Элинор повернулась к ним лицом.

- Вот и я, - сказала она. Ее голос звучал неуверенно и прерывался эхом. Но она держалась очень прямо. "Не в тюрьме. Впервые на свободе". Она посмотрела на Лючию. "Неужели тебе не жаль?"

"Дон, ты дурак!" - закричала Лючия. Она провела рукой по глазам, поколебалась, а затем выбежала из комнаты, как будто бежала к группе. Но она прошла мимо них, в то время как Элинор, бледно улыбаясь, бросилась в свою комнату и захлопнула дверь. Вопль миссис Стеффинс заглушило эхо шума, но Карвер не обратил на это внимания. Он медленно вышел и что-то сказал Элинор.

"Спасибо, Джей", - ответила она. "Пойдем с нами наверх, хорошо?"

Как во сне, Мелсон услышал, как доктор Фелл дает указания; группа замолчала, но в зале царили ужас и напряженность, когда доктор вернулся с Хэдли и коридор опустел. Старший инспектор, стоя спиной к двери, стоял и смотрел на доктора Фелла.

- Ну и что? тот залаял. - Что это? Что-нибудь случилось?

— Все - сейчас. Всё. Кто-то допустил оплошность". "Какую оплошность?"

"Звонили из офиса", - мрачно ответил Хэдли. - Это во всех последних выпусках вечерних газет. Кто-то в Скотленд-Ярде проболтался, что мои инструкции не были поняты. Хейс что-то напутал с пресс-релизом, но они не считают это его виной. Возможно, это моя работа в последние пару недель, а вместе с ней и пенсия… Они знают, что Стэнли был здесь прошлой ночью, замешанный в сомнительных делах, и помощник комиссара сказал мне, что произойдет, если это просочится наружу. Я стану козлом отпущения для них всех. Даже если мы сейчас поймаем настоящего убийцу—

- Думаешь, я всего этого не предвидел? - тихо спросил доктор Фелл.

- Предвидел?

- Спокойно, сынок. Вы прослужили в полиции тридцать пять лет, не теряя самообладания, и не теряйте его сейчас. Да, я видел проблему, и есть только один способ справиться с ней, если мы сможем справиться с ней…."

"Да, тридцать пять лет", - кивнул Хэдли. Он уставился в пол. "Ты что-то придумал?"

"да."

- Ты понимаешь, что произойдет, если ты все испортишь, не так ли? Не только со мной, но и с…

Он остановился. Китти снова была там, но выглядела еще более испуганной, как будто она бросилась прочь от входной двери.

- Сэр, - сказала она, - здесь мистер Питер Стэнли….

Секунду старший инспектор стоял неподвижно; затем, когда он начал двигаться, доктор Фелл схватил его за руку. Хэдли сказал::

"Вот и все. Вот и все. Кто-нибудь увидит его, и нам конец. Он должен был оставаться на заднем плане. А теперь—

- Помолчи, дурак, - очень тихо сказал доктор Фелл. - Сиди здесь

и, что бы ни случилось, не двигайся и не говори. Я послал ему сообщение, чтобы он пришел. Пришли сюда мистера Стэнли, Китти.

Хэдли попятился и сел за стол. Доктор Фелл сделал то же самое. Стоя на заднем плане у стеклянных витрин, Мелсон ухватился за край одной из них, чтобы не упасть..

- Входите, мистер Стэнли, - продолжал доктор Фелл почти сонным голосом. - Не трудитесь закрывать дверь. Присаживайтесь, пожалуйста.

Он вошел удивительно мягкой поступью для такого крупного мужчины. Мелсон никогда еще не видел его при полном освещении, и все прежние чувства и намеки на него вернулись к нему теперь с каким-то потрясением. Казалось, он отшатнулся от яркого света лампы, как это могло бы сделать животное. Одетый в промокшее пальто, он был без шляпы; и когда капли дождя стекали по его лицу, он дергал головой. Его глаза были глубоко посажены, а широкое лицо с оттопыренными ушами, которое вчера вечером было свинцового цвета, теперь покрылось пятнами бледности, и он улыбался.

- Вы посылали за мной, - тяжело выговорил он и широко раскрыл глаза.

- Совершенно верно. Садитесь. Мистер Стэнли, сегодня днем в ваш адрес были выдвинуты определенные обвинения — предположения. …”

Он сел, положив большие пальцы на колени. Мелсон заметил, что на самом деле он не улыбался; это было подергивание губ, которое он не мог контролировать. Он сидел неподвижно, как воск, в белом свете лампы ощущались сила и опасность, и напряжение нарастало. Внезапно он наклонился вперед.

- Что вы имеете в виду под обвинениями?

“Вы знали покойного инспектора Джорджа Эймса?” “Я знал… когда—то”.

“Но вы не узнали его, когда увидели мертвым прошлой ночью?”

“Я его не узнал”, - сказал Стэнли, наклоняясь вперед еще больше. “Он выглядел так, как тогда. Красиво, не правда ли? Да.

Он начал смеяться.

“Но я полагаю, - сказал доктор Фелл, - вы все-таки узнаете свой собственный почерк, когда увидите его?”

Это было так, словно он щелкнул хлыстом перед лицом собеседника, и Стэнли отпрянул. И тут Мелсон понял. Он понял, о чем напоминал ему Стэнли с тех пор, как тот вошел. Мягкие движения, несмотря на его грузность, рычание в голосе, бессмысленный, непроницаемый взгляд, устремленный на него, быстрые рывки. Они были в клетке, и что-то отделяло их от двери.

“Узнаю свой почерк?” рявкнул он. “Что, черт возьми, вы имеете в виду? Конечно, я знаю свой почерк. Вы принимаете меня за сумасшедшего?”

- Тогда, - сказал доктор Фелл, - вы написали это.

Он полез в карман, достал сложенное письмо и бросил его Стэнли. Оно упало на колени Стэнли, но тот не притронулся к нему.

“Прочтите это!”

Снова щелчок хлыста. Стэнли прикоснулся к письму, затем медленно развернул его. “Это написали вы”. “Я этого не делал”. “Это ваша подпись”.

“Я говорю вам, что я этого не писал и никогда раньше этого не видел. Вы называете меня лжецом, не так ли?”

“Подожди, пока не услышишь, что они скажут, Стэнли. Я твой друг, иначе не стал бы тебе этого говорить. Подожди, пока не услышишь, что они скажут”.

“Скажи?” Он немного отодвинулся. “Что они говорят?”

- Что ты сошел с ума, друг мой. Безумный. Что у тебя в голове завелась маленькая личинка, которая разъедает мозг. …”

Пока доктор Фелл говорил, он наклонился вперед, чтобы бросить письмо на стол. От него исходил сильный запах мокрой одежды и бренди. Когда он протянул волосатую руку, его пальто слегка распахнулось, и Мелсон увидел что-то в кармане..

Стэнли был вооружен пистолетом.

“Сумасшедший”, - сказал доктор Фелл. - И именно поэтому вы убили Джорджа Эймса.

На секунду Мелсону показалось, что проклятая штука сейчас набросится на них. Она дернулась в кресле и, казалось, стала больше.

- Но чтобы показать вам, что я думаю о вашем мозге, - продолжал доктор Фелл, глядя прямо в круглые желтоватые глаза, которые, казалось, то сужались, то расширялись, - я собираюсь рассказать вам, какие улики против вас имеются. Это то, что кто-то думает о вас, как кто-то сказал….’

- Прошлой ночью, когда Эймс поднимался по лестнице, вы не могли выйти через двойные двери в холл. Мы все это знаем и признаем.

- Но в свидетельских показаниях были очень странные места, самые странные из тех, что у нас есть. Мужчина, стоявший в темном коридоре, увидел тонкую полоску лунного света. Дверь в коридор, который ведет на крышу, была открыта — вы понимаете это? — и в этом коридоре он увидел лунный свет. Он сказал, что свет падал из люка на крышу. Но это, должно быть, было невозможно, потому что ловушка была крепко заперта, и никто не смог бы до нее добраться. Помните, что он сказал “линия”; не пятнышко или квадрат, как могло бы получиться при открывании люка, а маленькая линия… как, скажем, при открывании одной из потайных стенных панелей, которых, как мы знаем, в этом доме с полдюжины.

— Запомните расположение комнат: спальня вашего хозяина находится слева, и ее стена совпадает со стеной этого коридора. Помните, что вы могли бы выскользнуть из-за ширмы, также расположенной слева, в своем темно—сером костюме — незаметно проскользнуть в спальню - и открыть настенную панель, чтобы выбраться наружу. Помните, что окна задней части дома выходят на луну. Этот лунный свет падал в спальню и проникал сквозь приоткрытое окно! когда вы выскользнули из комнаты, открыли дверь изнутри на пружинном замке и сбили Эймса на лестничной площадке!— Это то, что, по словам твоего врага, ты сделал, если только ты не сможешь заставить его сказать иначе, и зовут его…

- БЕРЕГИСЬ! - завопил Хэдли.

Они услышали продолжение, когда большая рука Стэнли рванулась вперед и смахнула лампу со стола. Свет костра пробился сквозь мгновенную слепоту в их глазах; они увидели глаза Стэнли, блеск металла в его руке и услышали всхлип.

- Отойдите, - сказал Стэнли. - Я доберусь до него.

Большая фигура заслонила свет из коридора, когда он повернулся и побежал; свет исчез из-за грохота захлопнувшейся двери, и ключ повернулся в замке, когда Хэдли потянулся к ручке.

“Он запер нас…” — Кулаки Хэдли забарабанили по панели. - Беттс! Ты! Вы все — хватайте его! - откройте это! Фелл, во имя всего Святого, вы выпустили на свободу маньяка. — БЕТТС! Неужели вы не можете остановиться…

— До-Фелл, он сказал не останавливать его! - раздался голос снаружи. — Ты сказал, он забрал ключ!

- Ты, чертов идиот, останови его! Сделай что-нибудь. Сверкни! Разбей эту дверь!

Что-то тяжелое обрушилось на нее снаружи, послышался скрежет, а затем еще один грохот. Сверху донесся крик, а затем пистолетный выстрел.

Они услышали второй выстрел как раз перед тем, как замок с жутким скрежетом вылетел, и в комнату, спотыкаясь, на коленях ввалилась крупная фигура. Хэдли выбил дверь, вывернулся и побежал к лестнице, Мелсон за ним. По всему дому отчетливо разносился чей-то голос. Он был громким, но очень холодным и ровный, и, казалось, был доволен.

- Видишь ли, они думают, что я сумасшедший, поэтому я могу убивать тебя медленно, не подвергая себя никакой опасности. Я могу убить тебя, независимо от того, скажешь ты правду или нет; я еще не решил. Но одна пуля в ногу, другая в живот, третья в шею — все дело в том, что все должно происходить медленно, пока ты не откроешь свой лживый рот. Ты же видишь, что никто мне не мешает, не так ли? У двери стоит полицейский, и он ничего не делает, чтобы помочь вам, хотя у него самого есть пистолет. Я видел, как он оттопыривается в его заднем кармане, но, как вы заметили, он ничего не делает, хотя я стою к нему спиной. Сейчас я сделаю еще один выстрел. …”

От крика, больше похожего на крик кролика, попавшего в силки, чем на человеческий, у Мелсона подкосились колени, когда он, пошатываясь, поднимался по лестнице вслед за Хэдли. Крик повторился.

“Нет, - сказал приятный голос, - ты не можешь убежать, видишь ли. В комнате всего четыре стены, и ты часто находишься в углу. Знаешь, я был дураком, когда однажды выстрелил тому банкиру четырьмя пулями в голову. Но тогда я ничего не имел против него.

Задыхаясь от боли, Хэдли преодолел последнюю ступеньку. Пары кордита размыли бледные лица; лица, которые не двигались, которые наблюдали, искаженные и пораженные. Через открытые двойные двери Мелсон увидел спину Стэнли. Позади себя он увидел лицо, которое совсем не походило на человеческое. Это была извивающаяся фигура, размахивающая руками, пытающаяся вжаться в высокую раскрашенную ширму, когда Стэнли двинулся к нему.

“Это, - сказал Стэнли, - для твоего живота”, - и поднял руку, чтобы выстрелить.

Второй мужчина перестал кричать.

“Уберите его”, - негромко пробормотал странный голос. “Все в порядке. Я убил Эймса. Я убил Эймса, черт бы вас всех побрал! Я убил Эймса и признаю это. Только, ради всего Святого, уберите его”.

Голос стал отчаянным. Серое лицо приподнялось и вытянулось на фоне нарисованного пламени. Затем Кэлвин Боском, истекая слюной, повалился на ширму в глубоком обмороке.

Мгновение Стэнли стоял неподвижно; наконец он судорожно вздохнул и спрятал пистолет в карман. Он повернул унылое лицо к доктору Феллу, который медленно прошел через комнату и уставился на карикатуру на полу с открытым ртом.

- Ну что? - тяжело спросил Стэнли. - Все было в порядке? Он раскололся.

“Это было чертовски хорошее шоу, - сказал доктор Фелл, сжимая его плечо, - и мы не могли придумать ничего лучше… Только, ради Бога, не стреляйте больше холостыми, иначе вы перебудите всю округу”.

Он повернулся к Хэдли.

- Боскомб не ранен, - добавил он. - Он доживет до виселицы. Интересно, что он думает о “реакции человека, который вот-вот умрет”?

Глава 22

правда

The Daily Sphere: “Блестящая стратегия отставного полицейского, мстящего за убийство старого товарища!” The Daily Banner. “Скотленд-Ярд снова торжествует, веря в опального старшего инспектора!” The Daily Trumpeter: “На снимках: Слева - старший инспектор Дэвид Хэдли, который безошибочно нашел решение в течение суток, пожимает руку помощнику комиссара, достопочтенному Джордж Белчестер; и, конечно же, мистер Питер Э. Стэнли, герой дня, у которого, к сожалению, не удалось взять интервью, поскольку он отправился в длительное морское путешествие по состоянию здоровья”.

Лидер The Daily Trumpeter сказал: “В очередной раз была наглядно продемонстрирована эффективность блюстителей закона, даже тех, кто, выйдя на пенсию, больше не связан с институтом, который они почитают. Мы можем с гордостью похвастаться, что только в Британии такое возможно”.

Доктор Фелл сказал: “Черт возьми! Это был единственный возможный способ спасти их лица. Выпейте еще по бокалу пива”.

Но поскольку это история не столько о спасенных лицах, сколько об убийстве, совершенном человеком, который считал себя слишком проницательным, мы должны обратиться за разъяснениями к разговору, который произошел ранним утром того же дня в отеле доктора Фелла на Грейт-Рассел-стрит. Хэдли пришлось втайне рассказать о фактах своего триумфа, и только он и Мелсон присутствовали при разговоре доктора.

Было уже за полночь, когда он начал, потому что многое нужно было сделать, и Боскомб должен был подписать заявление при свидетелях, прежде чем он соберется с духом и попытается это опровергнуть. Но работа была закончена; в камине ярко горел огонь, были расставлены мягкие кресла, а под рукой стояли ящик пива, две бутылки виски и коробка сигар. Доктор Фелл сиял от счастья, любуясь своими владениями, и готовился к выступлению.

“Я не шучу, - сказал он, - когда говорю вам, что мне искренне жаль, что пришлось обманывать вас все это время. Мне пришлось намекнуть не только вам о своей вере в невиновность Боскомба, но и самому Боскомбу. Вы помните, я сказал вам, сразу после того, как мы пришли к нему в комнату сегодня утром и обнаружили пропажу часов, которые он украл сам у себя, что я только что пережил один из худших периодов в своей жизни. Когда мне даже пришлось стоять там и говорить комплименты этому дьяволу с рыбьей кровью, я поперхнулся, как касторкой. Но это было необходимо. Д? он самый подлый убийца в моей практике, но он также и один из самых умных; он не оставил никаких ощутимых улик, над которыми можно было бы поработать. Моим единственным шансом заманить его в ловушку был тот, которым я воспользовался. Сегодня утром ты был в таком состоянии, что, если бы я высказал тебе свои мысли, ты бы попытался это проверить и дал ему понять, что он под подозрением. Тогда он снова начал бы ускользать от нас и, несомненно, заподозрил бы ловушку, которую я планировал расставить Стэнли. Боскомб не боялся закона: он боялся Стэнли, его бедного, одержимого гоблинами мозга, готового вцепиться в него когтями. И я понял, что это было все, чего он боялся.

— Но алиби! - запротестовал Мелсон. - Гастингс видел… И почему он—?

- Подождите немного, - вмешался Хэдли, держа блокнот на колене. - Давайте разберемся по порядку. Когда вы впервые заподозрили его?

- Прошлой ночью. Я не был полностью уверен в этом до сегодняшнего утра, когда исчезли часы с черепом, и я не был абсолютно уверен до тех пор, пока не поднялся наверх перед самым обедом (тебя тщательно скрывали от меня) и не обнаружил эту раздвижную панель в стене коридора, которая также была стеной его спальни. Там должна была быть панель, иначе в рассказе Пола о лунном свете в коридоре вообще не было бы смысла.

- Но давайте разберем это по порядку. Сначала я поверил в виновность Боскомба из-за одного из тех совпадений, которые нас так сильно беспокоят. Некоторые из них, и особенно одно из них, я не мог поверить, что это случайности. Во второстепенные события было легко поверить, поскольку на самом деле это были вовсе не совпадения, а логические следствия привычек и характеров различных заинтересованных людей. Например:

- Я мог бы поверить, что случайно, в тот роковой вечер четверга, Элинор и Гастингс договорились встретиться на крыше, хотя они и не привыкли делать это в середине недели. В доме царила суматоха, Элинор была на пределе своих эмоциональных возможностей, Гастингс пребывал в депрессии: встреча рано или поздно была неизбежна. Это была возможность, которую Боскомб предвидел, украв ключ, хотя на самом деле он не верил, что они выберут середину недели. Таким образом, это не было поразительным совпадением.

“Далее, я мог бы поверить, что миссис Стеффинс была на той крыше, расследуя дело двух влюбленных (мы вернемся к этому позже), потому что, как вы указали в своей реконструкции, которая была единственной достоверной частью вашего дела против Элеоноры как убийцы, это было в точности похоже на миссис Стеффинс. Для нее было логичным выбрать вечер четверга; миссис Горсон не было дома, и Стеффинс могла пораньше запереть дом и отправиться на поиски, не опасаясь, что ее разыщут по какому-нибудь запоздалому домашнему делу.

- Но, - сказал доктор Фелл, останавливаясь, чтобы постучать по подлокотнику кресла, - была одна вещь, которая была слишком чудовищной, чтобы кто-то мог в нее поверить.

- Я не мог поверить, что Боскомб разыграл фальшивый “заговор об убийстве” в качестве безобидного развлечения, поскольку жертва этого заговора случайно выбрала переодетого детектива, который должен был доказать убийство кого-то другого в том же доме, - это, Хэдли, и есть то совпадение, которое заставляет задуматься. вращайте барабан, и звезды переворачиваются вверх тормашками. Если случай может играть такие шутки, то случайность не только ужасна, но и пугает. Это напоминает не только о чем-то сверхъестественном, но и о чем-то сверхъестественном, управляемом силами тьмы. То есть, если бы это был несчастный случай.

Но я посмотрел еще раз и увидел, что это подтверждается другим совпадением, столь же поразительным, как и первое. Боскомб сделал не только это. В качестве единственного (предполагаемого) свидетеля по делу о его фиктивном убийстве он случайно выбрал бывшего офицера полиции, который когда-то был близким соратником переодетого детектива, о котором он и не подозревал.] Сосредоточившись на бесконечном, я быстро повторил про себя некоторые отрывки из книги “Верю”. -Так это или нет, но я мог бы отдать должное первому экземпляру. Но

двое из них вместе — нет, нет! Это не было случайностью. Следовательно, это был замысел, и замысел Боскомба".

Хэдли взял протянутый ему стакан пива.

"Это кажется достаточно очевидным", - признал он. "Но какова цель этого проекта?"

"Подождите. Вопросы, которые нужно было задать, были в определенном порядке: "Что пытается сделать этот человек?", затем "Как?", а затем "Почему?"

- Прежде всего, этот его фиктивный план убийства, который был так легко раскрыт и который был бы раскрыт почти так же легко, даже если бы Гастингс не был свидетелем этого. Я прекрасно понимал, что произошло; большинство людей, если бы у них было время подумать, поняли бы. В довершение всего Стэнли был готов сорваться с места в любую минуту и неизбежно сделал бы это, о чем Боском знал. Но было любопытно, как мало усилий — совсем немного формальных усилий — Боскомб предпринял, чтобы скрыть дело, которое могло навлечь на него столько неприятностей; можно даже сказать, что он поощрял разоблачение, не делая этого настолько явно, чтобы вызвать подозрения. Подумайте, что он сделал:

- Предположим, что он говорил правду. Представим себе, в качестве аргумента, что фиктивный заговор был всем, что он задумал. Очень хорошо. Что-то идет не так; "жертву" шутки необъяснимым образом сбивают с ног на пороге его дома, и он внезапно обнаруживает, что они со Стэнли оказались в неприятном положении. …Что ж, самым естественным было бы скрыть свой фиктивный заговор и все его доказательства, какие только возможно.

"Но что он делает? Он стоит там, размахивая пистолетом, который легко мог спрятать; он показывает его нам, привлекает к нему наше внимание, а затем спешит рассказать явно неубедительную историю, чтобы объяснить это. Он делает больше. Хотя он и не дурак, он позаботился о том, чтобы не слишком сообразительный констебль, который, как он знает, находится в комнате и звонит по телефону, увидел, как он демонстративно прячет пару ботинок и перчаток, которые иначе полицейский не заметил бы.

- Мне нет необходимости напоминать вам все, что говорил и

делал Боскомб, но это следует той же логике. Тогда почему он хочет, чтобы это стало известно? Мне пришла в голову дикая мысль — потому что он действительно ударил Эймса часовой стрелкой по очень веской причине; и его притворство, что он собирался застрелить Эймса из револьвера без всякой причины, этот его тонкий, надуманный план, в результате отведет подозрения от него самого! Другими словами, он очернял свой собственный характер, чтобы обелить его. Вот в чем, дети мои, парадокс. Если бы он признался, что ждал человека с пистолетом, мы бы никогда не заподозрили его в том, что он выскользнул из дома и преждевременно убил того же человека ножом. Иными словами, мы не подозреваем человека, даже потенциального убийцу, в том, что он может сорвать свой собственный план.

“Это само по себе было чертовски блестяще, но он сделал это еще лучше. Прежде чем рассуждать о том, как он сделал свой бизнес надежным, помните, что он не мог заходить слишком далеко в попытке убийства, иначе это могло привести его на скамью подсудимых. Отсюда и муляж глушителя, которым он также размахивал перед нашими лицами. Вы заметили, что он то тут, то там делал намеки, пока, наконец, обливаясь потом, не сломался и вызывающе не признался, что на самом деле не собирался стрелять в этого человека. Предполагалось, что мы подумаем: “Маленькая грязная свинья! Готов сыграть в пугало и напугать Стэнли, но у него не хватает смелости совершить настоящее убийство; вычеркнуть его из списка серьезных подозреваемых”. Он снова очернил своего персонажа, чтобы обелить его, и все время хихикал в рукав, заляпанный рыбьей кровью.

Он хотел, чтобы мы так думали. И мне стыдно признаться, джентльмены, что до вчерашнего позднего вечера я действительно так думал.

“Но вернемся к его реальным действиям во время убийства.

- В вопросе “Как?” мы должны сначала спросить, был ли Стэнли соучастником настоящего убийства? Очевидно, что нет, иначе не было бы причин для такого фокуса-покуса. Стэнли должен был выступить свидетелем в его защиту. Он должен был стать самым лучшим и убедительным свидетелем — тем, кто считает, что Боскомб намеревался убить человека, но точно знает, что он этого не делал.

“Предположим, что это было так, как это можно было организовать? Если Боском ударил Эймса ножом, то, конечно,

невинный свидетель, находившийся в той же комнате, не мог этого не заметить. Затем всплыло несколько интересных фактов, которые не имели под собой веских оснований. (1) Что в комнате было темно, (2) что Стэнли сидел за тяжелой ширмой, которую установил Боскомб, и (3) что на полу у ножек огромного синего кресла Боскомба были какие-то странные следы мелом."

Хэдли издал восклицание и снова перелистал свой блокнот.

"Пометки мелом! Черт бы побрал эти пометки мелом, я совсем о них забыл! Да, вот они. Теперь я вспомнил. Я их забыл…."

- Потому что вы забыли о Боскомбе, - сухо ответил Мелсон. - Боюсь, что я забыл.

Доктор Фелл откашлялся, сделав большой глоток пива.

"Рассмотрим сначала в фиктивном плане Боскомба, - продолжал он, - пункт о необходимости темной комнаты, как Боскомб объяснил это Стэнли в "доказательствах Гастингса". Это неубедительно. Настолько слаб, что никто, кроме человека с расшатанными нервами, как у Стэнли, не попался бы на удочку. Боскомб говорит, что, когда жертва поднимается по лестнице и заходит в дом, в комнате должно быть темно, "чтобы любой, кто может находиться в коридоре, не увидел свет, когда жертва войдет в дверь". Теперь любой, кто находится в коридоре, увидит жертву, а жир в пожар доказывает, что жертва пыталась проникнуть в дом, так что трудно понять, почему Боскомб должен бояться такой мелочи, как тусклый свет; но это не самая большая слабость. Если бы план был таким, каким он задумывался, то это был бы любопытный способ заманить муху в комнату паука. Вы просите его сходить за одеждой, подняться по лестнице в темноте, открыть вашу дверь и — что? Представьте себе темную комнату в темном доме и спокойно сядьте и подождите, пока кто-нибудь принесет вам одежду.

"Причина, по которой Стэнли поместили за ширму, еще более очевидна. За ширмой, в темноте! В мире никогда не было приведено ни одной веской причины, по которой Стэнли не следовало бы видеть в свете фонаря, если уж на то пошло, так почему присутствие друга Боскомба должно так настораживать любого, кто пришел за старой одеждой? Но для того, чтобы не только держать его в неведении, но и держать за ширмой, требуется жертва, чьи зрительные способности сочетают в себе кошачий глаз и рентгеновский луч.

“Неважно. Вы знаете, зачем это было сделано на самом деле. (1) Темнота, так что Боскомб мог передвигаться незамеченным в своей черной пижаме и неслышимым в своих войлочных шлепанцах…”

“Подождите немного!” - вмешался Хэдли. “Гастингс смотрел вниз в лунном свете…”

- Сейчас я подойду к этому, как вы увидите. (2) Стэнли спрятался за ширмой, так что через указанную узкую щель Стэнли мог видеть только то, что Боскомб хотел, чтобы он увидел в определенном освещенном лунным светом месте, что заставило бы его поклясться, что Боскомб был там все время. Наконец, (3) отметки мелом были жизненно важны. Они должны были точно показать, где должны быть расположены ножки стула, без какой-либо возможной ошибки, чтобы линия обзора из любой точки за экраном падала только туда, куда хотел Боскомб.

- Но, очевидно, в комнате не могло быть совсем темно, иначе Стэнли ничего бы не увидел. Поэтому окно в потолке пришлось приоткрыть — совсем чуть-чуть, и расположить его заранее так же тщательно, как прожектор в театре. Вам не приходило в голову, что дотошный Боскомб был бы полным дураком, если бы не закрыл все окно в крыше (на тот случай, если Гастингс мог быть на крыше, хотя он и не считал это маловероятным), если бы Боскомбу не было жизненно необходимо это небольшое освещение?

“И самое смешное во всем этом парадоксальном деле заключается в том, что человека, для которого предназначалась вся демонстрация — Стэнли, свидетеля — мы вообще никогда не допрашивали. Именно Гастингс доказал…”

- Именно об этом мы вас и спрашивали, - вмешался Хэдли. - Почему Гастингс не заметил, как он ускользнул? Гастингс ведь не лгал, не так ли?

- О нет. Он говорил правду. Но я изложил вам только то, что заставило меня усомниться в рассказе Боскомба и полностью поверить ему. Прежде чем мы перейдем к самому убийству, давайте рассмотрим схему с самого начала и посмотрим, что произошло.

“Прежде всего, мы должны понять истинный характер Боскомба. Я ненавижу этого человека, Хэдли, личной ненавистью. Он

единственный преступник, когда—либо встречавшийся мне на пути, в котором я не смог найти ни крупицы — не скажу, что хорошего, что ничего не значит, кроме как в духовном смысле, и вызывает этот конкретный вопрос, - но симпатии, честного человеческого отношения и сочувствия. Все в его жизни было сведено к черте ледяного тщеславия. В этом не было никакой гордости, это было просто тщеславие. Несомненно, в какой—то момент его разлагающемуся мозгу пришло в голову, что он хотел бы сделать именно то, на что претендовал в фальшивом сюжете, - убить кого-нибудь ради удовольствия понаблюдать за “реакцией” этого человека на смерть и разжиреть на собственном тщеславии, как откармливается летучая мышь-вампир. на своей собственной крови. Но из—за своего самомнения он был слишком ленив, чтобы показать, что ему это интересно, - пока Элеонора Карвер не разорвала его на части, и впервые в своей жизни он обнаружил, что над ним смеются. Итак, Элеоноре Карвер пришлось умереть.

“В будущем, когда люди будут писать отчеты об известных преступниках, я могу представить, как они будут обращаться с ним. “Бледнолицый Боскомб, с его хитрой и зловещей улыбкой”. “Бледнолицый Боскомб, бьющийся в истерике перед дулом пистолета, когда его собственный план обернулся против него”. Как психологического монстра, его будут сравнивать с Нилом Кримом, с его лысой головой и косоглазием. ухмыляющийся, крадущийся за шлюхами с таблетками стрихнина в кармане. Но Боскомбу не хватало человеческой слабости даже на то, чтобы заботиться о шлюхах, или прямоты, чтобы использовать яд. Я уже намекал вам на его интерес к испанской инквизиции. Я говорил вам, что те древние инквизиторы, какими бы неправедными они ни были, были, по крайней мере, честными и искренними людьми, которые верили, что спасают души. Боскомб просто никогда не смог бы этого понять. Он мог бы учиться всю свою жизнь, но ему бы и в голову не пришло, что зло может быть совершено с честной целью или что человеческая душа вообще существует как нечто большее, чем призрачное оправдание лицемерного садизма. Прежде всего, он был очарован тем, что он называл “утонченностью”, но что мы предпочитаем называть просто тщеславием.

“Это черта характера, которую мы должны понять, если вообще хотим понять это преступление. Когда он решился на преступление, у него даже не хватило смелости воспользоваться ядом. Элеонора должна была умереть. Очень хорошо. Но он никогда не убил бы человека так, как могли бы убить вы или я, внезапным выстрелом или ударом. Вокруг этого убийства, должно

быть, выстраивается целый фантастический, запутанный узор; чем запутаннее и ненужнее нити, тем большее удовольствие доставляет его тщеславию возможность сплести их все. Он должен начать свою работу с малого и развивать ее день ото дня, пока, наконец, не появится фигура на виселице.

“Элеонора — помните? — была единственной, у кого мелькнула мысль о его настоящем характере. Когда он снисходительно решил, что за неимением лучшего занятия ему следует сделать ее своей любовницей, даже поэкспериментировать с супружеством в качестве интеллектуальной игрушки, ее смех внезапно открыл ему глаза на самого себя. Она рассмеялась, джентльмены. И она мельком увидела его без маски. С тех пор она знала, за что он ее ненавидит. Помните, когда она увидела на верхней площадке лестницы человека, которого приняла за Гастингса, она тут же закричала, что его убил Боском. Она знала… И сегодня днем, когда вы спрашивали о людях, которые ее ненавидели, Элинор сказала бы вам об этом. Но вы опередили ее. Вы процитировали так много свидетельств Люсии Хандрет, вы так тщательно все взвесили, что она, естественно, пришла только к одному выводу.”

Хэдли кивнула, и доктор продолжил: - Возвращайтесь в Боскомб. Мы уже обсудили план, как свалить убийство Гэмриджа на Элинор. На это его вдохновили обстоятельства, когда он размышлял, как действовать дальше. Помните, Карвер сказал нам, что Боском был у Гэмриджа рано утром в тот день, когда Карвер пошел проверять часы. Карвер упомянул, что Элеонор должна была прийти позже. Теперь мы знаем — из показаний Боскомба — что он остался, когда остальные ушли, хотя бы для того, чтобы увидеть Элеонору. У него еще не было плана, он просто следил за ней. Возможно, он был свидетелем самого убийства, а возможно, и нет, но, во всяком случае, он знал, что Элинор была там без компаньонки и, следовательно, без алиби; и когда на следующий день он прочитал все подробности в газетах, план начал обретать очертания.

“Как использовать это знание в своих целях? Он не мог пойти в полицию и открыто осудить ее; это выдало бы его с головой и было бы совсем не похоже на утонченного Боскомба; кроме того, не было достаточных фактических доказательств, чтобы обвинить ее в этом преступлении. С другой стороны, он не мог написать анонимную записку главному инспектору. Ее, вероятно, выбросили бы в мусорную корзину, как сотни других. Даже если бы по этому делу было проведено расследование, само это расследование могло бы раскрыть дело раньше, чем он был бы

готов. Это не привело бы к проведению расследования, которого он хотел.

“А потом — его друг Стэнли! Конечно. В газетах упоминалось, что инспектор Джордж Эймс ведет расследование. Стэнли, любивший рассказывать о своих бедах и особенно о людях, из-за которых его уволили, естественно, рассказал Боскойнби об Эймсе в деле Хоуп-Гастингс. Упорство Эймса, его не слишком высокий интеллект, его исключительная скрытность. Эврика! Если бы неизвестный человек попросил Эймса прийти переодетым в определенное место, Эймс бы этого не сделал; но что, если бы Стэнли это сделал?”

“Но вы говорите, - вмешался Хэдли, - что Стэнли ничего об этом не знал! Это подпись Стэнли на том письме. Он, должно быть, знал…

Доктор Фелл покачал головой.

“Я думаю, вам не нужен мужчина, который написал бы за вас письмо на машинке? Все, что вам нужно, это его подпись внизу листа бумаги. И все, что вам нужно, чтобы получить его подпись, - это попросить его написать вам записку о чем угодно. В любой аптеке вы можете купить за пару шиллингов флакон средства для удаления чернил, которое настолько удалит подлинную записку, что ее можно будет увидеть только на микрофотографиях (которые не используются в Скотленд-Ярде). Итак, вы печатаете серию заметок за подписью Стэнли на своей собственной пишущей машинке.

“А теперь посмотрите, как работает малыш Боском! Чтобы понаблюдать за его работой, вам придется рассмотреть самую подозрительную часть всего отчета Эймса: третье из трех “совпадений”, которые слишком ошеломляют, чтобы поверить в них как таковые. Мы объяснили первые два. В третьем говорится, что, в то время как Эймс был проинформирован о виновности кого-то в этом доме человеком, который отказался помочь ему проникнуть в дом после получения улик, другой человек внезапно и без промедления пригласил его в дом посреди ночи за одеждой. Это, в некотором смысле, лишь следствие первого совпадения — оно снова выводит нас из круга, понимаете? Потому что мы уже сомневались в этом, когда Боскомб заявил об этом, и вот Эймс заявляет об этом! Единственными возможными объяснениями были (а) то, что отчет был подделкой, или (б) то, что Эймс по какой-то причине не говорил правду.

“Я спросил вас, и вы показали, что это не могло быть подделкой, потому что Эймс сам отнес его в Скотленд-Ярд. Затем я спросил вас: “Был ли он склонен немного подтасовывать факты, если считал, что делает это ради благого дела?” И вы согласились, что это не так.”

“Но, - спросил Мелсон, - зачем ему было подтасовывать факты в письменном виде для своего собственного начальства?”

- Я покажу вам, рассказав, что произошло. Боскомб понимает, что теперь у него есть идеальная возможность как для инсценированного, так и для настоящего убийства. Инсценировать убийство, потому что несколько месяцев назад — ради чистого удовольствия помучить Стэнли — он уже обмолвился Стэнли о туманном плане убийства ради развлечения, который, вероятно, никогда не собирался осуществлять. (Вы заметили, что Гастингс слышал об этом только один раз). И настоящее убийство, потому что все готово для того, чтобы убить Эймса таким образом, чтобы Элинор была повешена.

- Переодетый Эймс уже наблюдает за всеми в пабе, потому что у него нет определенного обвинения от “Стэнли”, и он ждет, когда Стэнли появится лично. И вместо этого к нему приходит Боскомб. Он говорит Эймсу: “Я знаю, кто ты; я друг Стэнли, и это он послал меня сюда”. Эймс, естественно, спрашивает: “А ты-то тут при чем? Почему Стэнли не пришел сам?” Боскомб отвечает: “Ты дурак, некоторые из них догадались, что ты офицер полиции. Если кто-нибудь увидит Стэнли с тобой или хотя бы намекнет на это, дело пойдет на лад. Я тот человек, на которого ссылался Стэнли, который видел эти украденные вещи у женщины”. Затем он излагает историю в точности так, как она изложена в отчете Эймса, за одним исключением. Я проведу вас в дом, - говорит он, - но в том случае, если мы не получим доказательств и у меня будут неприятности из-за того, что я вам это расскажу, вы должны меня прикрыть. Вы должны сказать даже своему начальству, на случай, если мне придется выдвигать обвинение в клевете, что человек, который сказал вам это, не был тем человеком — я, Кэлвин Боскомб, — который помог вам проникнуть в дом. Если мы найдем доказательства, я, конечно, признаю и то, и другое. В противном случае у меня должно быть алиби, расписанное черным по белому. . или я вообще отказываюсь вам помогать. Это ваше крупное дело; оно подразумевает повышение по службе, оплату и все остальное, если вы с ним справитесь. То, о чем я вас прошу, чисто формально, но я настаиваю на этом”.

“Ну, а что мог сделать Эймс? Согласившись, он абсолютно ничего не терял, а в случае отказа мог лишиться всего. Это было слабое оправдание, но он поверил в это — и умер.

— Итак, они договорились, что в четверг вечером — в четверг вечером, как и в любом другом плане, разработанном Боскомбом, потому что в отсутствие миссис Горсон дом запирали рано и не было слуг, которые могли бы заметить случайных гостей из окрестностей, - Эймс должен был прокрасться в темноте в комнату Боскомба и встретиться с ним. Стэнли. Последний штрих реальности следует добавить, когда Эймс, если бы он слонялся по дому, увидел бы, как Стэнли входит в дом в более раннее время; и он вбил в свой не слишком умный мозг, что ни в коем случае не должен заговаривать со Стэнли. Что ж, Эймсу так и не суждено было добраться до комнаты Боскомба живым.

“Тем временем Боскомб готовил свои улики против Элинор. Купленных браслета и сережек, даже часов в виде черепа, было бы недостаточно. Он, должно быть, надел пару перчаток, очевидно, принадлежащих ей, но что еще могло бы указать на Элеонору? Затем его больше всего вдохновила проблема Пола — стрелки на часах”.

“Остановитесь немного”, - вставил Мелсон. - В этом-то и загвоздка, не так ли? Как Боскомб узнал об этом? Когда Полл разговаривал с Элинор, будь то на крыльце или в такси, Боскомб никак не мог это подслушать! Как он узнал?

- Через характер самого Пола. Сегодня вечером я перекинулся парой слов с молодым Кристофером. Пол! он вел себя именно так, как мы и предполагали. Вы, наверное, заметили, что единственным человеком в доме, к которому Боскомб относился с полупрезрительной терпимостью, был Пол? Полл забавлял его, и, напротив, он мог тешить свое тщеславие. Более того, Боскомб нравился Полу. Он хотел занять денег — очевидным человеком, у которого можно было их занять, был Боскомб, который был богат, — но он не осмеливался встретиться с ним лицом к лицу. …”

- Понял! - тихо сказал Хэдли. - В качестве последнего средства, когда он выходил из дома тем утром, ему вдруг пришло в голову, что было бы проще, если бы он написал Боскомбу то, о чем у него не хватило духу спросить…

“да. И Боскомб встретился с ним, уладил возникшую проблему и быстро убрал его с дороги, пообещав молчание наличными. Это

был тот человек, которому Полл написал записку. Если бы ему не пришлось обсуждать эту тему с Боскомбом лицом к лицу, он был бы готов встретиться с ним после того, как Боскомб узнал о трудностях. Я полагаю, это не редкость.

“Итак, мы подходим к последнему акту. Боскомб и Стэнли находятся в комнате первого в четверг вечером, ожидая жертву. Все, что касается Боскомба, - это атрибуты инсценированного убийства, которые ему не нужны. В его спальне есть атрибуты, которые ему действительно нужны.

- В среду вечером он украл стрелки с часов, надев перчатки, похожие на те, что были у Элеоноры. Боже, разве ты с самого начала не осознавал — разве ты не видел, как выделяешься во всей красе, — тот совершенно очевидный факт, что Боскомб - единственный мужчина в этом доме, у которого руки достаточно маленькие, чтобы надеть эти перчатки? Десятки раз вы видели его маленькие, изящные руки, которые не обязательно были затянуты в перчатки, но только настолько, чтобы не испачкаться краской, когда он снимал стрелки с часов. Одна перчатка, вместе с минутной стрелкой и остальными уликами, была спрятана за панелью в четверг, пока Элеонор была на работе. Он знал, что находится в безопасности; он знал, что из-за инстинктивного, глубоко укоренившегося страха Элинор перед настенной панелью она не пользовалась ею уже много лет. И в четверг вечером в его спальне были готовы необходимые ему аксессуары - часовая стрелка и перчатка для правой руки.”

- Вы хотите сказать, - спросил Хэдли, - что перчатка все-таки была использована? Я.

- Но, черт возьми! вы сами доказали, что ни одна из этих перчаток…

- А вы ничего не перепутали? - осведомился доктор Фелл, наморщив лоб. - Я, кажется, припоминаю, что вы это доказали; более того, как я продолжал повторять раз за разом, именно вы это продемонстрировали. Я не припоминаю, чтобы когда-нибудь от себя заявлял, что перчатка на правой руке не использовалась. Все, что я сказал, это то, что левая перчатка в твоем гениальном и восхитительном ложном решении оказалась не той, которую мы искали… Естественно, мой мальчик, я не осмелился намекнуть, что правая, так сказать, правильная. В вашем душевном состоянии это было бы слишком опасно. Если бы вы могли доказать вину Элеоноры, вы были бы вполне готовы к тому, чтобы

она владела обеими руками.”

— Значит, вы использовали ложные доказательства, - медленно произнес Хэдли и, прищурившись, опустил карандаш, - чтобы доказать…

- Правду. Вы правы, - весело согласился доктор. - Но, с другой стороны, мы оба всегда делали это правильно…. Давай я покажу тебе на примере небольшого эксперимента. Попробуй сам, Мелсон, я не хочу, чтобы этот попрошайка жульничал. Возьми этот нож для разрезания бумаги, он довольно острый. А теперь подойди к тому дивану и хорошенько вдави его в одну из подушек, они набиты перьями. Не обращай внимания, я отвечаю за это перед отелем. Как только нанесешь удар, отдерни руку, но не потому, что ты не хочешь, чтобы перья были на твоей перчатке, а потому, что ты не хочешь, чтобы они были на твоей одежде. Как Боскомб. Сейчас же!”

Мелсон, надеясь, что никто никогда не сфотографирует его за этим занятием, нанес сильный удар и отпрянул в сторону.

“Хорошо”, - приветливо сказал доктор Фелл. “Что вы сделали сразу, как только нож опустился?”

“Я разжал руку. Вот перо—

- И вот почему, Хэдли, кровь была на ладони перчатки и нигде больше; не так уж много, потому что, за исключением случаев с перерезанной артерией, у людей не обильно течет кровь в первую же секунду после удара. Ваша теория была бы верна только в том случае, если бы убийца извлек оружие из раны, все еще крепко сжимая его в кулаке, но не иначе.

— Тогда давайте проясним последнюю трудность - почему человек из “Скайлайта” не видел, как Боскомб вставал со стула, и почему Гастингс был готов поклясться, что видел его там все время. Это объясняется само собой, если изучить доказательства.

- Сначала подумайте о том, что Боскомб хотел показать Стэнли, чтобы Стэнли мог поклясться в его присутствии. Сначала обратите внимание на исключительную высоту, ширину и глубину этого синего кресла. Итак, где было это кресло? Вспомните, что, по словам Гастингса, он мог видеть со своего места на крыше: “Я мог видеть только правую сторону спинки стула, обращенную к двери”. Другими словами, лунный свет был расположен так, что частично падал на спинку и подлокотник с

одной стороны, в то время как большая его часть слева (представьте, что вы смотрите на него сверху вниз) была в тени. Что Гастингс хотел сказать снова и снова, когда в первый раз посмотрел вниз — несколько месяцев назад? Что в кресле кто-то сидит; что это Стэнли, но он не мог быть в этом уверен, потому что мог видеть только часть головы мужчины над спинкой стула; и самое главное, что единственное, что он мог видеть в Стэнли, - это то, как мужчина сжимал и разжимал пальцы на подлокотнике кресла. Помните, как он подчеркивал это?

“Итак, в четверг вечером представьте, что Стэнли смотрит на вас сквозь щель в экране. Большая часть кресла была в густой тени, и вся передняя часть тоже, потому что лунный свет отбрасывал на нее тень от самого кресла — всю, за исключением внешней стороны крыла и подлокотника. Очень хорошо. Стэнли должен был увидеть, как Боскомб сел в это кресло, когда погас свет. Что же тогда он должен был увидеть? Что же так загипнотизировало Гастингса в ту ночь, о чем он думал…?”

“Лунный свет падал на пистолет, - ответил Хэдли, - предположительно, на руку, державшую его… Да, на руку… и, Боже мой! теперь, когда я начинаю думать об этом, она была абсолютно неподвижной и непоколебимой!”

“Совершенно верно. Часть этого и должен был увидеть Стэнли. Гастингсу было лучше видно, но больше он ничего не смог разглядеть из-за самой природы обстановки. И, судя по его собственным показаниям, он не может поклясться, что видел Боскомба в этом кресле, хотя и думает, что видел. Запомните это: Стэнли, ростом шесть футов два или три дюйма, сидел в этом кресле в тот первый вечер, когда Гастингс подслушал их разговор, и он видел только часть макушки Стэнли! У Стэнли, пропорционально широкоплечего, из-за крыла была видна только одна рука, лежавшая на подлокотнике кресла. Если оно было слишком большим для гигантского Стэнли, то, должно быть, поглотило миниатюрного Боскомба. Тогда, судя по показаниям самого Гастингса, он мог видеть в лучшем случае пистолет и, возможно, часть “руки”.

“Боском соскользнул со стула влево в этой густой темноте и в своей черной пижаме. Как он управлял оружейным бизнесом, мы пока не знаем, потому что он наверняка избавился от этих улик, но я могу догадаться. Ты помнишь, Мелсон, как мы впервые вошли в его комнату прошлой ночью? Я, совершенно невинный, сделал движение, как будто собирался сесть на единственный

стул, который я когда-либо видел, достаточно большой, чтобы я мог расслабиться. Боском без всякой видимой причины подвинулся и сел передо мной. Сбоку, под подушечкой, было что —то вдавлено, вот почему - что-то вроде чехла для ботинок, чтобы надежно удерживать пистолет, а на рукоятку пистолета была накинута одна из тех ослепительно белых хлопчатобумажных перчаток, которые использовались при фиктивном убийстве. Ему понадобилось всего мгновение, чтобы поправить его, пока он наклонялся со стула вбок и создавал закрывающую тень своим телом, и еще мгновение, чтобы снова убрать ее. Гастингс, между прочим, действительно слышал шорох, когда он то ли уходил, то ли возвращался к креслу, и слышал его тяжелое дыхание; вы помните? Но неудивительно, что Гастингс восхищался непоколебимостью и необыкновенной твердостью его руки.

- Боскомбу на самом деле не нужна была вся эта чепуха. Стэнли, вероятно, был бы готов поклясться в его присутствии, просто сказав, что он сел и оставался невидимым. Это было глупо, по— детски и ужасно в духе Боскомба. Это было неизбежно — для Боскомба.

- Итак, наш убийца с бледным лицом скользнул влево, прошел в дальний конец комнаты и вдоль задней стены добрался до своей спальни. У него было достаточно времени. Он велел Эймсу позвонить в колокольчик, подождать и, если через пару минут ему не ответят, подняться наверх. Боском был готов. Лунный свет, проникавший в окна его спальни, давал ему достаточно света, чтобы найти приготовленную часовую стрелку и настоящую перчатку. Он вышел через панель, нанес удар, исчез и вернулся; и его алиби было безупречным. Он не хотел, чтобы ему помешали. Он выбрал двенадцать часов, потому что Элинор, даже в том маловероятном случае, если она поднималась на крышу, никогда не поднималась раньше двенадцати пятнадцати. В обоих предположениях он ошибся в тот вечер; она поднялась, и поднялась еще до двенадцати пятнадцати. Но если в этом отношении удача была не на стороне Боскомба, то в том смысле, что она поднялась наверх первой примерно без четверти двенадцать, а затем, после тщательных поисков пропавшего ключа, через несколько минут после убийства, как раз вовремя, чтобы навлечь на себя подозрения, как он и намеревался.

В конце концов, украв ключ, он заблокировал проход со стороны лестничной площадки, но уже позаботился о том, чтобы он был заблокирован и со стороны крыши. Сломанный засов был

приведен в порядок. Если Элинор не могла подняться наверх, Гастингс не мог спуститься, чтобы посмотреть, почему она этого не сделала. Он ничего не оставлял на волю случая; он предвидел даже те случайности, в которые не верил; он держал в руках тысячу нитей, гордясь своей способностью никогда не ошибиться ни в одной из них. Он играл в дюжину шахматных партий одновременно и получал от этого удовольствие. Он был ловким, блестящим, чрезмерно изобретательным и неудачливым, и мысль о том, что его повесят, не причиняет мне особой боли".

Хэдли глубоко вздохнул и закрыл блокнот. Огонь разгорался все сильнее, снова пошел дождь, и Мелсон уже начал задумываться, как этот короткий перерыв повлиял бы на его работу над делом Бернета.

- Да, я думаю, это все, - сказал старший инспектор, снова берясь за свой стакан. — За исключением того, что ты делал сегодня днем и вечером. …"

- Я пытался раздобыть вещественные доказательства. Боже милостивый! Я ничего не имел против этого человека! В его спальне есть потайная панель, через которую он мог выйти в коридор; ну и что с того? Он мог бы посмеяться надо мной. Два свидетеля, пусть и неохотно, поклялись бы, что он все время сидел в кресле. Его алиби было нерушимым, но мне пришлось его нарушить.

"Из уважения к вам я сначала попробовал более мягкие методы. Был небольшой шанс, что кто-нибудь в ювелирном магазине Гэмриджа вспомнит человека, покупавшего дубликаты украденных вещей. Я послал двух ваших людей по этому следу, но он оказался слабым. Даже если его когда-нибудь опознают как человека, купившего браслет и серьги, он усилит свою очевидную защиту Элеоноры (Господи, как он был умен в этом!), просто сказав, что они были для нее. Мы думаем, что он все еще галантно пытается защитить ее, хотя это совсем не те статьи, и вот, пожалуйста… Моей последней слабой зацепкой было письмо "Стэнли". Если бы это было письмо к Боскомбу, стертое жидким ластиком, я надеялся, что микрофотографическая обработка выявила бы стертый почерк и показала: "Дорогой Боскомб, вот книги, которые ты хочешь", - или что бы там ни было на самом деле. Тогда он мог бы быть у нас в руках! Я поехал к своему старому другу-французу, который живет в Хэмпстеде, раньше работал с Бенколином в префектуре Парижа и до сих пор увлекается криминологией. Он проверил это. Мы упомянули в

письме неопределенные слова — этого было достаточно, чтобы доказать невиновность Стэнли в написании поддельного письма в худшем случае, — но ничего не указывало на Боскомба.

“Тогда я был вынужден разыграть свою последнюю, опасную, возможно, смертельную карту. Я был вынужден пойти к Стэнли, единственному человеку, которого Боскомб боялся. Мне пришлось рассказать ему все, придумать с ним этот план и пойти на дикую крайность, попросив сумасшедшего притвориться сумасшедшим! Я знал, что он это сделает. Я знал, что если бы он это сделал и нам это удалось, вы и ваш отдел выпутались бы из всей этой истории. Большая опасность заключалась в том, что этот человек, хотя и согласился, на самом деле совсем свихнулся и попытался достать Боскомба настоящими пулями… Что ж, сегодня вечером мои волосы поседели еще больше. Я снабдил его холостыми патронами для пистолета, который он изготовил; я держал его при себе, придумывая оправдания, пока вез его к дому Карвера — знаете, он действительно приехал со мной. Затем я доверился двум полицейским, поднял занавес в своем шоу, и ты чуть не поседел. Это был рискованный шаг, возможно, глупый, это было худшее нервное напряжение, которое я когда-либо испытывал, когда я щелкнул кнутом перед лицом настоящего сумасшедшего, притворяющегося безумным… — Но… - Он глубоко вздохнул.

Газета The Daily Trumpeter пишет: “В очередной раз была наглядно продемонстрирована эффективность блюстителей закона, даже тех, кто, выйдя на пенсию, больше не связан с институтом, который они почитают. Мы можем с гордостью похвастаться, что только в Британии такое возможно—”

Доктор Фелл сказал: “Черт возьми! это был единственный возможный способ спасти их лица. Выпейте еще по бокалу пива”.